

Зайниддин Зосифи

**УДИВИТЕЛЬНЫЕ
СОБЫТИЯ**

ДУШАНБЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИРФОН»
1984

С(Тадж)¹
В 76

Перевод с таджикского *С. Ховари*
Стихи в переводе *М. Фофановой*

Перевод: *С. Айни*, «Восифи ва хулосан
«Бадосъ-ул-вакоеъ», Таджикгосиздат, 1956;
З. Восифи, «Хикоеъи латиф», «Ирфон», 1967.

Восифи, Зайниддин.

В 76 Удивительные события (Пер. с тадж. *С. Ховари*; Стихи
в пер. *М. Фофановой*.) Душанбе: Ирфон, 1984.

160 с.

«Удивительные события» Восифи являются единственным произведением, рисующим повседневную жизнь городского населения конца XV начала XVI веков. Героями его рассказов являются простые люди, с которыми общается Восифи. События развертываются на улице, во дворцах владык, у друзей и даже в мечети. Эти рассказы носят политический, социальный, экономический, просветительный и даже сказочный характер и имеют воспитательное значение.

В $\frac{70303-205}{М 501(13)-84}$ —187—84

С(Тадж)¹

Зайниддин Махмуд Восифи

УДИВИТЕЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ

Рецензент *Л. Кандинов*

Редактор *Ш. Сандлер*
Художник *К. Тиренко*
Художественный редактор *В. Нелюбов*
Технический редактор *Е. Цыни*

ИБ № 421

Сдано в набор 24.11.83. Подписано в печать 22.03.84. Формат 60×84^{1/8}. Бумага № 1.
Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл.-печ. л. 9,3. Усл. кр.-отт. 10,0. Уч.-изд.
л. 9,22. Тираж 50000. Заказ 4924. Цена в переплете № 7 с суперобложкой 1 руб. 25 коп.;
в переплете № 5 — 1 руб.

Издательство «Ирфон». Душанбе, ул. Айни, 126.

Полиграфкомбинат Государственного комитета Таджикской ССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.

Душанбе, ул. Айни, 126.

© Издательство «Ирфон», 1984.

ЗАЙНИДДИН ВОСИФИ И ЕГО „УДИВИТЕЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ“

Зайниддин Махмуд Восифи родился в 1485 году в Герате в семье простого муллы. Отец Восифи — Абдулджалил — был просвещенным человеком. Обстановка в семье, пример отца были первой школой его воспитания. Аналитический склад ума развился не сразу, но пытливая мысль и побуждаемый ею художественный вкус, чутье к слову проявились в будущем бытописателе, сатирике и летописце Средневековья в самом раннем возрасте.

Будучи двенадцати-тринадцатилетним мальчиком Восифи начал писать стихи, хорошо разбирался и толковал произведения поэтов того времени. А в шестнадцать лет он добился встречи с Мир Алишером Навои. О чем и рассказал впоследствии в своих воспоминаниях.

Восифи прожил сложную, многотрудную жизнь. Во времена правления Шайбонихана (1508), острослов и смутьян, он навлек на себя недовольство властей и вынужден был с семьей покинуть Герат, а во время захвата Хорасана Шохисмоилом Сафави, опасаясь преследования и расправы, переехал в Иран в надежде мирно и безвестно заниматься там своими делами. Затем опять вернулся в Герат, где пришлось проживать тайно. Это его раздражало, возмущало, наконец, просто надоело, и решил уехать в Мавераннахр, что ему удалось лишь в 1512 году. В Мавераннахре он сначала остановился в Самарканде, затем в Бухаре, жил в Фаркате, Ташкенте, Шахрисабзе, опять в Самарканде, Шахрухия, вернулся в Ташкент. Таким образом он кружил по городам Хорасана и Мавераннахра, знакомился с жизнью трудового народа, видел и наблюдал жизнь имущих слоев: правителей

казиев, высокопоставленных религиозных лиц, чиновников и царедворцев. Эти знакомства и дали материал для его острых сатирических рассказов.

Он знакомится с поэтами и учёными своего времени, посещает литературные беседы и пользуется большим уважением среди учёных. Будучи разносторонне развитым человеком — по словам его современника Амира Мухаммада, он был неподражаемым и единственным во многих делах: хороший пловец, отличный ходок, сладкоголосый певец, красноречивый оратор, искусный подражатель, знаток и прекрасный отгадчик муазма — шарад, замечательный писец, по быстроте письма никто с ним не мог сравниться, такой стихотворец, что за ночь мог написать ответ на касыду в пятьдесят-шестьдесят бейтов (то есть 100-120 строк); он был украшением бесед высочайших особ. И не случайно в 1520 году правитель Келдимухаммад призвал его в свой дворец и назначил одним из ближайших своих советников, хотя Восифи и не хотел этого.

Из воспоминаний видно, что в 1532 году он еще пребывал во дворце султана Келдимухаммада. Как сложилась дальнейшая судьба покинутого на чужбину многострадального писателя, остается неизвестной.

Литературная деятельность Восифи примечательна тем, что он выступал и как поэт, и как прозаик. И уже одно это свидетельствует о незаурядности его дарования. Нужно сказать, что прозой в то время занимались очень немногие.

«Удивительные события» Восифи являются единственным произведением, рисующим повседневную жизнь городского населения конца XV начала XVI веков. Героями его бытовых миниатюр и рассказов являются простые люди, с которыми общается Восифи. События разворачиваются и в домах знакомых и друзей, на улице, во дворцах шахов и даже в мечети.

Восифи в своей книге излагает не только те истории и удивительные приключения, что произошли с ним самим, но и случаи, происшедшие с его друзьями и знакомыми, а также приводит услышанные от них рассказы.

Эти сценки и истории носят, политический, социальный, экономический, просветительный и даже сказочный характер и имеют большое воспитательное значение. В книге много сатирических рассказов, в которых он высмеивает правительственную верхушку, служителей религии, графоманов-блюдолизов, везирей-взяточников, пьяниц, уличных торговцев. И в противовес им выводит людей простых, честных тружеников, скромных и достойных всяческого уважения представителей науки и литературы.

В воспоминаниях много бейтов, коротких стихотворений, которые уточняют, украшают содержание рассказов. И очень жаль, что нет отдельной книги, вобравшей в себя все образцы поэтического творчества автора.

В «Удивительных событиях» много исторического материала, который помогает читателю понять обстановку того времени. Мы узнаем, что Герат тогда был культурным и научным центром. Поэты и учёные собирались на

беседы и проводили вечера в поэтических турнирах (мушоира), научных спорах. С другой стороны, правящая верхушка, власть и богатство имушие искали наслаждения в пьянстве, разврате и разгуле. За ночь они выбрасывали огромные суммы, в то время как трудовой народ влачил жалкое существование.

Герат изобиловал увеселительными домами, и они пользовались такой известностью, что приезжали сюда толстосумы из других вилоятов и даже из Ирака.

Привольно жилось в Герате в то время олуфта (гулякам), на местном наречии которых называли «ятимами». В основном это были представители ремесленников-кустарей. Они много времени уделяли тренировке тела, оттачивали остроумие. И не случайно, что именно среди них оказывались известные богатыри и борцы-пахлавоны и острословы. Ятимы проводили свое время в драках, спорах и пьянстве, устраивали беспорядки и дебоши.

Поэтому в книге известное место занимают рассказы о подвигах таких пахлавонов, которые ублажали правителей и за свое мастерство получали дорогие подарки.

Книга Восифи, содержащая интересный исторический материал, служит источником для изучения культурной жизни народов Средней Азии, политических деятелей того времени.

Говоря о книге Восифи, устод Садриддин Айни отмечал, что «значение этой книги в отличии от других старых книг заключается в том, что автор ее изображает положение вещей обнаженно, открыто, с полной откровенностью». И еще: «Для характеристики культурной и литературной жизни первых десятилетий XVI века огромный интерес представляют мемуары Восифи под названием «Удивительные события», — пишет видный советский ученый А. К. Боровков.¹

В предлагаемую книгу вошли наиболее интересные рассказы и случаи, приведенные в книге С. Айни «Восифи ва хулосаи «Бадоеъ-ул-вакоеъ» (Восифи и содержание его «Удивительных событий», Сталинабад, 1956 год), а также отдельные рассказы, вошедшие в небольшую книжку, составленную З. Вохидовым и Х. Шарафовым — Зайниддин Восифи, «Хикоёти лауиф» (Зайниддин Восифи. Занимательные рассказы) отрывки из книги «Удивительные события», Душанбе, 1967 год).

Как пишет устод Айни в предисловии, он построил свою книгу так, чтобы сохранить хронологию событий, а также выбрал наиболее интересные и занимательные рассказы и передал их доступным для широкого читателя языком. Им выброшены утратившие для наших дней свою выразительность и сочность тексты, опущены нецензурные анекдоты и выражения, что совершенно не умаляет значение и весомость воспоминаний Восифи.

¹ А. Н. Болдырев. Зайниддин Восифи. 1957 г., стр. 9—10.

В переводе опущены исторические материалы, информирующие о завоеваниях, дворцовых интригах, борьбе за власть и так далее, потому что, как говорилось выше, в книгу вошли лишь интересные рассказы и случаи из жизни Восифи. Также не вошли менее интересные события или близкие по содержанию рассказы и не сохранено перечисление имён поэтов и учёных, присутствовавших, например, на беседе, устроенной Маджиддином в честь Алишера Навои.

В начале книги помещены переводы рассказов и событий, приведенных устом Айни, в конце — из книги, составленной З. Вохидовым и А. Шарифовым.

Цель перевода и его опубликования в том, чтобы познакомить русского читателя, а через перевод и читателей других национальностей, с выдающимся произведением XVI века и единственной книгой Восифи, которая представляет большой интерес с разных точек зрения — исторической, культурной, этнографической и воспитательной

Думается, будут и последующие переводы, более полные, охватывающие описание исторических событий времени Восифи.

С. Ховари

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ВОСИФИ ПОСПОРИЛ С ГУЛХАНИ

день похорон Мумина Мирзо — внука Хусейна Бойкаро — собрались все гератские поэты и каждый слагал марсию — элегию — по этому поводу. И вот один из поэтов заунывным голосом начал читать свою марсию.

Гулхани не выдержал. Он выступил вперед и, высмеивая этого поэта-неудачника, привел такие бейты — двустишия, что присутствовавшие на этом скорбном обряде повалились со смеху наземь.

Гулхани же сказал:

— Эй, безмозглый осел, ты сложил марсию в честь вселенной, а не шахзаде¹. Если б были живы Саади, Салмон, Захир Хакани и Анвари, они не спешили бы обнародовать свои поминальные строки, а поразмыслили бы сначала, что стихи, написанные ими, должны быть не ниже воспеваемой высокой особы. Я сегодня тоже сочинил двустишие, и, если были бы живы названные мной поэты, они, полагаю, достойно оценили и всем сердцем одобрили бы его.

Все собравшиеся поэты согласились с его словами и стали просить прочитать это двустишие.

Солнце мое закопали, я же всю ночь до утра
Прахом себя посыпаю, чтобы взошло, как вчера.

Собравшиеся шумно выразили свой восторг и пришли к выводу, что со времен Адама до настоящей поры ни один поэт не сложил подобное двустишие.

¹ *Шахзаде* — царевич, принц.

Мне тогда было тринадцать лет. Я сказал мавлоно¹ Амони, моему родственнику:

— Какое нелепое двустишне.

— Молчи,— ответил он мне,— если не хочешь, чтобы опозорили тебя на весь мир.

Но тут в разговор вмешался Гулхани:

— Мавлоно Амони, что сказал вам этот мальчик?

— Он восхищается вашим двустишием. Говорит, что оно очень удалось вам.

— Ему ли судить об изяществе этого бейта,— сказал Гулхани.

Я опустил на колени и сказал:

— Если я не могу судить об изяществе вашего бейта, то уж о нелепости его — могу.

Мои слова вызвали ропот собравшихся.

— О, достопочтенные,— обратился я,— прошу немного вашего внимания, и я объясню несуразность этого бейта.

Солнце мое закопали, я же всю ночь до утра
Прахом себя посыпаю, чтобы взошло, как вчера.

Это все равно, если бы человек сказал, что он всю ночь до утра читает Коран, чтобы взошло солнце. Каждому сообразительному, образованному человеку ясно, что это нелепость. И потом, мавлоно Гулхани, зачем вы посыпаете себе голову прахом шахзаде и что эти слова значат? Вы что, похититель саванов, что извлекаете шахзаде из могилы?

Поднялся шум и гам. А Гулхани казалось вот-вот испустит дух.

— Этот бейт,— сказал я,— нужно поправить вот так:

Солнце мое под землю, кровью душа изойдет,
Голову прахом покрою, пока не увижу восход.

Гулхани вытащил из-за пазухи свой девон — собрание стихов, который намеревался преподнести с дарственной надписью Султанали Машхади, подарил его мне, попросил у собравшихся прощение и таким образом вышел из неловкого для него положения.

¹ Мавлоно — титул некоторых богословов и ученых, а также почтительное обращение к уважаемым людям.

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ВОСИФИ ПОЗНАКОМИЛСЯ С МИР АЛИШЕРОМ

осифи рассказывает: мавлоно Сохиби Доро, являвшийся одним из именитых друзей великого эмира Низомуддина Алишера, был моим близким родственником с материнской стороны. Однажды с отцом я пошел к нему домой. Там собрались видные ученые. Мавлоно Сохиби Доро сказал моему отцу:

— Давно поговаривают, что ваш сын обучается наукам и пруспешает в этом, он — сладкоголосый певец, хороший поэт и как бы трудна ни была муамма, отгадывает запросто, не зная отгадки.

Затем, глядя на меня в упор, произнес муамма и тут же спросил ответ.

Я немного подумал и сказал отгадку.

Все собравшиеся были поражены, а мавлоно Сохиби Доро сказал:

— Я эту муамма придумал сегодня ночью и никому еще ее не говорил. Иначе я подумал бы, что он ее уже слышал где-то. Вот это и называется сметливостью и одаренностью.

Мы с отцом вернулись домой. Вскоре пришел слуга мавлоно Сохиби Доро и сказал, что его хозяин просит меня к себе.

Когда я пришел, высокочтимый мавлоно сказал:

— Я ходил проводить Мир Алишера. Как только я появляюсь у него, он обычно спрашивает меня: «Ну что необычного и удивительного ты видел и слышал в городе?» На этот его вопрос я ответил: «Я сегодня встретился с человеком, которому примерно шестнадцать-семнадцать лет. Он разгадывает любую муамма, преуспевает в науках, песнопении и стихосложении».

Мир удивился и сказал:

— Ты испытывал его?

— Да, испытывал, — ответил я. — Загадал ему трудную муамма, он тут же отгадал ее.

— Почему не привел его ко мне, — сказал Мир Алишер с упреком, — завтра же приведи его.

Я пожалел, что рассказал ему о тебе, потому что беседы Мира очень мудреные и на многих наводят страх. Бывало, что он спрашивает у человека, как его зовут, а тот не может от растерянности ответить. Он может загадать такую муамма, что ты не разгадаешь ее. И мне тогда будет очень стыдно. В любом

случае, приготовься и завтра утром пораньше приходи ко мне: многоуважаемый Мир ждет встречи с тобой.

Восифи рассказывает, что, вернувшись вечером домой, он был в таком состоянии, словно его укусила змея. Вертелся с боку на бок и никак не мог уснуть. Отец заметил его волнение и спросил, в чем дело.

— Завтра я иду на беседу к Мир Алишеру. Не знаю, чем она кончится?

Отец растрогался до слез, а затем стал успокаивать меня.

Словом, рано утром я был у мавлоно Сохиби Доро. Кроме меня там уже были трое обучающихся наукам.

Мавлоно Сохиби сказал:

— Эти тоже приглашены к Миру.

Один из них легко разгадывал муамма, другой прекрасно слагал и читал касыды, а третий — был искусен в маснави¹.

И вот мы пришли к Миру Алишеру, вступили в это высокопоставленное общество и стали собеседниками Мира.

Почтеннейший Мир посмотрел в мою сторону и, указав на меня, спросил у мавлоно Сохиби Доро:

— Это он отгадывает муамма, не зная отгадки?

— Да, он, — ответил мавлоно Сохиби Доро.

— Я по глазам узнал, что это он, ибо в его глазах читается мысль, — сказал Мир Алишер и произнес эту муамма:

Взгляни на сад, где кипарис поблек от листопада,
И онемели соловьи, став безголовьем сада.

И попросил отгадать ее.

Совершенно случайно, — продолжает Восифи, — я помнил и знал эту муамма, помнил ключ к ней и разгадку. Я задумался: то ли притвориться, что я ее не знаю и с честью освободиться от собравшихся здесь требовательных и пристрастных экзаменаторов, или быть правдивым. Правда победила, и я сказал:

— Махдумо,² я знаю эту маумма, знаю и ее разгадку.

Высокочтимый Мир опустил голову и задумался. Затем поднял взор и обратился к присутствующим:

— Уважаемые, вы поняли смысл его слов? Он хочет сказать,

¹ *Маснави* — стихотворная форма с парной рифмовкой полуступицей.

² *Махдумо (махдум)* — сыновья высокопоставленных духовных лиц, почтительное обращение к старшим из ученого сословия, господни.

что силен в этом вопросе и загадайте, мол, мне такую муамма, на которую я бы не мог найти разгадку.

На этом собрании Мир больше не загадывал муамма, был благосклонен ко мне и сказал мавлоно Сохиби Доро:

— Я поддерживаю его притязания.

РАССКАЗ О ТОМ, КАК С ПОМОЩЬЮ НАВОИ ОСВОБОДИЛИСЬ ОТ ПРИТЕСНЕНИЙ ХОДЖИ МУХАММАДА ЧАНОРА

осифи рассказывает, что у султана Хусейна Мирзо был правитель по имени Мухаммадвалибек. Падишах поручил ему правление Гератом и его окрестностями. А у Мухаммадвалибека был названный сын — ходжа Мухаммад Чанор, которому он перепоручил правление Гератом. Такого дерзкого и наглого развратника и безобразника, как этот Мухаммад, не было во всем Герате. Каждый, у кого в семье подрастал красивый мальчик, опасаясь посягательств этого распутника, оберегал его, словно невинную девушку. Мухаммад Чанор задирали детей горожан, срамил и бесчестил их. Но, страшась гнева Мухаммадвалибека, очень близкого к султану Хусейну, никто не осмеливался обо всем этом довести до сведения падишаха.

Однажды к Мир Алишеру пришел человек и принес ему в дар коран, лук и головку сахара.

Мир спросил о цели его прихода.

Тот ответил:

— Отец мой был одним из привилегированных слуг. Я пришел в надежде, что войду в число слуг и смогу получить свою долю у этого благословенного порога.

Мир сказал:

— Как бы честно и достойно ты ни служил мне, однако в моем доме больше пятисот танга ты не заработаешь. Но я тебе укажу работу, где сможешь добывать ежедневно пятьсот танга.

— Сделайте милость. Я слушаю и повинуюсь,— сказал пришедший.

Мир сказал:

— Этот коран ты можешь продать за сто танга. Головку са-

хара и лук купят за двадцать танга. Итого это будет сто двадцать танга. За двадцать танга купи поношенный халат, за пятьдесят танга купи поясной платок, арабскую рубашку с пуговицами приобретешь за десять танга, за десять танга купишь нож, за двадцать танга — барашковую черную шапку с бубенчиками. Облацишься во все это как солдат, возьмешь в руки красную палку и встанешь посреди базара Малик. Как увидишь смазливового сынка богача, ты, как миршаб¹, схватишь его за руку и скажешь: «Вас просит к себе хозяин — Мухаммад Чанор». Он заплачет, бросится к твоим ногам и скажет: «Эй, пахлавон, что я сделал, в чем моя вина?» Ты ответишь: «Мне поручено привести вас к нему и больше я ничего не знаю».

Юноша начнет просить и умолять: «Эй, пахлавон, а что, если ты сделаешь вид, что не видел меня, как в пословице: «Видел ли белого верблюда?» — «Нет», — и отпустишь меня. И я, непосрамленный, с добрым именем вернусь в свой дом, и вся моя верхняя одежда, которая сейчас на мне, будет принадлежать тебе».

Забрав у него халат и поясной платок, самое малое продашь их за сто танга. Таким образом, если ежедневно поймашь пятерых юнцов — заполучишь пятьсот танга.

Услышав такой «совет», пришедший забрал свое подношение и поскорей убрался из дома Мир Алишера.

* * *

Восифи рассказывает, что султан Хусейн Мирзо в доме Навои среди слуг поселил доносчика. Никто из слуг его не ведал об этом, но сам Мир Алишер знал, что именно этот и есть доносчик султана. И «советы», которые давал человеку, принесшему подарки, Навои говорил при том согладатае.

Доносчик немедленно обо всем услышанном написал султану Хусейну. Прочитав бумагу, падишах разозлился, призвал к себе Мухаммадвалибека и сказал:

— Эй, ты, собака преисподней, достойная лишь смерти, я доверил тебе свою отару овец, чтобы ты оберегал ее от волков, а ты бросил ее в лапы кровопийцы-волка. Если бы не заслуги твоих отца и деда, я разорвал бы тебя на части. Поезжай сейчас же и вышли нечестивца Мухаммадходжу Чанора из города. Останется он хоть на миг в городе, ославлю на весь мир и тебя, и его...

¹ *Миршаб* — начальник ночного дозора эмирской полиции.

Мухаммадвалибек, вернувшись от султана, призвал к себе Мухаммадходжу, велел всыпать ему сто палочных ударов, а затем навсегда изгнал из города.

РАССКАЗ О ХУДОЖНИКЕ БЕХЗОДЕ И ПОРТРЕТЕ НАВОИ

осифи, рассказывая в своих воспоминаниях о Мир Алишере, говорит, что падишах Хусейн Бойкаро собирал вокруг себя известных, искусных живописцев и рисовальщиков, оказывал им благосклонность. Ибо это дарящее людям счастье сословие, приобщающее нас ко всему прекрасному, доставляло ему большую радость. И этот милостивый падишах выделил из среды одаренных художников устода Бехзода и назвал его «вторым Мони»¹.

Каждый раз, как на падишаха находила тоска или кто-нибудь огорчал его, он уединялся и, в одиночестве, рассматривал картины и сатирические рисунки этого замечательного мастера. И такое созерцание, как рукой, снимало с зеркала его души огорчение, и проходило плохое настроение.

У устода Бехзода во множестве были портреты разных людей и различные пейзажные зарисовки. Но чаще всего он рисовал во всяких позах Бобо Махмуда, бывшего одним из влиятельнейших повелителей того времени.

Бобо Махмуд отличался примечательной внешностью, и эта кытъя² словно сложена про него:

О великий эмир, весь ты слеплен из мяса и жира,
Рад и счастлив вовеки избравший такого эмира.
Даже если твой конь не сумеет соломы найти,
Все равно худоба не ослабит его в пути.

Каждый раз, как в седло взгромаздится эмирская милость,
Мяса манов³ двести, считай, на коня навалилось.

¹ *Бехзод* (род. ок. 1455 — ум. между 1533—37 гг.) — художник гератской школы миниатюры.

Мони — известный художник времен Шопура I. Во время правления Бахрома I был убит с попустительства зороастрийского духовенства.

² *Кытъя* — короткое стихотворение из 2—3 и более двустиший.

³ *Ман* — единица измерения веса, разная в разных местах. Табризский ман равняется 2,944 кг., шахский — 5,888 кг.

Бобо Махмуд, несмотря на свою полноту и грузную фигуру, был очень подвижным, проворным и веселым человеком. Его любили за хороший нрав, остроумные шутки и рассказы.

Вот один из смешных рассказов о Бобо Махмуде.

У султана Хусейна Мирзо была арабской породы лошадь по кличке Ашхаб.

Эти бейты очень точно описывают ее:

Кто первый взлетел на спины ее плавный раскат,
Тот, значит, и первый, ступивший на звезды Плеяд.
И всадник, познавший ее грациозный полет,
Всю жизнь свою словно в одном ликование живет.
Кто видел два уха — две стрелоподобных иглы?
Кто видел двойной наконечник летящей стрелы?

Так случилось, что эта лошадь заболела. Тогда на животных напал мор, и конюший ежедневно докладывал падишаху об очередном падеже.

Услыхав о болезни этой красавицы-лошади, падишах опечалился и сказал:

— Каждого, кто принесет мне весть о смерти сей лошади, рассеку по поясу пополам.

Надо было случиться, что в тот же день лошадь пала, и конюший пошел к Бобо Махмуду.

— Ашхаб вручила свою душу дарующему жизнь, — сказал он. — Если я принесу эту весть падишаху, он без лишних слов взгромоздит мою душу на дух Ашхаб и отправит в мир небытия. Кроме вас никто не может сказать падишаху о случившемся. А теперь я в вашей власти.

Бобо Махмуд пошел к падишаху и сел на своем обычном месте. Падишах спросил об Ашхаб. Бобо Махмуд встал с места, опустился пред падишахом на колени и сказал:

— Владыка! Да пусть во веки веков сияние твоего могущества будет под седлом величия и достоинства. Случайно я проходил мимо конюшни и увидел Ашхаб. Как-то странно она ведет себя: не притрагивается к овсу и соломе, не пьет воду и спит так крепким сном, что не шевелится и даже не дышит...

Падишах рассмеялся и прервал его:

— О несчастный, скажи, что Ашхаб пала, и все.

Бобо Махмуд ответил:

— О, оплот мира! Доставившему эту весть вы угрожали смертью. Слава аллаху, что вы сами своими благочестивыми

устами произнесли эти слова и освободили своих рабов из этого затруднительного положения.

Остроумие и находчивость Бобо Махмуда развеселили и рассмешили падишаха, и он велел завернуть Ашхаб в саван, похоронить на кладбище высокопоставленных лиц и устроить поминальное угощение.

* * *

Мастерство и слава устода Бехзода росли изо дня в день, час от часу, и каждая нарисованная им картина выводила его из-за завесы неизвестности и приносила ему успех и удачу.

Вот занимательный случай из его жизни.

Устод Бехзод принес в просвещеннейшее, высочайшее собрание великого эмира Мир Алишера картину. На ней был изображен ухоженный, благоустроенный сад. На ветвях диковинных деревьев резвились разнообразные птицы. Текли прозрачные ручьи, пестрели раскрывшиеся и полураскрывшиеся красные, желтые и синие цветы. А Мир Алишер был нарисован во весь рост в этом саду. Он опирался на посох. Перед ним были поставлены подносы, полные золота и серебра, приготовленные для того, чтобы он мог одаривать людей.

Когда его светлость Мир внимательно рассмотрел картину, он задумался над этим красочным холстом с изображением ухоженного сада с радостно раскрывшимися неповторимыми цветами, мысленно прошелся по нему, среди зеленых раскидистых, полных покоя деревьев, и соловей его души защелкал в гущах восхищения: «Прекрасно, прелестно!» Потом он сказал:

О рисовальщик, чудный вид ты дал своим холстам,
Своею радостной порой украсил Время нам!

Затем он обратился к собравшимся и спросил:

— Какие восхваляющие эту замечательную картину мысли появились у вас, уважаемые?

Мавлоно Фасехуддин, бывший учителем и наставником Мира и одним из известных ученых Хорасана, сказал:

— Махдумо! Когда я увидел эти распустившиеся розы, мне захотелось протянуть руку, сорвать цветок с куста и воткнуть его в свою чалму.

Мавлоно Сохиби Доро, бывший советником и собеседником Мира, сказал:

— И у меня появилось такое желание, но подумал, что, если я протяну руку, эти птицы могут испугаться и улететь с деревьев.

Мавлоно Бурхон, бывший выдающимся остроумом Хорасана и всегда развлекавший Мира шутками и тонкими остротами, сказал:

— Я поразмыслил и решил сдержать руку и язык. Я не скажу ни слова: как бы ненароком не вызвать недовольство Мира и не видеть, как радостное выражение его лица сменилось огорчением и как хмуро сдвинулись его брови. Тогда все так буйно цветущее на этой картине — увянет.

Мавлоно Мухаммад Бадахши, тоже бывший острословом Хорасана, которого Мир Алишер прозвал «гранильщиком шуток», сказал:

— Эй, мавлоно Бурхон, если бы это не считалось проявлением невежливости и невоспитанности, я бы взял посох, что в руке Мира на этой картине, и стукнул бы им тебя по голове.

Мир Алишер сказал:

— Многоуважаемые мои друзья высказали хорошие мысли. Если бы не бестактность мавлоно Бурхона, золотом, которым полны эти подносы, изображенные на картине, я осыпал бы всех моих собеседников.

Затем он подарил устоду Бехзоду лошадь с седлом и сбруей, дорогой халат, преподнес каждому собеседнику почетный халат.

И Восифи заканчивает это воспоминание бейтом:

Сочувствуйте же тем, кто прахом стал потом,
Истерзан и убит безжалостным мечом.

РАССКАЗ ОБ УГОЩЕНИИ ХОДЖИ МАДЖДУДДИНА, УСТРОЕННОМ В ЧЕСТЬ НАВОИ

реже чем рассказать об этом, необходимо остановиться на следующих моментах. Когда Хусейн Бойкаро стал проводить время в роскошных пиршествах, он, чтобы легче и лучше грабить народ, назначив правителем Астрабада, удалил Мир Алишера из дворца. Алишер, избавившись наконец от Астрабада, совсем отстранился от официальных государственных дел и занялся творческой работой. Но неприязнь меж-

ду Алишером и Мадждуддином все возрастала из-за безмерного любопытства последнего. Знаменитые люди Герата — ученые и прогрессивные поэты того времени — в этой ссоре были на стороне Навои и злословили насчет Мадждуддина.

Хусейн Бойкаро, желая возвысить своего добытчика денег везира Мадждуддина, хотел примирить их хотя бы для вида и таким образом уменьшить число злоязычников — сторонников Навои. Хусейн Бойкаро убеждал и просил Навои помириться, и между прочим намекал, что, если Навои согласится на примирение, Мадждуддин будет ему признателен. Словом, исподволь он хотел вину за раздоры взвалить на Навои. Несмотря на это, Навои дал согласие на примирение, и Мадждуддин в честь него устроил в своем саду пышное угощение, на которое пригласил многих известных людей Герата того времени.

Восифи так рассказывает об этом пиршестве: мавлоно Сохиби Доро говорил, что однажды Мир Алишер встретился в саду Джахоноро (сад Хусейна Бойкаро) с ходжой¹ Мадждуддином Мухаммадом, прославленным старшим правителем, и сказал ему:

— Я слышал восхваления, возносимые устроенному вами пышному пиршеству, на котором острословы и ученые состязались с мавлоно Абдулвосеь Мунши в остроумии и шутках, и упомянутой мавлоно в состязаниях побеждал их всех. Это удивительно. Я думаю удостоить подобное собрание своим присутствием.

Ходжа Мадждуддин приложил руку к глазам и сказал:

— От такой чести я коснусь головой небес,— и, чтобы подготовиться к угощению, он испросил одну неделю сроку.

Решили устроить эту беседу в селении Парза, что в полуфарсах² от Герата. Ходжа Мадждуддин там разбил такой сад, что цветники рая, очарованные его красотой и благоустроенностью, прикусывали палец изумления зубами размышления. Там был выстроен дворец, убранный и украшенный так, что подобного ему в то время не было ни на море, ни на суше.

Восифи, воспевая хауз в том саду, приводит такие бейты Амъака Бухорон:

Был хауз так глубок в том средоточьи света,
Как мысли мудреца и как талант поэта.

¹ Ходжа — уважаемый, влиятельный человек.

² Фарсах — расстояние, равное 8 км.

Сродни ключу Кавсар¹ была ему дана
Морская глубина, прозрачная до дна.
И стан рыб сверкали там на воле,
Как месяц молодой в небесном ореоле.

И, восхищаясь тем садом, Восифи продолжает: вдоль ручейков — стройные кипарисы, словно красавицы, выстроившиеся по берегам и ожидающие своих возлюбленных; на каждом розовом кусте стонущие соловьи, сердца которых разбиты и которые, тоскуя по возлюбленным, жалуется на муки разлуки; и цветут на лугу фиалки, словно отчаявшиеся красавицы, что разметали по ветру свои локоны; и рассыпаны вдоль ручейков нарциссы, подобные томным глазам влюбленных; и сверкают в ночи золототканые шатры, напоминающие сияющий бездонный небосвод, и раскинуты на земле семицветные узорчатые ковры.

... Перед айваном — открытой террасой, был маленький бассейн, выложенный мрамором. Его наполнили шербетом. Как стало известно, на шербет этот ушло восемьсот головок сахара.

Искусные кондитеры приготовили разнообразные шербеты, напитки, маринады, сладкие и молочные кисели, подали множество фруктов. Абулмалик, повар султана Хусейна Бойкаро, прозванный отцом лакомств, приготовил к тому пиршеству сорок видов кушаний, даже названия которых никто не знал.

Говорят, что мавлоно Халил Саххоф рассказывал, что на вечернем намазе² (а то собрание должно было состояться на следующий день) ходжа Мадждуддин обратился к мавлоно Абдулвосею со словами:

— Махдумо! Будьте готовы и в добром здравии, ибо завтра вы окажетесь в свирепых волнах бурного моря состязания китоподобных противников, змееподобных остроумцев. На вас набросятся все. Такое воинственное и поразительное сборище вы никогда в жизни не видели. Да пусть поможет вам создатель и дарует благополучное завершение.

Мавлоно Абдулвосею сказал:

— Завтра меня не будет.

Услышав этот ответ, ходжа Мадждуддин очень встревожился и сказал:

— Что за разбивающие сердце слова вы говорите? Предметом притяжения Мир Алишера на это пиршество являетесь вы.

¹ *Кавсар* — один из трех райских источников.

² *Намаз* — молитва, читается пять раз в день.

Беда, если вы, увы, не придете на это собрание! Я истратил на него сто тысяч танга. Если не будет вас, Мир Алишер ни в грош не поставит эти расходы и хлопоты, и пропадет все добро понапрасну. А почему вы не придете?

Мавлоно Абдулвосеъ ответил:

— Уже давно, как между вами и Мир Алишером витает дымка вражды и ненависти. Слава всевышнему, дымка эта развеялась. Главным на этом собрании будет острословие, шутки. Мир Алишер считает себя выдающимся весельчаком и жизнелюбом, и на собрании он непременно затронет меня. Я не смогу не метнуть в его сторону ответные стрелы. А вам известно, насколько уязвима его натура. Он огорчится, и то прояснение, которое наступило в ваших отношениях, с моей помощью вновь затуманится. И как после этого будет относиться ко мне султан Хусейн Мирзо, мечтавший о чистых между вами отношениях и просивший об этом у порога создателя? Он доведет меня до гибели или, вложив в пращу своего гнева, выкинет меня прочь из своих владений.

Мадждуддин сказал:

— В таком случае, все, что произойдет, я возьму на себя. Бросьте вы эти разговоры и приходите завтра.

Восифи продолжает:

— Словом, на следующий день, в четверг начало месяца джумодеулаввал¹ 1492 года, Мир Алишер в сопровождении уважаемых эмиров, высокопоставленных особ и простолюдинов прибыл в сад Мадждуддина, и каждый из них занял свое место.

Мир Алишер сказал:

— Почему на этом собрании не видно мавлоно Абдулвосеъ?

Ходжа Мадждуддин засуетился и ответил:

— Мавлоно вчера до вечернего намаза был здесь. Он пошел в город, но должен прийти, — и велел нескольким людям разыскать и привести мавлоно в сад.

Как только довели до ходжи весть о том, что мавлоно уже на улице, ведущей в сад, он сказал:

— Пока его не разозлят и не взбудоражат, толку от него не будет.

Поэтому он велел своему скороходу-стремяному по имени Шер² встать у садовых ворот и не впускать его.

¹ Джумодеулаввал — название пятого месяца мусульманского лунного года.

² Шер — лев.

Когда Абдулвосеъ подошел к саду, Шер преградил мавлоно дорогу своим посохом и не впустил его.

— Без разрешения Мирака никого в сад не впущу,— сказал он.

Мавлоно удивился:

— Какого Мирака?

Шер ответил:

— Да вы что? Мирак один.

Мавлоно обругал Мирака непристойными словами.

Шер возмутился и сказал:

— Мулло, обдумывайте свои слова.

Мавлоно стукнул Шера по шее кулаком. Защищаясь, Шер задел его рукой по голове и сбил чалму. Началась потасовка, поднялся шум. Об этом узнали собравшиеся, и случившееся очень развеселило их. Они достигли желаемого.

Мавлоно, словно разъяренный дракон, направился к гостям. Когда он подошел, все встали с мест и выказали ему должное уважение и почести, а Мир Алишер посадил его рядом с собой.

Мадждуддин, прикинувшись незнающим, спросил мавлоно Абдулвосеъ:

— Махдумо! Слуги давно сообщили, что вы подходите к садовым воротам. Случилось что-нибудь важное, что вы задержались?

Мавлоно Абдулвосеъ ответил сердито:

— Не лев, а пес, свиноподобный, с медвежьими повадками, которого вы поставили у ворот, ощерился на меня шакалом, и барс моего гнева, словно леопард, наточил и омыл когти ярости и ногти возмущения в его крови. Теперь мне ясно, что это одна из ваших хитростей, уважаемый.

Мадждуддин велел позвать Шера и, для успокоения души мулло Абдулвосеъ, того несколько раз ударили по шее, и Мадждуддин сказал мавлоно:

— Простите меня, но в таком высоком обществе ему вполне достаточно и такой трепки, но вы можете кинжалом слова и острием языка наложить на вашего слугу наказание более достойное...

Восифи в конце этих воспоминаний говорит, что, как рассказывают, на этом собрании мавлоно Абдулвосеъ достались лошадь с инкрустированным золотом седлом и сбруей, двадцать суконных чекменей и десять танга наличными.

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ХАФИЗ ГИЁСИДДИН ДАХДОР ПОЗНАКОМИЛСЯ С НАВОИ

о слов Шайхзаде Ансори Восифи рассказывает, что хафиз Гиёсиддин Дахдор из вилоята Азербайджан прибыл в Герат. Он горел желанием познакомиться с Алишером Навои. Как говорится в бейтах шейха Саади:

У врат вазиров, миров и султанов
Зря не шатайся, человек незваный.
И пес, и страж, завидев чужака,
За ворот схватят, вцепятся в бока.

И поэтому он искал пути к этому желанному знакомству. С таким намерением он пришел к мавлоно Мухаммаду Бадахши, бывшему постоянным собеседником Мира, и рассказал ему о своем желании.

Мавлоно Мухаммад долго беседовал с ним, касался разных вопросов и понял, что это одаренный человек. И подумал про себя: «Если он изыщет пути приобщения к беседам Алишера, мы потеряем тогда авторитет перед Миром, и в таком случае, как престарелым женщинам, нам лучше сесть за прялку и веретено». Рассудив так, он сказал Гиёсиддину:

— Ну и выдумал себе мечту! С Мир Алишером познакомиться очень трудно, а жить с ним в согласии при его характере — просто невозможно. Так что выброси из головы эту мысль.

Хафиз Гиёсиддин понял, что Бадахши не хочет его повести к Миру, поэтому, желая добиться своей цели, он отправился к мавлоно Сохиби Доро (родственнику Восифи), который был одним из близких Мир Алишеру людей.

Сохиби Доро, испытав его беседой, понял, что это талантливый и умный человек. Он много и долго беседовал с ним, чтобы свернуть Гиёсиддина с пути желания познакомиться с Алишером.

Обманутый в своих надеждах, хафиз Гиёсиддин, как бездомный странник, пошел к гробнице ходжи Абдуллоха Ансори и узнал, что там расположен сад Алишера. Гиёсиддин вошел в сад и стал прогуливаться в нем.

* * *

Мир Алишер утром вышел из своей рабочей комнаты во двор, чтобы немного пройтись. В это время в комнату пробралась кошка, прыгнула на полку, на которой стояла дорогая и редкая фарфоровая ваза, опрокинула и разбила ее. Когда На-

вои, вернувшись в комнату, увидел это, он так расстроился, что не мог больше работать и пошел в сад Корезох.

Алишер вошел в сад, а его собеседники были еще лишь в воротах. Хафиз, увидев Алишера, направился к нему.

Мир Алишер, видя, как незнакомый человек торопливо подходит к нему, насторожился и спросил:

— О уважаемый! Кто ты, откуда и почему пришел ко мне?

Хафиз опустил на колени и ответил:

— Я пришел к вам представиться и познакомиться с вами.

Миру понравился его ответ, и он сказал:

— Твои речи успокоили меня. А теперь подойди поближе и скажи, как ты хочешь представиться мне?

Хафиз Гиёсиддин сказал:

— Во-первых, я — чтец корана и читаю его на семь толков, во-вторых, когда я тихо-тихо напеваю бейты, у слушателей от переполняющих их чувств разрывается душа. А еще я — хороший сказитель. Я так читаю сказания Амира Хамзы, Абдumusлима и Доро, что красноречивые поэты мира накладывают на свои уста печать молчания. А еще я — раздражитель, и точно известно, что в этом деле нет мне равных. Помимо этого я сведущ в науках. О какой бы науке я ни заговаривал, осведомленный в ней ученый называет меня своим наставником. Я еще и хороший массажист и могу у마щиванием снять усталость, любую боль с тела так же легко, как волос с теста. Еще я хороший повар. Я изобретаю и могу приготовить любое кушанье и халву, так что мастера-повара приходят в изумление.

Мир Алишер выслушал все эти самовосхваления, очень удивился и сказал:

— Эй, дорогой, если хоть одно мастерство, о которых ты тут говорил, присуще тебе, то трудно сыскать в мире подобно-го тебе друга и собеседника.

Когда хафиз Гиёсиддин разговаривал с Мир Алишером, издали их увидел мавлоно Мухаммад Бадахши и сказал мавлоно Сохиби Доро:

— Это не тот ли человек, который приходил к нам и изыскивал пути знакомства с Миром?

Мавлоно Сохиби Доро внимательно пригляделся к хафизу Гиёсиддину и сказал:

— Да, это он — несчастье наших сердец и бедствие наших душ!

А Мир Алишер крикнул своим друзьям:

*За всем этим наблюдали двое слуг-садовников.
Хафиз так комично изобразил их, что зрители
от хохота повалились наземь.*

— Любезные, подойдите сюда и послушайте речи, которые вы никогда в жизни не слышали.

Все подошли. Алишер сказал хафизу Гиёсиддину:

— Вот время доказать, что ты не хвастун и не пустослов, и подтвердить свои притязания.

Хафиз Гиёсиддин сначала хорошо поставленным голосом прочитал по порядку несколько аятов — стихов из корана, чем заслужил одобрение присутствующих, затем прочитал газель, первое двустушие которой было:

Ты хрупкая нежность, а мы святотатцы,
Душой отвернешься — чему удивляться?

Прочитал он эти строки вдохновенно и хорошо, а затем стал изощряться в остроумии. Тут уж все стали кричать: «Прекрасно!», «Замечательно!» Потом он стал исполнять легенды и сказания. Прочитав с большим мастерством поэму из сказания Амира Хамзы, перешел к сказанию Абулмуслима и закончил дастаном Доро.

За всем этим наблюдали двое слуг-садовников. Хафиз так комично изобразил их, что зрители от хохота повалились на-земь.

Затем собравшиеся стали состязаться в разных познаниях. И хафиз Гиёсиддин своими знаниями победил их всех...

Мир велел привести и зарезать нескольких баранов. Принесли посуду и все необходимые-продукты и попросили Гиёсиддина приготовить разнообразные яства. Он приготовил такие вкусные кушанья, подобных которым никто из присутствующих никогда не ел.

Таким образом хафиз Гиёсиддин стал Мир Алишеру близким другом и постоянным его собеседником.

РАССКАЗ О ПАХЛАВОНЕ МУХАММАДЕ АБУСАИДЕ¹

осифи со слов мавлоно Махмуда Тойбади рассказывает, что однажды на собрании султана Хусейна Мирзо зашла речь об учености, совершенстве ума хафиза Гиёсиддина и его первом знакомстве с Мир Алишером, о котором мы говорили выше.

¹ Мухаммад Абусаид — известный борец того времени. Ни один силач не мог согнуть ему даже колено.

Султана развеселил этот рассказ, и он сказал:

— Сегодня вечером я побеседую с хафизом Гиёсиддином, — и назначил собрание во дворце Тарабафзо, расположенном в саду Джахоноро.

Султан позвал на это собрание Мир Алишера, пахлавона Мухаммада Абусаида, хафиза Гиёсиддина Дахдор... и Мирзо Пайки, прозванного Тайфуром.

Тайфур был стремянным султана. Султан обрядил его так, что каждый, увидав его, приходил в изумление. На поясе висели сорок золотых колокольчиков, украшенных жемчугом, на голове шапка, тоже украшенная жемчугом, с пучком крупных птичьих перьев на макушке. Головной убор и узкая одежда¹ были шиты золотом. Султан очень любил своего стремянного.

Султан лично пригласил его на это собрание и сказал:

— Обязательно приходите. Я эту беседу устраиваю специально для вас.

Тайфур ответил:

— О шах, я обещал друзьям и приятелям быть дома. Они хотят посетить обитель вашего раба. Как же мне теперь быть?

Султану очень не хотелось, чтобы стремянный уходил на свое домашнее сборище, но все же разрешил ему. А дом Тайфура располагался в том же саду Джахоноро, рядом с Садафхона.

Началась беседа, и хафиз Гиёсиддин с блеском проявил свои дарования, изумив всех собравшихся.

На собрании хафиз Басир спел газель, ходжа Абдуллох Марворид исполнил на инструменте мелодию, а хафиз Гиёсиддин занимал приглашенных все остальное время.

Под конец собрания пахлавон Мухаммад вышел во двор подышать воздухом и увидел у Садафхона горящий костер, услышал голоса. Пахлавон, бывший навеселе от выпитого вина, направился туда. Когда он приблизился, Тайфура известили об его приходе, и он вместе с друзьями вышел встречать пахлавона. Все склонились перед пахлавonom, и Тайфур сказал:

— О, ваш слуга благодарен за оказанную вами честь и любовь. «Сокол соблаговолил явиться на охоту мухи».

Когда пахлавон Мухаммад выпил в гостях у Тайфура еще

¹ Стремянные надевали узкую одежду, на голову остроконечную шапку из куньего меха. Повязывались широким тканым поясом, по краям которого пришиты колокольчики. Обувались в шитые золотом афганские туфли, шиколотки обвязывали украшенными звоночками повязками и шли пешком у стремени эмира или кази. Скороходами-стремянными, например, У Хусейна Бойкаро в основном были безбородые юноши, но если среди них появлялся взрослый человек, он сбрасывал бороду.

бокал вина, он так увлекся беседой и весельем с молодыми людьми, что позабыл и султана и его общество.

Мир Алишер подумал, что пахлавон Мухаммад опьянел и, будучи во хмелю, без разрешения ушел, вероятно, к себе домой.

Но пахлавон не появлялся, и султан спросил, где он?

Один из присутствующих приметил, куда ушел пахлавон, и сказал об этом султану.

— О шах, пахлавон пошел в собрание Тайфура.

Услышав это, султан изменился в лице, ибо пахлавон предпочел беседе султанского общества беседу стремянного. Это во-первых. А во-вторых, в нем запылал огонь ревности, что ухудшило его состояние, и он приказал привести скорохода-стремлянного Хисрава и велел ему приготовить одежду стремянного со всеми регалиями. Стрямянный, связав все необходимое в узел, принес во дворец.

Султан вручил узел Мирджони и велел отдать его пахлавону. Джони так и сделал.

Когда пахлавон развязал узел и увидел одежду и все принадлежности стремянного, он сразу понял, что отношение к нему султана изменилось. Был пьян — мигом протрезвел, был в забытьи — опомнился. Он тут же потребовал ножницы. Ему принесли их. Пахлавон попросил собравшихся ненадолго оставить его одного.

Все вышли из комнаты. Пахлавон начисто сбрил бороду и усы, облачился в одежду стремянного, повязался поясом со звоночками и позвал к себе участников собрания, которые все были скороходами-стремлянными.

Войдя в комнату и увидев пахлавона в этой одежде, они подняли радостный крик. Тайфур склонился к ногам пахлавона, а пахлавон обратился к Тайфуру по обычаю стремянных, начал шутить и балагурить.

Пахлавон тут же сочинил хвалебную касыду в честь султана и, захватив с собой всех стремянных, отправился в собрание к повелителю.

Султана известили, что пахлавон в сопровождении стремянных с большим шумом идет ко дворцу. Все, кроме султана, вышли на улицу и всю компанию пахлавона ввели к султану.

Пахлавон прочитал касыду и передал султану.

Султан сказал собравшимся:

— Уважаемые, ни один падишах ни в какие времена не имел у себя стремянным такого пахлавона. Поэтому я считаю необходимым показать моего стремянного всему народу.

Султан велел всем принцам и представителям знати, верхушке духовенства и военачальникам собраться во дворце, чтобы с зажженными факелами выйти в город и показать пахлавона-стремянного — эту невидаль — всем жителям столицы.

Один из слуг побежал к Мир Алишеру и известил его о происходящем. Мир тотчас же сел на коня и вскоре уже был у ворот падишахского сада. При свете факелов он увидел султана, всех шахзаде и царедворцев верхом на лошадях. Пахлавон Мухаммад в одежде стремянного вместе с другими своими друзьями-стремянными стоял готовый отправиться в путь у падишахского стремени.

Мир Алишер соскочил с коня и обратился к падишаху:

— О шах, мы с пахлавонам дали друг другу слово, что во всем будем одинаковы. Прикажите и мне принести одежду и все принадлежности стремянного, чтобы и я, как пахлавон, пошел у высочайшего стремени.

Султан, услышав эти слова, понял, что допустил ошибку и перешел в неприличии все рамки, и попросил Мир Алишера извиниться от его имени перед пахлавонам и снять с него одежду стремянного.

Мир довел извинения султана до пахлавона и попросил сбросить наряд стремянного.

На это пахлавон ответил:

— Давно я мечтал об этом наряде, теперь же, когда я получил его, даром не верну.

Услышав его ответ, султан, шахзаде и царедворцы преподнесли ему сто тысяч танга и с большим трудом смогли заставить пахлавона снять одежду скорохода-стремянного.

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ПАХЛАВОН АБУСАИД БОРОЛСЯ С ПАХЛАВОНОМ МОЛОНИ

осифи со слов ходжи Абдуллоха садра¹ Марворида рассказывает: однажды на беседу к султану Хусейну Мирзо собрались ученые и высокопоставленные лица. Пахлавон Абусаид был задумчив и не в настроении. Султан, желая узнать причину этого, спросил о его самочувствии.

— О повелитель,— ответил пахлавон,— ме-

¹ Садр — одно из высших духовных лиц.

ня прозвали пахлавонем мира, но я считаю, что это звание мне не подходит.

— Почему? — спросил султан.

— Потому, — ответил пахлавон, — что в столице — Герате — живет пахлавон Мухаммад Молони. Я с ним никогда не боролся и не побеждал его. Как же после этого мне носить такое прозвище?

— Мухаммад Молони — не человек, — сказал султан. — Это див в образе человека. Просто пемыслимо, чтобы вы стали с ним бороться и смогли победить его.

В это время вошел Мухаммад Молони, и Мирзо сказал ему:

— У пахлавона мира возникло желание бороться с тобой. Что ты на это скажешь?

— Сохрани меня аллах, чтобы я принял смелое предложение этого человека. Я же ученик его прославленного отца. Пахлавон для меня — сын высокопоставленного лица, почитаемый человек.

Пахлавон мира сказал:

— Одним из условий борьбы является то, что борец не должен отказываться от предложенной ему встречи. Для отказа не может быть никаких извиняющих причин.

Мухаммад Молони был вынужден принять вызов, и оба облачились в борцовские одежды и начали бороться.

Мухаммад Молони решил не сдаваться и не побеждать пахлавона мира, свести борьбу на ничью. И вот сделаны первые движения, пущены в ход приемы. Пахлавон мира, воспользовавшись промашкой Мухаммада Молони, ухватил его за пояс, прижал к бедру и опрокинул его боком на землю.

Пахлавон мира подошел к султану, встал на колени, как обычно делали борцы-победители, и вознес благодарности и возвеличения повелителю.

Султан сказал:

— Пахлавон мира, никто лучше вас не знает это дело. Вам хорошо известно, что пока лопатки борца не коснутся земли, остальные падения в счет не идут.

Пахлавон мира ответил:

— Мухаммад Молони — минарет, а у минарета нет ни спины, ни боков. Все его стороны одинаковы.

Мухаммад Молони вскочил с земли и, как взбесившийся слон, ринулся на пахлавона мира. А в том здании на окне была железная решетка. Пахлавон мира обеими руками схватился за нее и прочно утвердился на ногах.

Мухаммад Молони одну руку продел между его ног, другой

схватился за шею пахлавона и так дернул его к себе, что вырвал из оконного проема решетку. Он крутанул пахлавона мира в воздухе над головой и хотел уже швырнуть наземь, как султан, вскочив с места, сказал ему:

— Ради меня, воздержись и не бросай пахлавона на землю.

Мухаммад Молони бережно опустил пахлавона мира на землю и отнял от него руки.

А в заключение этого воспоминания Восифи написал этот байт:

Мир из долин и гор бог создал нам в науку:
Над сильной он простер еще сильнее руку.

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ПАХЛАВОН МУХАММАД МОЛОНИ ПОБОРОЛ СЛОНА

осифи со слов Мир Мухаммада Юсуфа рассказывает, что в 900 году хиджры¹ султан Хусейн Мирзо выехал за город в местечко Чилдухтарон, и там разбили шатры. От правителя Дели в подарок ему привели слона, груженного шелками. Слон этот был огромных размеров. Люди, побывавшие в Индии, говорили, что они и там не видели столь большого слона.

Этот слон был подобен горе, с верхушки которой свешивался огромный змей, а туловище представляло собой Бесутун, поставленное на четыре гигантские сутуна²—столба.

— Не приведи аллах иметь дело с ним. Не остаться человеку живым, — сказал как-то султан.

— О, повелитель, — сказал с иронией Мухаммад Молони, — что он за человек тогда?

При этих словах падишах заерзал на месте, страшно рассердился на пахлавона и подумал про себя: «К чему пахлавон выказывает такую спесь, бахвальство и самолюбование?»

Напрасно владеющий силой руки задается,
Где ладят кольчуги — и мастер по копьям найдется.

¹ Хиджра — мусульманское летосчисление, ведущееся со дня бегства (хиджры) пророка Мухаммада из Мекки в Медину — с 16 июля 622 года.

² Бесутун — название горы вблизи Карманшаха. Здесь игра слов. Сутун — столб, бесутун — не имеющий столбов.

Когда собеседники разошлись, султан призвал к себе эмира Саидбадра и спросил, почему так похвалялся пахлавон?

Саидбар сказал:

— Не сердись, этот слон сделает так, что все бахвальство, чванливость и самолюбование выйдут этому пахлавону носом.

Султан позвал к себе погонщика и сказал ему:

— Желая проучить пахлавона Мухаммада Молони и устроить ему головомойку. Ты должен разозлить слона и натравить его на пахлавона. Пусть как следует проучит его, собьет с него спесь.

— Мой властелин, — ответил погонщик, — вам уже надоел этот слон? Если пахлавон ударит слона по голове своей булавой, мозги его брызнут во все стороны. Когда пахлавон узнал о прибытии слона, в тот же день заказал себе булаву весом в семь хорасанских манов¹. И пахлавон не расстается с ней.

— Индеец прав, — сказал султан Саидбадру.

— Я сделаю так, что у пахлавона не будет этой булавы, — сказал Саидбар.

Вернувшись домой, Саидбар послал к пахлавону Мухаммаду Молони человека сказать, что его измучили своим бахвальством дети. Один говорит: «Я могу орудовать булавой пахлавона», другой — «Я подряд несколько раз могу подбросить булаву в воздух и поймать», третий говорит: «Я могу эту булаву сто раз непрерывно прокрутить над головой». Пожалуйста, пришлите мне вашу булаву. Я на деле испытаю этих хвастунов и разом избавлюсь от их притязаний.

Пахлавон не подозревал о коварстве Саидбадра и отослал ему свою булаву.

Как только она оказалась в руках Саидбадра, он тут же поспешил к султану и сказал:

— Я сделал свое дело, дальше — воля ваша.

Султан тут же послал за пахлавонном Мухаммадом Молони скорохода Тайфура, у которого в услужении были все дворцовые слуги, и велел сказать, чтобы пахлавон, не мешкая, как есть, не одеваясь и не обуваясь, явился к падишаху.

Пахлавон в это время спал в своем шатре крепким послепопуденным сном. Когда прибежал Тайфур и передал ему повеление султана, он понял, в чем дело, и сказал своим работникам:

— Бегите к Саидбадру и принесите мне мою булаву.

— Некогда нам ждать, когда принесут булаву, — сказал Тайфур, — сейчас же, как есть, вы должны быть у шаха.

¹ Семь хорасанских манов равняется примерно одному пуду.

Пахлавон повязал поверх рубахи поясной платок, накинул халат и в кафшах без ичигов направился во дворец.

Пока Тайфур бегал за пахлавонном, султан приказал погонщику влить в горло слону несколько бутылок вина, чтобы одурманить его. Как только пахлавон приблизился к шахскому шатру, султан велел раздражить и натравить на него слона.

Пахлавон увидел, как на него двинулся разъяренный слон. Он сорвал с себя халат, завернул в него чалму и швырнул в сторону, закатал до локтей рукава рубахи, загнул и заткнул за поясной платок полы рубахи, выставил одну ногу вперед и приготовился к бою со слоном.

Слон опустил свой огромный хобот на плечо пахлавона, конец продел под мышку и так дернул его к себе, что почти оторвал ступни пахлавона от земли. При повторном усилии земли касались уже только пальцы ног.

Пахлавон подумал, что если слон сделает еще одно усилие, то, словно смерч, поднимет его в воздух и так швырнет оземь, что ни одна косточка не останется целой. Поэтому пахлавон постарался обеими ступнями утвердиться на земле, затем полез под брюхо слона и начал его пинать ногами по всем правилам классической борьбы—гуштингири.

Слон не выдержал ударов и завертелся на месте. Погонщик свалился со слона, а животное опрокинулось на спину и четыре его ноги, как четыре столба, устремились вверх.

Послышались одобрительные возгласы собравшихся. Султан велел принести поднос червонного золота и осыпать им пахлавона. А слона подняли с земли лишь с помощью рычагов.

* * *

Через несколько дней погонщик подошел к пахлавону и сказал:

— С того дня, как вы повергли слона, он озлобился на вас и ночами не сводит глаз с вашего шатра. Я боюсь, что не прослежу за ним, и он отомстит вам, а в ответе потом буду я.

Пахлавон ответил:

— Сегодня ты ослабь привязи слона и сделай вид, что не заметил этого. Пусть он придет ко мне, я ему устрою хорошую встречу, так что он забудет свои злые намерения.

Наступило время вечерней молитвы, и пахлавон велел своим работникам постелить ему постель в шатре у столба. Халат его положили на постель, чалму — в изголовье. В общем сделали так, как будто пахлавон спит на своей постели.

А пахлавон, захватив свою булаву, с несколькими парнями спрятался поодаль. После полуночи они увидели, что слон, словно черная гора, движется от шахской ставки к шатру. Подойдя, он огляделся по сторонам, прополз внутрь шатра и, думая, что пахлавон спит на своем месте, лег на постель и стал уютить ее.

Тут подоспел пахлавон со своими друзьями. Они отвязали веревки шатра, обмотали ими ноги слона, и пахлавон так стал колотить его своей булавой, что бедняга взревел от боли. На шум со всех сторон сбежались люди и подняли крик.

Султан пробудился от сна и спросил:

— Что за шум?

— О повелитель, ночью на пахлавона напал слон. Пахлавон же был на чеку и теперь избивает его, — ответили ему.

Султан собрал около тысячи человек из своего окружения и с факелами направился к шатру пахлавона.

Приблизившись, он крикнул:

— Эй, пахлавон, будь великодушен!

Пахлавон подбежал к нему, опустился на колени и сказал:

— О шах! Это животное чуть на погубило меня. Слава всевышнему и вашему благословенному имени, я был настороже и проучил его как следует.

Султан потребовал сжалиться над слоном, вызволил из рук пахлавона, и его отвели в стойло.

Утром султан велел зарезать нескольких лошадей и баранов, устроил большой пир и примирил пахлавона со слоном.

РАССКАЗ О ПЛЕМЯННИКЕ ПАХЛАВОНА АБУСАИДА — ДАРВЕШМУХАММАДЕ

осифи со слов ходжи Махмуда Тойбоди рассказывает, что у пахлавона Мухаммада Абусаида был племянник по имени Дарвешмухаммад. Уже в семнадцать лет он хорошо разбирался в науках. Его наставник и учитель Шейх Хусейн говорил, что ему всегда бывает жаль того, что вступает в спор с Дарвешмухаммадом. Ибо Дарвешмухаммад не оставит

в покое вступившего с ним в спор до тех пор, пока не посадит на место и не победит в споре.

Но как говорят: «В каждом деле бывают напасти, а в таланте

*Они отвязали веревки шатра, обмотали ими ноги слона,
и пахлавон так стал колотить его своей булавой,
что бедняжка взревел от боли.*

же их множество». Так вот и Дарвешмухаммада настигла напасть. В Герате пошли разговоры, что иракский пахлавон Пахлавонали Рустои держит путь в Хорасан. Он пахлавон из пахлавон и имеет от падишахов грамоту, подтверждающую его богатырскую мощь. Он заявил, что отправится в Хорасан и Мухаммада Абусаида — главу пахлавонов — свернет в бараний рог.

Услышав об этом, пахлавон Мухаммад Абусаид оторвал своего племянника Дарвешмухаммада от изучения наук и стал обучать его мастерству гуштингири. Для этого он велел десяти юношам ежедневно бороться с Дарвешмухаммадом. Дарвешмухаммад каждого из них побеждал.

После этого пахлавон Абусаид каждый раз против него выставлял двух борцов. Когда юноша выработал в себе силу одолевать двух борцов, выставил трех, а затем и четырех. Дарвешмухаммад боролся со всеми четырьмя одновременно, опрокидывал их одного за другим, и они лежали поверженные в пыли.

Затем пахлавон велел наполнить мешок сырым песком, чтобы он весил примерно сто манов хорасанской мерой — около 12 пудов. Дарвеш одну руку просовывал под низ мешка, другой брался за верх, поднимал его с земли и, покрутив над головой, сбрасывал назад. Постепенно вес мешка довели до двухсот манов.

Потом пахлавон велел набить большой мешок песком, подвесить его к отверстию в крыше дома. Юноши держали мешок за веревку. Когда Дарвешмухаммад становился под мешок, юноши отпускали веревку. Мешок обрушивался на плечи борца. Он затем подхватывал его и отбрасывал прочь.

Когда упражнения Дарвешмухаммада дошли до этого, пахлавон Абусаид сказал ему:

— Я теперь немного успокоился. Но упражнения эти нужно продолжать.

Через три года, в течение которых Дарвешмухаммад неотступно упражнялся, в Хорасан прибыл Пахлавонали Рустои. Когда прославленный пахлавон приехал в селение Кусу, пахлавон Абусаид велел известным борцам с подарками выйти ему навстречу. И он был со всем уважением и почетом введен в Герат.

Пахлавон Абусаид велел гератским борцам сорок дней угощать гостя, а Дарвешмухаммад в это время должен был упорно тренироваться.

Султан Хусейн Мирзо спросил пахлавона мира, что он думает о госте и кого из пахлавонов хочет выставить против него.

Пахлавон ответил:

— Есть один олуфта (ятимак)¹, который подметает помещенные общины. Поручим ему это дело.

— Кто этот ятимак? — спросил султан.

— Дарвешмухаммад, — ответил пахлавон мира.

Султан очень удивился и спросил:

— Он не слишком молод? Как бы не опозориться...

Пахлавон сказал:

— Я надеюсь, что эта борьба принесет ему славу.

• • •

Султан велел выпустить из хауза Богизогон воду, осушить и таким образом создать площадку для борьбы. Вокруг хауза расположились зрители; султан, все царевичи и высокопоставленные лица разместились на помосте.

Пахлавоны в одних борцовых шароварах вышли на площадку, встали друг против друга, сцепились.

Дарвешмухаммад словно ребенка поднял Пахлавонали Рус-тон с земли, повертел в руках и так швырнул оземь, что вздрогнула площадка, и прижал всего, с головы до ног, к земле. Поднялся шум, гам; возгласы одобрения и восхищения достигли небес.

Пахлавонали поднялся с земли и со слезами на глазах сказал падишаху:

— О шах, эти люди связали меня своим колдовством и лишили силы и способности двигаться.

Султан ответил:

— Какой вздор. Если хочешь бороться еще, тебе дается три возможности, по твоему усмотрению.

Пахлавон ответил:

— Я считаю себя человеком, и этого одного раза достаточно.

Султан сказал своим царедворцам:

— Кто почитает меня, пусть сделает подарок Дарвешмухаммаду.

Как говорят, на том сборище Дарвешмухаммаду подарили сто тысяч танга.

Он все эти деньги отдал Пахлавонали и сказал:

— Того авторитета и чести, что выпали на мою долю в этой борьбе, мне довольно. Вы же пришли из своей страны в наши края с надеждой. Не уходите с пустыми руками.

¹ Олуфта (ятимак) — гуляка.

РАССКАЗ О ТОМ, КАК МУФРИД - БАГДАДСКИЙ КАЛАНДАР ПОМЕРИЛСЯ СИЛАМИ С ХАЙДАРПАХЛАВОНОМ ГЕРАТСКИМ

осифи рассказывает, что Дарвеш Ахмад-коконовод, бывший главой общины гуляк Хорасана, возвращаясь с паломничества, привел с собой Муфрида — багдадского каландара¹. Хорасанские муфриды говорили, что никогда не видели человека более приятной внешности и красивого телосложения, чем он.

Он носил остроконечную войлочную шапку, войлочный халат, обшитый красивой бейкой. В руке он держал прямую палку, обмотанную проволокой, весом почти в три мана. В таком наряде он встал на одной из улиц Герата и закричал:

— Я вызываю на бой пахлавонов, гуляк, силачей пяти гератских ворот и девяти его частей, и с каждым, кто выйдет против меня, будь он Рустамом Достоном, Самом Нариманом или Исфандиёром² нашего времени, буду биться вот этой палкой.

Услышав слова этого муфрида, султан Хусейн Мирзо призвал его к себе. Внешность и красноречие Муфрида понравились падишаху, и он подозвал его к себе поближе, положил руку ему на шапку и сказал:

— Будь смелым и мужественным, мы расположены к тебе.

Как только распространилась весть о благосклонности падишаха к приезжему муфриду, среди гуляк Хорасана прокатилась волна смятения и завести и, горя ненавистью к багдадскому Муфриду за доброе отношение к нему султана, все настроились против него и решили, что сын одного высокопоставленного чиновника, бывший отменным силачом и главарем пахлавонов Хорасана, будет биться с Муфридом — багдадским каландаром. И это свое решение они довели до падишаха.

Падишах удовлетворил требование хорасанских гуляк и опре-

¹ *Муфрид* — это не имя собственное. Это слово в хорасанском понимании употребляется как «повинующийся человек». Кроме того, муфридами называли бродячих забияк каландаров (странствующих дервишей). Это слово близко по смыслу к олуфта (гуляка), но муфриды должны были носить плаще каландаров.

² *Рустам, Достон, Сам, Исфандиёр* — герои-богатыри из сказания «Шахнаме» Фирдоуси.

делил местом боев хауз Богизогон. В том саду был помост, принадлежавший Мухаммаду Муъмину Мирзо. Падишах в день боев со своими сыновьями и приближенными расположился на нем.

Муфрид-каландар и сын приближенного с палками в руках встали друг против друга. Сын высокопоставленного чиновника размахнулся своей палкой и хотел ударить по голове Муфрида. Муфрид наклонил голову, и конец палки противника ударился об землю, и она выпала из рук бойца. Он хотел было поднять палку, а в это время Муфрид так ударил его своей палкой по уху, что он, словно стяг, свалился на землю. Крики и возгласы одобрения достигли небес.

Падишах велел принести большой поднос с лалами и осыпать ими Муфрида. После этого боя молва о силе и мощи Муфрида разошлась по всему Герату.

У Фирузабадских ворот Герата жил ятим — гуляка по имени Хайдар — мастер стрел. Его поражающих в боях стрел опасались все воины.

Гуляки Хорасана стали подстрекать его на бой с Муфридом. Он сказал:

— Бой с каландаром умалит мой авторитет и мою честь.

Гуляки ответили:

— Пока что умалены звание и честь хорасанских пахлавонов. Если можешь, сразись с ним и верни нам честь и звание!

И он согласился на бой с Муфридом.

Эта весть дошла до султана, и он приказал всем прославленным ятимам Герата собраться смотреть бой Хайдара с Муфридом.

Во время боя Муфрид, следуя словам: «Будь первым, и не будет тебе равного», — первым ударил Хайдара палкой по плечу так, что повредил ему руку, и тот не мог даже двинуть палкой. Муфрид нанес еще четыре удара палкой по плечам и пояснице Хайдара. Но тот стоял прямо, во весь рост, словно стальной стержень, вбитый в землю.

Муфрид размахнулся в шестой раз и хотел нанести удар по темени Хайдара.

Султан понял, что если этот удар достигнет Хайдара, от него не останется и следа. Поэтому он крикнул:

— Ой, Муфрид! Не наноси ему этого удара!

Замахнувшийся Муфрид, уже нанося удар, услышал этот возглас и, мгновенно описав круг, обрушил удар на ствол чинары, что росла здесь. Палка пробила кору и завязла в стволе дерева.

Султан призвал к себе Муфрида-каландара и спросил его:
— Что ты можешь сказать о Хайдаре?

Муфрид ответил:

— О шах, скажу по совести: если бы хоть один удар из пяти, что я нанес Хайдару, нанесли мне, я бы упал и не смог подняться до судного дня. Хайдар всемирный пахлавон.

Этот ответ понравился султану. Он подарил Муфриду четыре смены одежды с золотыми пуговицами и пять тысяч танга. Такой же подарок сделал он и Хайдару.

РАССКАЗ О СХВАТКЕ МИРХАЛИЛА С МУФРИДОМ - КАЛАНДАРОМ

осифи рассказывает, что в Герате жил саидзаде¹ по имени Мирхалил. Он был главою гуляк пяти Гератских ворот и девяти его частей. Все пахлавоны из гуляк повиновались ему. И вот он загорелся желанием побиться с Муфридом-каландаром. Он пошел к султану Хусейну Мирзо и сказал:

— Я горю желанием побиться с вашим муфридом.

Падишах засмеялся и сказал:

— У меня нет муфрида. Но есть в Герате приезжий муфрид. Если хочешь схватиться с ним — это твое дело.

В это время вошел к султану Муфрид-каландар, и падишах сказал ему:

— Саидзаде Мирхалил хочет биться с тобой. Что ты на это скажешь?

Муфрид ответил:

— Мирхалил — потомок пророка. Я еще не дошел до того, чтобы биться с преданными служителями и последователями пророка.

Мирхалил сказал:

— Эй, пустомеля-каландар, не ищи причин! Хочешь не хочешь, но я буду биться с тобой.

Муфрид ответил:

— О мой саид, сколько хотите, столько палок и сломайте об меня, пока не устанете или не уляжется ваш гнев. Но я не хочу биться с саидом — потомком пророка.

¹ Саидзаде — потомок пророка Мухаммада.

Сказав так, Муфрид вышел от падишаха. Вскоре и Мирхалил покинул дворец. Он разыскал Муфрида за хаузом Богизогон и вместе со своими ятимами напал на него. Они окружили Муфрида и нанесли ему ножами и кинжалами восемнадцать ран.

Когда эта весть дошла до султана, он приказал, где бы ни нашли, убить Мирхалила, а Муфрида велел принести к себе и, призвав хирургов, сказал им:

— Если вы исцелите Муфрида от ран, я подарю вам все, что пожелаете.

Хирурги осмотрели раны Муфрида и сказали:

— Все раны можно вылечить, но пораненные внутренности излечить нельзя.

Падишах велел немедленно найти и привести к нему хирурга устода Шайха.

— Он нездоров,— сказали дворцовые слуги.

Падишах велел взять передвижные носилки и на них принести больного хирурга.

Устод Шайх осмотрел рану на животе и велел раздобыть несколько крупных муравьев. Устод свел края раны и приложил к ним одного муравья. Муравей прикусил оба края раны. Устод тут же ножницами отделил голову муравья и отбросил тело в сторону. Таким образом всю рану он прошил муравьиными челюстями.

За сорок дней Муфрид выздоровел и начал ходить.

Мирхалил же, испугавшись смерти, спрятался так, что его нигде не могли найти.

Муфрид, окончательно выздоровев, попросил падишаха простить его.

Падишах принял просьбу Муфрида и велел объявить, чтобы Мирхалил, где бы он ни прятался, полагаясь на прощение и милосердие шаха, явился во дворец.

Мирхалил, услышав о помиловании, покинул свое убежище и явился к падишаху.

Падишах сказал ему:

— Мы хотим помирить тебя с Муфридом. Что ты на это скажешь?

Мирхалил ответил:

— Пока мы, я и Муфрид, не сразимся, примирение между нами невозможно.

Спросили Муфрида, что он на это скажет?

Он ответил:

Терпенье хотя и полезно и чтимо от веку,
Но все же не настолько, чтоб стало вредить человеку.

— Я, сколько мог, уважал, почитал и оберегал саида, а в результате получил то, что получил. Теперь ничто не препятствует мне биться с ним.

Словом, было решено, что Мирхалил и Муфрид будут биться, а местом боя было определено местечко Богишамол. Там и начался бой.

Сначала Мирхалил пытался нанести десять ударов по голове Муфрида, но тот отвел их от себя. В свою очередь Муфрид нацелился своей палкой в голову Мирхалила. Мирхалил откинул голову назад. Тогда Муфрид так стукнул палкой по голове Мирхалила, что раскрошил ему кость.

Мирхалил упал на колени, но потом поднялся и сильно потянул переломанной ногой, которая висела, как плеть. Разбитые кости загремели, словно в кожаном мешке. Собравшиеся зрители, увидев это, заволновались.

По приказу султана тут же привели костоправа устода Зайнулобидина. Осмотрев переломанную ногу Мирхалила, он велел вырыть яму глубиной в длину ноги от ступни до колена. Затем принесли гипс, сделали раствор.

Устод-костоправ всунул переломанную ногу в вырытую яму, рукой стал размешать осколки кости щиколотки, а потом велел влить в яму раствор гипса. Так же он разместил осколки кости повыше и добавил гипс. Разместив разбитые кости до самого колена, устод наложил гипс на ногу.

Устод сорок дней держал переломанную ногу Мирхалила в яме с гипсом. Затем он снял гипс, осмотрел ногу и понял, что все кости срослись правильно.

РАССКАЗ О ЯТИМЕ НАСИРЕ-КРАСИЛЬЩИКЕ

осифи со слов мавлоно Сохиби Доро рассказывает, что в 1498 году в Герате появилась группа хулиганов и бездельников, которые ночами разоряли махалля, убивали или увечили людей. Когда насилия и бесчинства вышли из всяких рамок, султан Хусейн Мирзо десятого дня месяца мухаррам¹ облачился в красные

¹ *Мухаррам* — название первого месяца мусульманского лунного года. В десятый день этого месяца погиб за веру имам Хусейн и верующие мусульмане, особенно шииты, в этот день держат траур.

одежды, надел красную шапку и вынес решение: на любой улице и махалля люди, увидев хулигана и насильника, должны схватить его и привести во дворец. Если это не будет сделано, то жители того места подвергнутся разгрому.

Согласно этому приказу хулиганов хватали и подвергали всяким пыткам: некоторых убивали, некоторым всаживали в живот гвозди, некоторых надували кузнечными мехами, некоторых пилой распиливали на две равные части, некоторых подвешивали за подмышки и привязывали к ногам тяжелые камни и таким образом расчленяли от поясницы на две части. Наряду с ними погибло много невинных людей.

Как только о таких поступках услышал султан, он поручил Алишеру Навои разобраться во всем этом.

В те времена в Герате жил ятим — гуляка по имени Насир-красильщик. Он не имел себе равных среди гуляк. Ежедневно, ежечасно устраивал он беспорядки и сеял панику и смятение на улицах города. Он был настолько находчив, остроумен, образован и красноречив, что о нем рассказывали забавные анекдоты и притчи. И вот его схватили и привели к Мир Алишеру.

Мир потребовал засвидетельствовать его бродяжничество и учиненные им безобразия. Четверо просвещенных людей подтвердили его бесчинства.

Мир сказал Насиру:

— Чем-нибудь можешь опровергнуть эти свидетельства?

Тот взглянул на свидетелей в шубах и, кивнув на них, произнес этот аят:

— Жаль, что вы ни о чем не догадываетесь. Дело в том, что вы относитесь к тем, кого облекла смерть.¹

Слова Насира рассмешили Мир Алишера, и он, взяв клятву с него, что бросит озорничать, отпустил на свободу.

Через три дня Насир опять попался. Но и на этот раз удачным остроумным анекдотом, соответствующим его настоящему положению, он сумел освободиться.

Через неделю его опять привели. На этот раз он тоже рассказал несколько интересных анекдотов.

Мир Алишер сказал окружающим:

— Жаль, если такой красивый, остроумный и смысленный юноша будет казнен как бродяга.

¹ В этом аяте Насир обыграл слово «бур». В прямом смысле «бур» — животное, из шкуры которого шьют шубы. Свидетели были именно в таких шубах. В коране же слово «бур» несет смысл «гибель», «смерть».

И на этот раз Мир взял с него слово, что больше не будет бродяжничать и безобразничать, и отпустил его на свободу.

Через два дня в четвертый раз поймали его и привели к Мир Алишеру.

Мир рассердился и сказал:

— Он перешел все границы. Пусть уведут и повесят его.

Насир сказал тогда Мир Алишеру:

— Почему вы не поступаете со мной согласно аяту корана?

Мир спросил:

— Какой же это аят, согласно которому я не поступаю?

Насир ответил:

— В коране сказано: «Не сердитесь на ятима¹» Вы же не только разгневались на меня, но и приговорили к смерти.

Ответ Насира произвел на Мир Алишера большое впечатление, и он сказал:

— Об этом нужно сказать падишаху.

В тот же час он отправился к султану и рассказал все услышанные от Насира поучительные латифа².

Падишах простил ему все его провинности и даже сделал подарок.

Мир Алишер попросил падишаха, чтобы он вместе с Насиром простил всех ятимов — гуляк и упразднил это разбирательство.

Султан внял просьбе Алишера и объявил ятимам всеобщее помилование.

РАССКАЗ О ХИТРОМ АЛХИМИКЕ И ХУСЕЙНЕ БОЙКАРО

осифи рассказывает, что в 902 году хиджры по Герату разнесся слух, что в Нишапуре объявился человек, очень сведущий в алхимии, соединении и расщеплении металлов, и в этом деле он достиг такого мастерства, что за день и ночь сто манов меди и сто манов олова превращает в чистое золото и серебро, а также может одни минералы обращать в другие.

Помимо этого он еще обладает даром врачевания.

¹ Ятим в хорасанском употреблении означает — гуляка, бродяга, хулиган, в чем и обвинялся Насир. Он же воспользовался аятом корана, где слово «ятим» употребляется в прямом смысле, то есть сирота.

² Латифа — анекдот, короткий остроумный рассказ.

Султан Хусейн, услышав это, направил в Нишапур знатных людей Герата с подарками и посланием, в котором самым уважительным образом приглашал алхимика к себе в Герат.

Когда алхимик достиг Кусу, что расположен в пятнадцати фарсах от Герата, султан заставил выйти встречать гостя в степь Соки Солмон, что в двух фарсах от Герата, не только знать и ученых города, даже служителей гарема. Разбили шатры и палатки, стали ожидать алхимика.

И вот вдали показалась долговязая фигура всадника. Одет он был по-европейски, в одежду с широкими рукавами. Лицо прикрывал рукавом, видны были лишь глаза.

Везирь султана — Низомулмулк — подошел и поцеловал его стремя. Алхимик даже взглядом не удостоил встречающих его представителей верхушки и известных ученых того времени.

Со всеми почестями его ввели во дворец Тарабхона в саду Джахоноро.

Султан тогда был нездоров, его парализовало. И он очень сожалел, «что ему не позволяют ноги, иначе бы шел до дворца пешком, ведя на поводу лошадь этого почтеннейшего человека».

Хусейн Бойкаро лишь двенадцати своим приближенным позволил беседовать с алхимиком, остальным же запретил к нему являться, требовал готовить гостю пищу в своем присутствии и, запечатав, отправлял ее алхимику.

С приездом алхимика в Герате подскочили цены на «превращаемые» товары: если раньше хорасанский ман меди стоил пять танга, теперь стали просить тридцать танга, золотник олова, который стоил всего два пула¹, подскочил до двадцати золотых монет.

Все принадлежности алхимика устанавливали во дворце Тарабхона в присутствии султана. Алхимик обещал ежедневно превращать один хорасанский ман меди в золото. Но прошел месяц, а золота все не было.

Падишах спросил алхимика, почему превращение задерживается?

Алхимик ответил, что у него мало эликсира.

— Я послал в западные страны человека, чтобы он доставил мне эликсир, — сказал он. — Вот уже прошли шесть месяцев, пройдут еще шесть, и он вернется. Тот эликсир, который у меня имеется, я использую для того, чтобы избавить вас, высокопочтенный шах, от страданий и вылечить вам ногу.

¹ Пул — мелкая монета, равнявшаяся четверти копейки.

Алхимик велел сорок дней подряд растирать ноги султана каким-то жиром. На сороковой день нужно было отвести султана в баню и там растереть ему ноги элекси́ром. После этого, говорил алхимик, он поправится и сможет сам, на своих ногах, выйти из бани и дойти до дворца.

Алхимик все это время ежедневно посещал гератское кладбище. Но султан приставил к нему на время этих посещений сто всадников, которые не отлучались от алхимика ни на минуту.

Настал сороковой день, алхимик велел натопить баню.

— В баню падишах пойдет лишь со мной, — сказал он, — никто больше там не должен быть, чтобы я мог раздеть августейшую особу и исцелить его.

У султана был близкий друг по имени Будна. Ему не понравилось требование алхимика и в нем зародилось подозрение. Но он не осмелился его высказать. Все же он предупредил падишаха:

— Я ни на миг не могу расстаться с высокорожденным. То, что я буду в бане, вреда исцелению не принесет, но помочь в чем-то я смогу. Я везде и всегда был близким другом падишаха, и в этом деле я им останусь тоже.

Такое предложение Будны пришлось по душе падишаху, и он сказал алхимику:

— Я не против, чтобы мой друг был со мной в бане. Его просьбу я принял, вы тоже не отказывайте ему.

При этих словах алхимик помрачнел, но вынужден был согласиться.

Султана завели в парильню, и все приближенные, кроме Будны, покинули баню. Алхимик со всеми своими лечебными принадлежностями вошел внутрь. Будна, не доверявший алхимику, издали пытливо оглядел его и заметил, что под набедренным фартуком сбоку у него что-то спрятано.

Он тихонько сказал падишаху:

— О шах, будьте осторожны! Почему одно его бедро толще и мощнее другого?

Султан внимательно взглянул на алхимика и сказал Будне:

— Ты прав. Надо проверить.

Будна одним прыжком оказался рядом с алхимиком и сорвал с него фартук. На левом бедре висел большой обоюдоострый нож. Будна мигом выхватил его из ножен.

Так как замысел его был открыт, алхимик сказал султану:

— Эй, султан Хусейн! Удивительно ты везуч. Если бы удача

отвернулась от тебя, ни ты, ни этот юноша, имей вы сто жизней, не вырвались бы из моих рук живыми.

Падишах велел алхимика, как есть, нагишом посадить на повозку, отвезти на Гератскую улицу, вздернуть на виселицу и забросать камнями.

РАССКАЗ О ТОДЖУННАСАБ И СЫНЕ СТАРЕЙШИНЫ НИШАПУРА

осифи рассказывает, что после пятничного намаза в окрестностях соборной мечети собрались друзья мавлоно Сафнууддина Али — сына мавлоно Хусейна Воиза. В это время появился красивый, стройный, полный совершенств молодой человек, поздоровался с мавлоно и сказал:

— Вы сын мавлоно Хусейна Воиза?

— Да,— ответил мавлоно Сафнууддин.

— Нижайше прошу вас выслушать мой рассказ. Но поведать его я могу только в уединении. Лишь вам я могу рассказать мою историю.

Мавлоно отпустил своих друзей, кроме меня, и сказал юноше, кивнув на меня:

— Все, что доверяешь мне, можешь доверить и ему.

Мы отошли в сторонку, и юноша со слезами на глазах начал рассказывать:

— Махдумо! Я — сын старейшины Нишапура. Давно я мечтал поехать посмотреть Герат. Но отец не позволял мне. В конце концов без согласия отца с некоторой суммой денег я отправился в Герат. Остановился в караван-сараяе Мираки Сарроф, что у Иракских ворот.

Ночью я отдохнул, выспался и на другой день, в полдень, решил погулять по городу. Выйдя из караван-сарая, я пошел в сторону ворот Малик. Шел я шел и добрался до Масраха — улицы Высоких замков, где располагались увеселительные дома и винные погребки Герата. Говорят, во всем мире нет подобных тем злачным местам. Я забрел на улицу протяженностью в один мил¹. По обеим сторонам высились трехэтажные дома, окна, двери, оконца которых были забраны золочеными и лазурными

¹ Мил — расстояние, равное 3 км.

решетками. Из каждого дома неслись песни и музыка: звуки бубнов, ная, уда, чанга, барбата¹ возвещали о царившем здесь веселье и достигали купола небес.

Прогуливаясь, я неожиданно увидел выглянувшую в окошко стройную, солнцеликую красавицу. Она была подобна четырнадцатидневной луне, выглянувшей из-за туч, или излучающему ласковый свет весеннему солнцу.

Как я увидел ее, тут же потерял сердце и, как влюбленный безумец, в замешательстве побрел бесцельно по улице и оказался возле какого-то дома. У арыка, протекавшего тут, сидела какая-то женщина. Она посмотрела на меня и по моему взволнованному виду поняла, что я чем-то озабочен и в растерянности.

— Послушай, юноша,— окликнула она меня,— что прикидываешься простачком и проходишь мимо меня? Ты еще не достиг того, чтобы без моей помощи и наставлений найти пути к исполнению своих мечтаний. Обитель того сокола, любовь к которому закогтила твое сердце, в моих руках. И та стрела, что вонзилась тебе в грудь, выпущена моей рукой. Меня называют Тоджуннасаб, и будь два горных барана на двух самых отдаленных вершинах, стоит мне пошевелить губами, они хочешь-не хочешь соединятся. Ты думаешь без моей помощи встретиться с той периликой. Напрасные мечты.

При этих словах у меня помимо моей воли ручьем потекли слезы, я пал ниц перед ней и сказал:

— О матушка! Протягиваю руки надежды к твоему благочестивому подолу и исполнение моего желания возлагаю на твое великодушие и покровительство.

— Кто ты, как тебя зовут и откуда ты пришел? — спросила она.

Я подробно рассказал ей обо всем, вплоть до того, как запутался в локонах той обольстительницы.

Она сказала:

— Не печалься, та девушка в моей власти: я была ее кормилицей, так что я считаюсь ей матерью. Сам всевышний ниспослал тебе счастье и сопутствовал тебе, что повстречал меня. Как только я увидела тебя, поняла, что ты подходишь той девушке. Я сведу вас.

У меня с собой были триста танга, я их положил перед ней и сказал:

¹ *Най* — флейта, *уд* — арфа, *чанг* — музыкальный инструмент типа цимбал, *барбат* — люгня.

— Извини, но со мной сейчас всего столько, потом я отблагодарю тебя.

— О, душа матери,— сказала она,— не трать пока свое золото. Тебе его понадобится очень много. Я и так буду служить тебе.

С большим трудом, просьбами и мольбами удалось мне добиться того, чтобы она приняла золото.

Женщина сказала:

— А сейчас, да поможет аллах, иди к себе домой. Я повидаюсь с ее родителями и через три дня сообщу тебе результат.

Я вернулся в караван-сарай. Работники спросили меня:

— Что случилось с вами? Вы сами не свой: так взволнованы, растеряны?

Я сослался на недомогание и не захотел им объяснять истинной причины. Через три дня я отправился к той женщине, выразил ей свое уважение и почтение, но заметил, что она чем-то огорчена. Я стал ее расспрашивать.

— О, душа матери! — вздохнула она. — Едва только я упомянула твое имя, родные и близкие той девушки начали ругаться и возмущаться:

— Ты с ума сошла! — кричали они. — Ты потеряла свой разум, что заговорила об этом. Ты прекрасно знаешь, что ее сватали более важные люди, предлагали ей все свое богатство и даже жизнь, но мы не дали согласия. Если эти люди узнают о твоём предложении — не одна, а сто голов слетят с плеч!

Выслушал я все это, и пламя любви разгорелось во мне с большей силой. Я выложил перед ней двести хони¹ и сказал:

— Все, что у меня есть, брошу к твоим ногам. Пожалей меня и приложи все усилия, чтобы уговорить их.

— Я сделаю все, чтобы помочь твоему делу, — ответила она. — Будь молодцом и не расстраивайся. Достигнешь ты своей цели. Приди через два дня.

Как договорились, через два дня я опять пошел к той женщине. С ней был молодой человек, с виду гуляка. При взгляде на него, на его нахмуренные брови, сердце смотрящего могло разорваться. Глаза его источали столько яду, что все существо глядящего пропитывалось отвратительной горечью. Я испугался его. Женщина поняла мое состояние и сказала:

— Ты не бойся его. Это мой сын, и он поможет тебе в твоём деле. — Тут она дала мне список и добавила: — С моим сыном

¹ Хони — золотая монета, равнявшаяся шести танга того времени.

ты пойдешь в мануфактурный ряд, купишь все, что перечислено в этом списке, и принесешь мне. Когда родные и близкие девушки увидят подарки, они ничего не смогут сказать и вынуждены будут дать согласие.

Я пошел с тем юношей и купил все, что было записано в том списке. Двух тысяч хони, что были со мной, не хватило. Оставив юношу у торговца, я вернулся в караван-сарай, взял недостающую сумму, отнес их торговцу и покупки вручил Тоджуннасаб.

Женщина, очень довольная, приняла товар, велела купить еще сахара, набота, халвы разных сортов, несколько баранов и сказала:

— Завтра утром все это доставь ко мне, а потом вечером, приходи для совершения обряда обручения и проведения брачной ночи.

Наутро все эти вещи я отправил той женщине, а после вечернего, намаза, облачившись в красивые одежды, радуясь встрече со своей возлюбленной, отправился к ней в дом.

В доме женщины собралась вся гератская знать, и началось празднество, подобного которому не видел свет.

Имам прочитал брачную молитву и по требованию родственников девушки определил обеспечение невесты в пять тысяч танга деньгами, в двести хорасанских манов шелка и пять тюркских и индийских семей слуг и служанок.

Когда подошло время встречи с невестой, музыканты, певцы, тещы начали петь и танцевать, а сводницы, как положено по обычаю, завели меня за занавеску, где сидела отрада моей души.

Я, подобно жаждущему при виде воды или голодному, нашедшему, наконец, харчевню, нетерпеливой рукой поднял с лица невесты покрывало и почувствовал, что передо мной разверзлись врата ада:

Была она кривой, косой, язвил покровы струп,
Как будто в платье предо мной сидел смердящий труп.

Один ее глаз, подобно виноградному плоду, вылезал из орбиты, а черное лицо ее было изрыто крупными оспинами.

Растянут был огромный рот от уха и до уха,
Болтались мочки по плечам — ушей, лишенных слуха.
Беззубый, мерзкий этот рот разъят был, как могильный свод.
И нос спускался, как тобут¹ — туда, в провалы духа.

¹ *Тобут* — погребальные носилки.

При виде этого страшилища я вскрикнул и упал без сознания.

Женщины начали меня бить, колотить и увесистыми пощечинами привели в чувство.

Когда очнулся, я закричал:

— О, тетушка Тоджуннаб! Что это такое? Что вы сотворили со мной?

В ответ женщины завопили:

— Ах, ты деревенщина, простофиля! Тебе сосватали солнцеподобную дочь Джамшеда, и ты еще недоволен! — и не дав мне вымолвить и слова, они накинулись на меня и так избили, что, наверное, в праздник барабан не получает столько ударов, сколько получил их я.

В общем, сумели они в ту ночь взвалить на меня, несчастного, то бремя, надеть на мою шею оковы бедствий.

Юноша, дойдя в рассказе до этого места, сказал мавлоно Сафиуддину:

— И вот я пришел к вам за советом и помощью. Скажите, что мне делать?

— Мой совет: немедленно беги из этого города что есть сил и не позорься дольше, — ответил мавлоно юноше.

Юноша тут же дал мавлоно слово, что не будет больше искать развлечений и любовных похощений, получил благословение мавлоно и поспешил как можно скорее вернуться в свои родные места.

РАССКАЗЫ О ПРИКЛЮЧЕНИЯХ ГИЁСИДДИНА И ВОСИФИ

осифи рассказывает, что в Хорасане жил его племянник Гиёсиддин Мухаммад, который среди ученых и знатоков того времени славился своими совершенными познаниями, ему не было равных особенно в логике и красноречии. В диспутах и состязаниях силой логики и своим красноречием он мог заставить замолчать любого, кто противостоял ему, был ловким фокусником и хитрецом. А в музыке он достиг такого совершенства, что на любой напев и мотив тут же экспромтом сочинял мелодию, и искусные мастера этого дела тряслись перед ним и приходили в изумление. А в знахарстве он был так силен, что,

если среди собравшихся находился знахарь, то он начинал просить и умолять Гиёсиддина не выдавать его секретов и не позорить его перед людьми.

Несмотря на все эти хорошие черты, в нем было немало плохого: он был большим склочником и интриганом, возмутителем спокойствия. Там, где он появлялся, хватали за грудки, выбивали зубы. Однажды на одном собрании по его подстрекательству началось такое побоище, что семеро были поранены ножами. Четверо из них скончались, трое были при смерти; кроме того — четверо жен получили от мужей развод, а разорванных рубах и воротов — было не счесть.

Он говорил:

— В человеке всегда сокрыто зло. Тот же, в ком нет зла — тот не человек.

Гиёсиддин все время попрекал и говорил мне:

— До каких пор ты, как девушка, будешь сидеть дома? Пока не походишь по свету, не попутешествуешь — не станешь человеком.

Как говорит Саади:

Пока ты заложник и дома и лавки своей.

Не станешь, неопытный, ты человеком людей.

Шатайся по свету, иди в этот мир, развлекайся,

Пока не уйдешь из него ты в какой-то из дней.

И вот однажды он сказал мне:

— У меня появилось великое желание поклониться могиле султана Хорасана — имама Мусо Ризо. Прошу тебя сопроводить меня в этом путешествии. Я буду век обязан тебе за это.

Я принял его предложение, и мы отправились в Мешхед.

Во дворе соборной мечети есть комнаты для омовения. Чтобы совершить ритуальное омовение, мы зашли в такую комнату. Помимо нас там было еще несколько человек. Вдруг из угла донесся голос. Мы прислушались. Этот некто называл нас хорасанскими суннитами¹, ругал нас самыми бранными словами.

Гиёсиддин Мухаммад подобрал и закрепил полы своего халата на поясе, и я увидел торчащий наполовину из ножен нож.

Я спросил его:

— Что ты хочешь делать?

¹ Сунниты и шииты — последователи двух направлений в исламе. Шииты не признают трех халифов — Абу-Бакра, Омара, Османа, и признают четвертого — Али и его наследников.

— Я этим незаконнорожденным, как козлятам, отрежу головы,— ответил он.

— Ты с ума сошел! — сказал я ему.— Здесь полно шиитов, и они разорвут тебя на куски.

— Я не боюсь смерти. Поэтому умирать мне совсем не страшно.

Всё это он сказал очень серьезно и спокойно, и я понял, что он действительно не боится смерти.

Я стал просить и умолять его:

— Ради аллаха, хотя бы сжался надо мной. Доверившись тебе, я оказался на чужбине. Кроме тебя здесь нет у меня друзей. Не обрекай же меня на унижения и оскорбления!

В конце концов он послушался меня, и мы вышли из комнаты омовения. Видим, собрались около пятнадцати шиитов и выкрикивают ругательства в наш адрес. Я уговаривал Гиёсиддина, успокаивал его, и мы благополучно выбрались со двора.

В Герате у меня был друг Ходжа Насир. Он прекрасно писал семью каллиграфическими почерками, особенно таъликом. Я познакомился с ним, когда служил у Фаридуна Хусейна Мирзо — сына Хусейна Бойкаро. Мирзо определил его хранителем книг, и назначение это писал я. Человек этот в те дни был в Мешхеде и жил в медресе Амирвалибека. Из соборной мечети мы направились прямо к нему.

Гиёсиддин был зол и раздражен событиями того дня и пребывал в отвратительном расположении духа.

Ходжа Насир, узнав причину его плохого настроения, сказал:

— Махдумо! Благодаря строгости султана Хусейна Мирзо, здесь стало еще терпимо. Раньше сунниты даже ступить не смели сюда.

В подтверждение своих слов Ходжа рассказал, в качестве примера, несколько случаев, стычек, происшедших между местными шиитами и приезжими суннитами. Он привел также несколько занимательных притч и анекдотов. Его поддержали собравшиеся у него друзья и тоже рассказали смешные анекдоты.

Гиёсиддин повеселел, раздражение его прошло.

Рассказы и анекдоты продолжались до самого утра. Затем мы пошли в баню. Там, кроме содержателя бани и банщика, никого не было. Мы разделись, повязались фартуками и вошли в парильню. Там я увидел привязанный к руке Гиёсиддина талисман.

— Ты же не веришь в молитвы и заклинания. Почему к руке привязал талисман? — спросил я.

— Я не верю в талисманы, которые дают заклинатели и знахари,— ответил он.— Этот же мне дала моя мать. Я верю в него, и этот талисман оберегает меня от насильственной смерти.

В это время в парильню вошел человек и, увидев нас, сказал:

— А-а, хорасанские ослы, оказывается, здесь,— и, как бешеная собака, стал осыпать нас и нашу веру самыми бранными и непотребными словами.

Гиёсиддин потихоньку сказал мне:

— Слышишь, Восифи, заклинаю местом успокоения праведников, если ты сейчас помешаешь мне и начнешь его защищать, сначала я расправлюсь с тобой, а потом отправлю в ад его.

В это время тот мужчина подошел к чану, нагнулся над ним, чтобы достать горячей воды. Гиёсиддин, как вихрь, сорвался с места, одним прыжком оказался рядом с ним, одной рукой обхватил его ноги, оторвал их от пола, другой всунул его голову в горячую воду и держал его в таком положении до тех пор, пока тот не испустил дух и не перестал дергаться. Затем он затолкал труп в чан и сказал:

Зажег в лесу пожар — гони коня.

Вали, как дым клубами от огня.

Тотчас мы вышли из бани и попросили у банщика свою одежду.

— Вы же только что вошли, даже еще и не помылись. Почему уходите? — спросил он нас.

— Мы приезжие,— ответил Гиёсиддин,— у нас впереди дальняя дорога, поэтому дольше не можем здесь задерживаться.

Забрав одежду, мы вышли в комнату для одевания. И тут меня охватило такое смятение, что я вместо рубахи стал натягивать на голову штаны. Торопливо, кое-как я оделся, а Гиёсиддин был спокоен, словно ничего и не произошло.

В это время из-за бани банщика окликнул истопник:

— Слышится плеск, наверное крышка упала в чан, и вода льется через край. Поэтому и огонь не загорается.

Банщик вошел в баню, но вскоре вышел оттуда, подошел к содержателю и что-то прошептал ему на ухо.

Гиёсиддин положил перед содержателем плату за баню, и мы уже хотели выйти на улицу, как тот сказал нам:

— Уважаемые, задержитесь немного: случилось несчастье. Сайфисиродж, один из знатнейших людей Мешхеда, умер в парильне. Кроме вас двоих в бане никого не было.

Гиёсиддин вспыхнул и резко сказал:

— Ты что, жизнь Сайфа поручил нам? Умер, так умер, нам-то что?

Люди преградили выход, и служитель отправил в дом Сайфа вестника. Тут же прибежали почти пятьдесят родственников Сайфа, вытащили тело усопшего, положили на суфу в предбаннике, а нас так избili, что мы не могли даже шевельнуться. Тут слышались голоса среди собравшихся:

— В городе есть начальник стражи, наместник, судья. Пока они не установят их вину, нельзя учинить самоуправство!

Эти возгласы избавили нас от дальнейших побоев. Нам связали руки и поволокли к наместнику.

Городским наместником был Мирали Карбосфуруш. Жалобщики и свидетели рассказали ему о случившемся.

— Расскажите по правде, как было дело, — сказал нам наместник. — Если нет, велю вас так избить, что от вашей кожи останутся одни клочья.

— Мы сидели в парильне, — начал Гиёсиддин, — вошел какой-то человек. Он был маленького роста. Захотел черпнуть из чана горячую воду, но руки не доставали. Тогда он животом лёг на край чана и хотел, перевесившись, дотянуться до воды, но опрокинулся в чан и помер. А больше мы ничего не знаем.

Наместник рассмеялся и сказал собравшимся:

— Вот удивительный странник, а слова его еще страннее.

Тут вошел человек, положил перед наместником яблоко и сказал:

— Сыновья Амира Тангриберди и Амирхалила, а также сыновья других высокопоставленных лиц собрались у Чорсу, чтобы идти на туй в сад Дилпазир. Ждут вас.

Наместник огляделся кругом. Тут стояли двое — Пахлавонали и Пахлавоншамс. С ними никто не мог сравниться в силе и мощи. Оба они были в услужении наместника Эрмухаммадали.

Наместник взглянул на них и сказал:

— Сейчас не время допрашивать их. Заберите обонх и хо-рошенько сторожите. Завтра после туя разберемся.

Он вскочил на коня и ускакал. Богатыри отвели нас в какой-то дом с чуланом. Связав по рукам и ногам, они втокнули нас в чулан, а дверь заперли на замок.

Сидя в этой тюрьме, я стал жаловаться и упрекать Гиёсиддина:

— Эй, ты, мучитель бессердечный, изверг, бесчувственный злодей! Что ты наделал? Ты оторвал меня от родины, разлучил с родными и близкими, оставил без друзей и дома. Так мало тебе этого: своими недостойными проделками швырнул меня еще в пучину бедствий — запер в этой темнице?

— Ничего недостойного я не совершал,— ответил он мне.— Я лишь отомстил за тебя и за себя тому, кто обругал нас и осквернил нашу веру. Не огорчайся: в день страшного суда мы будем спасены за это.

Я никак не мог успокоиться и все причитал...

Наступило время вечернего намаза, и в комнату вошли те двое слуг. Они стали ругать нас и поносить нашу веру. Придя в ярость, они извергали такие непотребные слова, подобных которым мы никогда не слышали.

Пахлавоншамс сказал Пахлавонали:

— Из-за этих двух зловонных собак мы не смогли пойти на туй и лишились приятной дружеской беседы. Выходит, что эти псы нас засадили в тюрьму.

Пахлавонали ответил:

— Не огорчайся. У меня дома припасена бутылка вина. Я сейчас принесу ее, и мы выпьем за то, чтобы эти двое суннитов ослепли, а затем предадим их мучительной смерти.

Пахлавонали ушел за вином. Стало темно, Пахлавоншамс зажег свечку и уселся в углу.

Гиёсиддин прошептал мне:

— Братец, не горюй. Даю слово, этой же ночью я освобожу и тебя и себя, а этих двух проклятых аллахом я, как собак, лишу жизни.

— Есть хорошая пословица,— тихонько ответил я:— «Жаждаший и во сне видит воду», так и ты — лишь во сне увидишь свободу. Мы связаны по рукам и ногам, заперты в тюрьме, у двери которой неотступно сидят эти двое дьяволов. Ты еще думаешь освободиться? Свободу увидишь лишь во сне или в мечтах.

Явился Пахлавонали с вином. Злодеи принялись за кутеж, судачить обо всём, а потом опять стали издеваться над нами. Каждую наполненную пиалу выпивали, осыпая бранью и нас, и нашу веру.

Настала полночь, головы пахлавонов разгорячились от вина, и Гиёсиддин сказал им:

*Явился Пахлавонали с вином. Злодеи принялись за кутеж,
судачить обо всем, а потом опять стали
издеваться над нами.*

— Эй, вы, богатыри, слуги последователя святого Шохимардона! Что если вы окажете нам милость и подойдете к нам? Мы, воспользовавшись вашей добротой, могли бы попросить вас кое о чем.

Вино уже подействовало на них и сделало свое дело: они подошли к узникам и спросили:

— Ну, что хотите сказать?

— У вас есть семьи? — спросил Гиёсиддин.

— Да, есть. И едоков у нас куча, — ответили они.

— Мне вас жаль! Очень беспокойная у вас жизнь, — проговорил Гиёсиддин и продолжил: — О, доблестные мужи, украшение владыки! Ведь ничего не случится, если вы пожалеете нас и ваше сострадание окажется полезным вам на этом и том свете? Уважаемые, да будет вам известно, что мы невиновны, что нас оклеветали. А что, если мы каждому из вас дадим по тысячу танга, а вы постараетесь за это нас освободить, тогда вы избавились бы от нужды, а мы, невинные страдальцы, выбрались из пут наветов. Таким образом и чистосердечный Муртазоали будет вами доволен.

— Если не обманываете, возможно, мы и освободим вас, — ответили они.

— Зачем нам врать, — сказал Гиёсиддин. — Пока мы не вручим вам эту сумму, вы же не освободите нас.

— Мы подумаем. Потом сообщим вам, — сказали они и стали шептаться.

Я же сказал на ухо Гиёсиддину:

— О, братец! Ты что, спятил совсем? Что ты тут наговорил? Где у нас две тысячи танга, за которые ты хочешь купить нам свободу?

— Надеюсь, ты помнишь, как удивился в бане, увидев мой талисман, а я сказал тебе: «Этот талисман спасает от смерти». И я говорил тебе правду. Так вот — у моей матери был лал, и Хадичабегим, жена Хусейна Бойкаро, хотела его купить за две тысячи танга. Мать же просила три тысячи. Та не согласилась, и мать подарила его мне. Я же зашил его в кожу и, как талисман, привязал к руке. Думал, когда-нибудь пригодится. Вот этот день и настал.

Пахлавоны согласились за две тысячи танга освободить нас. Гиёсиддин сказал:

— К моей руке привязан кожаный талисман. Отвяжите его и распорите.

Они распоролы талисман и стали разглядывать лал.

— Почему ты решил, что этот кусок лала стоит две тысячи танга? — спросил Пахлавоншамс.

Гиёсиддин поклялся в правдивости своих слов и рассказал, как хотела его купить Хадичабегим.

— Я немного разбираюсь в драгоценностях, — сказал Пахлавоннали своему напарнику. — Я принимаю этот лал как две тысячи танга, тысячу дам тебе, — с этими словами он спрятал лал за пояс.

После этого они развязали нам руки и ноги и сказали:

— Идите, куда хотите.

— Мне пришла одна мысль. Разрешите я скажу, — обратился к ним Гиёсиддин.

— Говори.

— Во имя творца миров вы освободили нас, — сказал Гиёсиддин, — и мы уйдем. Завтра, когда появится наместник и родственники потребуют нас, что вы им ответите?

При этих словах пахлавоны тут же протрезвели и сон отлетел от них.

— О, спасибо тебе, добрый человек. Хорошо, что ты напомнил нам об этом. Ты уж научи нас, что нам завтра сказать, какую уловку найти?

— Тут нужно подумать, — ответил Гиёсиддин. — Нужно ответить так, чтобы это выглядело правдоподобно.

— Сейчас ничего подходящего не идёт нам на ум, — сказали те. — Ты уж подумай сам. Видать, человек ты знающий.

— Есть у меня одна мысль, — сказал Гиёсиддин, — но я не решаюсь ее высказать, ибо, если ее осуществить, это будет невежливо по отношению к вам.

— Что бы ни было — говори. Послушаем твою мысль.

— Хорошо, раз вы меня просите, я скажу её вам. Если она оскорбит вашу беспорочную натуру — воля ваша. Нужно вот как все представить: когда мы сидели взаперти, а вы сторожили нас у двери снаружи, компания хорасанских ятимов напала на вас, связала, сорвала замок на двери, освободила и увела нас с собой. Завтра, увидев всё это, вас простят и не потянут к ответу.

— Замечательная мысль, — восхитились пахлавоны, — вставай и поскорее исполни свою выдумку.

Гиёсиддин сначала разбил замок на двери, затем крепко связал пахлавонов по рукам и ногам, из-за пояса одного из них вытащил нож, разрезал обоим горло от уха до уха, развязал по-

яс Пахлавонали, в который тот спрятал лал, завязал камень себе в пояс и сказал мне:

— Эй, Восифи! Нам здесь больше нечего делать, да и времени у нас нет, чтобы торчать тут. Нужно бежать со всех ног. Ну, давай!

И мы побежали, вскоре бездорожье кончилось, и мы выбрались на большую дорогу.

* * *

Ночью, крадучись, мы выбрались из Мешхеда и утром достигли реки Турук, что протекает в одном фарсахе от Мешхеда и где находится мазар¹ Касима Анвара. В это время из Нишапура проходил караван, направлявшийся в Герат. В караване было около ста человек и с ними на осле ехала одна женщина.

Женщина была необыкновенной красоты. Гиёсиддин, верный своей порочной натуре, начал приставать к ней, заигрывать и в конце концов довел свои шутки до неприличия. Шедшие в караване одернули его и сообщили об этом мужу женщины, который, будучи главой караванщиков, шел впереди.

Муж женщины стал ругаться с Гиёсиддином. Гиёсиддин ударил его и вышиб два зуба. Тогда путники накинулись на нас и так избили, что мы и шевельнуться не могли. Затем связали нам руки, набросили на шею веревку и, продолжая колотить, повели с собой. К вечернему намазу мы достигли Джама.

Муж женщины потащил нас к наместнику и рассказал, как было дело. Гиёсиддин от всего отказался и потребовал от истца свидетелей.

— Сейчас путники разошлись по своим делам. Завтра утром я приведу свидетелей,— сказал истец.

Наместник поручил нас своему слуге, велел ему ночью не спускать с нас глаз, а утром привести на разбирательство.

Слуга повел нас к себе домой, который располагался в отдаленном углу сада наместника. Он ввел нас в дом, зажег свечу и, закрыв дверь на замок, ушёл.

Гиёсиддин огляделся и начал смеяться.

Я сказал ему:

— Ты должен плакать, а не смеяться.

— Да ты посмотри на эту дверь! — ответил он. — От одного удара доски улетят на тот свет.

Тут открылась дверь, и появился слуга с цепью в руках.

¹ Мазар — священное место, кладбище, могила, гробница.

— Уважаемые,— сказал он,— мир¹ ушел в гости, а вас поручил мне. Если случится что-то непредвиденное, все беды свалятся на мою голову. Извините, но я привяжу вас за ногу цепью.

Один конец цепи слуга прикрепил к моей ноге, другой к ноге Гиёсиддина, зашелкнул на замок, ключ взял себе, запер дверь на замок и ушел.

Сон бежал нас. Настала полночь. Гиёсиддин встал с места, вытащил воткнутое в стенку веретено, разорвал свою тюбетейку, выдернул кусочек ваты из нее, намотал на кончик веретена, вставил его в замок и известным лишь ему способом отпер замок на цепи. Так мы освободились от пут. Затем он, приложив небольшое усилие, согнул петлю двери. Дверь открылась. Мы вышли на улицу.

— Иди за мной,— сказал Гиёсиддин и направился в сад. Я за ним...

Вдруг перед нами что-то зачернело. Гиёсиддин свернул с дороги и хотел вернуться в тот дом, откуда мы ушли. Но в темноте заблудился, и мы пошли совсем в другую сторону. Пройдя немного, мы увидели айван, перед которым высилось здание с куполом. Мы спрятались в айване. Тут мы заметили, что то темное, что нам повстречалось, тоже движется к айвану. Гиёсиддин завернулся краем занавеси. Я же в растерянности отбежал в сторону. Вдруг я увидел танур — печь для выпечки лепешек — и спрятался в нем.

То темное оказалось человеком. Он через айван прошел в здание с куполом и крикнул:

— Суманбар!

— Кто там и чего надо? — послышался голос изнутри.

— Я — Сунбул,— ответил мужчина.— Меня мир Курайш послал, чтобы ты сказала госпоже— пусть подготовится. Он сейчас придет.

Суманбар ответила:

— Ради творца, пусть не приходит. Госпожа страдает головными болями и ни о какой беседе и речи быть не может.

— Мне-то что. Я передал тебе повеление моего хозяина. Он обязательно придет. А там ваше с госпожой дело,— сказал Сунбул и пошел прочь.

Каково было мне в тануре — знаю лишь я сам. Тут ко мне подошел Гиёсиддин и сказал:

— Эту ночь я проведу с женой наместника.

¹ Мир — правител.

— О, мерзкий человек! Это что за новости? Ты сам хочешь пролить свою кровь?

— Не говори пустое,— ответил Гиёсиддин и направился к зданию с куполом. Он подошел к двери, окликнул Суманбар и сказал:

— Я — мир Курайш. Открой дверь!

— Я же сказала, что сегодня нельзя,— откликнулась Суманбар.

— Открой дверь! Я подарю тебе красивое платье.

Суманбар открыла дверь, и Гиёсиддин вошел в дом...

И тут же к двери подошел какой-то человек и позвал Суманбар.

— Кто там? — спросила Суманбар.

— Я — мир Курайш,— ответил пришедший.

— Ох, какой еще мир Курайш! — воскликнула Суманбар.—

Один мир Курайш уже забавляется с госпожой.

В это время у садовых ворот засветился огонь. Отсвет упал на айван. Человек, который переговаривался с Суманбар, убежал.

Я выбрался из танура, кинулся к двери, толкнул ее ногой и сказал:

— Эй, Гиёсиддин, беги, пришла твоя беда!

Гиёсиддин поспешно вышел из дома, и мы побежали в глубь сада и тут столкнулись с миром Курайшем.

Гиёсиддин схватил его, ударил и сказал:

— Как ты посмел подойти к гарему мира? Мы сейчас отведем тебя к нему и всё ему расскажем.

Мир Курайш стал нас упрашивать и сказал:

— Я в этом городе известный человек, пользуюсь уважением. Ради создателя, не позорьте меня...

Гиёсиддин отпустил мира Курайша. Он перепрыгнул через забор и исчез.

Мы тоже одним прыжком одолели забор и направилась в Герат.

* * *

Восифи рассказывает: как выяснилось потом, дело обстояло следующим образом. Мир Курайш, который был в тайной связи с женой наместника, сдружился с ним самим и один или два раза в неделю приглашал к себе домой. Когда, опьянев, наместник сваливался замертво, он посылал к его жене своего слугу Сунбула предупредить ее, затем появлялся сам, забавлялся с

ней, а насладившись, возвращался к себе, будил наместника, предлагал ему утреннюю трапезу — продолжение кутежа — и так ублажив наместника, провожал его домой.

В тот вечер Курайш, как обычно, позвал наместника к себе в гости. Напоил его и, когда тот уснул, отправился к нему в сад, чтобы встретиться с его женой. Но в этот вечер, как только Курайш ушел из дома, наместник пробудился от пьяного сна и потребовал Курайша, чтобы продолжить пиршество.

Слуги мира Курайша сказали наместнику, что тот сильно пьян и спит и что он сейчас не в состоянии продолжать кутеж. Возможно, через пару часов он очнется и сможет дальше пировать с гостем.

Наместник, оскорбившись таким ответом, велел своим слугам зажечь светильники, чтобы пойти домой. Так он появился в своем саду, помешал миру Курайшу, а заодно «влил дѣгтя и в ожидаемую бочку меда» Гиёсиддина.

• • •

Восифи рассказывает: чтобы вторично не повстречаться с тем караваном, мы по бездорожью через три дня достигли местечка Кусу, от которого до Герата было пятнадцать фарсахов пути. Здесь мы решили отдохнуть.

В Кусу жил хафиз Султанали, прекрасный певец с приятным голосом. Он через определенное время приезжал в Герат, был в большой дружбе с моим отцом. Увидев, он узнал нас и пригласил к себе домой. Приглашение мы приняли.

Он провел нас в садик, где росли дыни, расстелил у журчащей воды ковер, усадил нас, принес кушанья и сказал:

— Вы пока угощайтесь дынями с бахчи, а я съезжу в степь и тут же вернусь.

Он сел на коня и, видимо, поехал за бараном, чтобы устроить для нас пиршество.

В это время в сад вошла служанка с кувшином в руке, чтобы набрать воды. Она была очень красива.

Гиёсиддин сказал:

— Эй, Восифи, посмотри, как она изящна и привлекательна. Во мне проснулась тяга к ней.

Я ответил:

— Эй, ты, бессовестный нечестивец! Не страшишься ты создателя и не боишься людей; наш друг оказал нам почет и уважение и пригласил в свой дом в гости, а ты с низкими помыс-

лами п'ялишь свои бесстыжие глаза на обитателей его дома. Не глупо ли это?

— Это ты говоришь глупости и не ценишь прелести красавиц,— ответил Гиёсиддин, вскочил с места, побежал к ручью, схватил красавицу, чтобы унести ее подальше от моих глаз в бахчу.

В это время вернулся с поля муж служанки, человек крепкого телосложения, с лопатой в руках. Он увидел, что какой-то мужчина пристаёт к его жене, подбежал и так стукнул Гиёсиддина лопатой по голове, что душа его потонула в черепной коробке.

Злосчастный Гиёсиддин выхватил из ножен нож и так вонзил его в живот слуги, что кишки его вывалились на землю, и он тут же помер.

Служанка, крича и причитая, вбежала в дом. В доме поднялся плач и вопли.

В разгар суматохи и криков с поля вернулся Султанали, Он спросил домочадцев о причине плача. Разузнав о случившемся, он сказал:

— О чём крики и такой шум? Сто подобных слуг пусть будут жертвами таких гостей.

Он вошел в сад и увидел, что с головы Гиёсиддина струится кровь.

Он сказал:

— Махдумо, простите. То был скверный раб и наказан он по заслугам.— С этими словами он вошел в дом, приготовил вольный пепел, принес и посыпал им рану Гиёсиддина, остановил кровь. Затем он велел слугам унести и похоронить труп раба.

Гиёсиддин, несколько не смущаясь, сказал хафизу Султанали:

— Хафиз, вы не беспокойтесь. Мы сделали это, взяв на себя выплату стоимости этого раба. Дома в наличии у нас есть двести хони. Как только доберемся до родных мест, мы вышлем вам эту сумму.

Хафиз сказал:

— Ради творца, не говорите вы об этом. Тысяча подобных ему рабов да будут жертвами во имя вашего прихода в мой дом.

Я чувствовал себя так, что умереть мне было легче, чем слушать все это. Я молил всевышнего послать мне смерть, но напрасно.

Ночь я провел в отвратительном состоянии. Настало утро.

Хафиз принес еду. Когда мы покушали, пришел посланный от правителя.

Он сказал Хафизу:

— Вас и ваших гостей правитель требует к себе.

Гиёсиддин возмутился:

— Что за осёл твой правитель, почему он требует нас к себе?

Посланный хотел ответить Гиёсиддину и поставить его на место, но хафиз не позволил ему этого и сказал:

— Молчи и не трогай гостей. Я пойду один и буду держать ответ перед правителем.

Хафиз пришел к правителю и сказал ему:

— Мои гости из особых людей Хадичабегим — жены Хусейна Бойкаро. Не трогайте их. Штраф, который вы наложили за убитого раба, внесу я сам.

Правитель ответил:

— Как бы ни было, но человек, убивший раба, должен явиться ко мне.

Хафиз вернулся домой, и мы отправились с ним к правителю.

Правитель спросил хафиза:

— Кто из них убил раба?

Гиёсиддин не выдержал:

— Вот чудак! Правитель, а задает странные вопросы. В каждом деле человек должен обладать талантом и догадливостью. Проницательный человек сразу поймет по виду моего брата (кивок в мою сторону), что он тихоня и даже муху не способен согнать со своего носа, не то что убить кого-нибудь.

Правитель возмутился:

— А ты кто такой? Сумасшедший, что ли?

Гиёсиддин вскочил со своего места и, обращаясь к присутствующим сказал:

— Друзья, отбивайте такт! Я сейчас покажу, кто я.— И так начал плясать, что все были изумлены.

Правитель сказал:

— Нужно вечером встретиться с ним и побеседовать.

Он позвал своего зятя, по имени Абдулкайюм и спросил его:

— Что у тебя есть из необходимого для беседы и развлечения?

— Хум¹ вина, сколько угодно кабоба и можно приготовить сласти,— ответил тот.

День мы провели у правителя за шахматами. Когда настало

¹ Хум — большой глиняный кувшин.

время вечернего намаза, правитель велел Абдукайюму собрать всех известных певцов и музыкантов.

Вечер развлечений начался весело и шумно. Играли музыканты, пели певцы, а прелестные танцовщицы изощрялись в своем искусстве. Несмотря на это, все были заняты и отдавали предпочтение таланту Гиёсиддина и мало уделяли внимания другим.

После полуночи правитель сказал:

— Чувствуйте себя свободно. Утром продолжим пиршество. — С этими словами он удалился в свой гарем.

На том собрании был брадобрей по имени Назар. Он был близким другом зятя правителя. После того, как опьянев, все повалились кто где мог, Гиёсиддин, не обращая внимания на мои запреты и протесты, опять проявил свои порочные склонности. Но он выкинул такое, что зять правителя проснулся и, разузнав о его проделках от Назара-брадобрея, раздел Гиёсиддина и всыпал ему сто палочных ударов.

Утром вышел правитель и спросил, что за шум и возня были ночью?

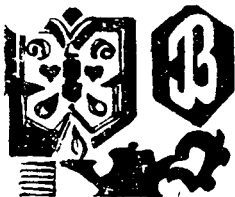
Ему ответили:

— Гости перепили и во хмелю поскандалили.

После трапезы правитель надел свой халат на Гиёсиддина, а халат Абдулкайюма — на меня. И проводили нас с почетом и уважением.

Оттуда мы отправились в Герат и благополучно добрались до дома.

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ВОСИФИ ПОМОГ БЕЖАТЬ МОХЧУЧУК

осифи рассказывает: однажды я решил навестить своего знакомого Шохвали. Там я увидел его сына Султанвали. Разорвав ворот рубахи, он так плакал, что глаза его распухли от слез. Увидев меня, он закричал;

— Махдумо! Простите меня и, если я чем-то провинился перед вами, не порицайте меня. Я решил покончить с собой, потому что Шай-

бонихан забрал Мохчучук из дома Бегим и подарил её кому-то. Я не в силах вынести разлуку с ней. Мне легче сто раз умереть, чем хоть минуту жить без нее.

— Послушай, сынок,— сказал я ему,— во всяких трудностях и горестях нужно проявлять терпение. Тем более сейчас. Кроме выдержки и самообладания у тебя нет другого пути. Я найду Гиёсиддина и посоветуюсь с ним. Может, и найдется путь к ее избавлению.

Немного успокоив Султанвали, я ушел от него. Гиёсиддина я нашел на базаре, рассказал ему обо всем и спросил, что он думает о возможности освобождения Мохчучук.

— Я эту историю уже слышал и знаю ее лучше и поподробнее, чем ты,— сказал он мне.— Шайбонихан подарил Мохчучук Хусейнкунгуроту. Он живет возле водоёма Динорон. Когда везли Мохчучук и ее мать из Кухандистана, мать упала с лошади и сломала ногу. Сейчас Мохчучук находится в доме Хусейнкунгурота. Она схватила нож и заявила, что, если к ней подойдет кто-нибудь, она и себя убьет и его. Я уже кое-что придумал для освобождения девушки. А вдруг придуманная мной хитрость и будет назначением свыше.

Все, что зависит от меня, могу я совершить,
Но что замыслила судьба, уже не изменить.

— И как ты думаешь, что нужно сделать?

— Мысли приходят во время дела,— сказал он.— Начнешь работать, тогда и становится ясно, что нужно делать. В таких случаях всякие советы, обсуждения обычно напрасная трата времени. «Время — что секущий меч»,— говорят. Многие дела решает именно время. Упустить время — все равно, что на поле брани выронить меч из рук. Пошли, скорей примемся за дело.

В каком-то месте мы переоделись в дехканскую одежду и пошли к воротам Малик. За этими воротами был базар. Сюда приходили степные садовники продавать виноград. Мы купили две большие корзины винограда. Одну корзину Гиёсиддин взвалил мне на спину, другую себе, и мы отправились к водоему Динорон. Подошли к дому. Народ сновал в дом и обратно.

— Который дом Хусейнкунгурота? — спросили мы.

— Этот,— ответили нам.

Мы вошли во двор. На суфе сидел огромный роста, пышно разодетый мужчина, а вокруг стояли почти пятьдесят слуг, готовые выполнять любое его поручение. Перед айваном был домик. Там, упав на подушку, плакала женщина.

Я и Гиёсиддин Мухаммад поставили корзины с виноградом

у суфы, где сидел Хусейнкунгурот, бегом направились к домику, упали на колени перед той женщиной и сказали:

— О благодетельница наша! Что с вами приключилось, что вы так плачете? Лучше нам ослепнуть, чем видеть вас в таком состоянии.

Амирхусейн спросил нас, кто мы такие и какое имеем к ней отношение?

— Мы — дехкане, садовники этой госпожи, — ответил я. — В местечке Гуслон у нее сад. Такого прекрасного сада во всем Хорасане не найти. Примерно в пятьсот манов¹ виноградник. Плоды уже созрели, и, если их не собрать, они пропадут.

— Успокойтесь, — сказал Хусейнкунгурот, — теперь тот сад принадлежит мне, вы — тоже. Я буду заботиться о вас, а из того винограда выжмем вино.

Госпожа бросала на нас быстрые взгляды. Она догадалась, что мы пришли по другому, более важному делу и старалась понять, что за нужда привела нас.

Я вышел из дома и одну корзину винограда раздал слугам. Вторую корзину внес в домик и сказал матери Мохчучук:

— Пожалуйста, скушайте сегодня это, завтра принесем еще.

Я высыпал виноград. Мохчучук сидела, забившись в угол, с ножом в руках и обливалась слезами.

Я шепнул ей:

— Встань и влезь в эту корзину. Что ревешь! Может, в этот момент Султанвали уже лишил себя жизни, горюя по тебе.

Она влезла в корзину. Сверху мы набросали виноградных листьев.

— Корзину понесу я, — сказал мне Гиёсиддин. — Ты не в силах нести такую тяжелую ношу так далеко. Возьми пустую корзину.

Так и сделали. К вечерней молитве мы добрались до города. Я первым вошел в дом Шохвали. Печальный Султанвали, увидев меня, со слезами, с разорванным воротом, подошел ко мне.

Приятная весть, о душа моя, жизнью несется,

И некто душистым дыханьем к тебе прикоснется.

— Не печалься, ты достиг своей цели.

В это время вошел Гиёсиддин. Он опустил корзину на землю и отбросил листья. Мохчучук, подобная солнцу, выглянувшему из-за туч, выбралась из корзины. Радостные крики домохладцев достигли небес.

¹ Ман — мера площади, равная примерно одному гектару.

Так и сделали. К вечерней молитве
мы добрались до города.

Как хорошо, когда союз венчает ожиданья
И достигает цели тот, кто ожидал свиданья.

У жены Шохвали было ожерелье, подобного которому не сыскать во всем Хорасане. Она сняла его с шеи и подарила Гиёсиддину, а дочери преподнесли мне дорогие серьги и кольца.

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ВОСИФИ ПРОВЕЛ КИЗИЛБОША

осифи рассказывает: однажды пришли ко мне мои друзья. В тот день у нас сварили халим¹. А усы мои отросли и стали длинными. Когда кушал, я выпачкал их халимом. Один из гостей сказал мне об этом. Я тут же взял ножницы и укоротил усы.

Один из гостей заметил:

— Ну что ж, раз ты сделал это, некоторое время должен сидеть дома, пока усы не отрастут и не покроют верхней губы.

Гость был прав. Потому что Шохисмаил строго-настрого запретил брадобрею-сунниту стричь людям усы. Но через пару дней у меня появилось неотложное дело, и я вынужден был выйти на улицу.

На улице я прикрыл нижнюю часть лица рукавом, но так как это было непривычно, я и сам не заметил, как опустил руку. Тут появился передо мной кизилбош — падишахский воин — и, увидев мои укороченные усы, воскликнул:

— О аллах! Он укоротил свои усы и этим выказал неповиновение шахскому указу!

Мне на ум пришёл удачный ответ, и я так решил выйти из положения.

— О, мой господин! Как вовремя ты мне встретился. Я как раз шёл с намерением повидать кого-нибудь из вас. Да пусть будет тебе известно, что в одном доме собралась группа савановных паломников. Я тоже был в том собрании. Смех и шутки дошли до того, что они остригли мои усы. Их десять человек. Если сейчас пойдешь со мной туда, сможешь самое малое заполучить тысячу танга.

¹ Халим — род кушанья, приготовляемого из пшеницы и мяса.

— А где они? — спросил кизилбош радостным голосом.

— Иди за мной. Я приведу тебя к ним. В какой дом я войду, в тот войдешь и ты. Но выжди сначала немного, чтобы они не поняли, что это я тебя привел.

Он согласился. Я пошел впереди, он — за мной, Я шел и думал, как бы мне вырваться из лап этого волка. Вдруг я заметил, что проходим мимо канавы Козарон. На той стороне канавы я увидел открытые ворота. Перескочив канаву, я двумя прыжками достиг крытого прохода во двор, захлопнул ворота и подпер их подпоркой. Затем взобрался на крышу дома, спустился в соседний двор, вышел совсем на другую улицу и был таков.

А тот невежда подошел к воротам, в которые я вошел, и начал стучать.

— Немедленно отворяйте ворота, — кричал он, — здесь собрались паломники. У меня к ним дело!

Хозяева дома ответили ему, что у них никаких паломников нет и не было, не приходили и не придут. Потому что мы, говорили они, не имеем к ним никакого отношения, не имели и не будем иметь. Видимо, какой-то плут подшутил над тобой.

А я тем временем добрался до кладбища Ходжи Рухбанда и вошел в медресе Кози Нуруддина. Ученики расположились на суфе. Я подсел к ним и вступил в беседу.

Вдруг я увидел в крытом проходе медресе того самого кизилбоша. Видимо, не обнаружив в том доме паломников, он кинулся искать меня в тех местах, где я мог пребывать. Наконец заглянул и в это медресе.

Как только я увидел его, набросил на голову халат, лег позади учащихся и стал стонать и причитать:

— Ой, глаз, глаз! Так жжет и щиплет, словно в него кинжал воткнули!

Кизилбош подошел и сел на суфу. Он описал внешность человека, которого ищет, и спросил, не приходил ли сюда такой. От его расспросов у меня в страхе сжалось сердце, потому что описание того человека соответствовало моему облику. От страха мои страдания из-за болей в глазу усилились.

На расспросы все ответили, что такой человек не приходил сюда.

Кизилбош, прислушавшись к моим стонам и причитаниям, сказал:

— Что случилось с этим человеком?

Ответили:

— Он страдает от сильных болей в глазу.

Кизилбош предложил:

— У меня есть средство, которое, во имя здоровья шаха, излечивает глазные болезни. И не раз это лекарство находило достойное применение.

Я закричал:

— Мне не нужно никаких лекарств! Каждый раз, как приносили ко мне какие-то средства, рези и боли в глазу усиливались, и я дошел вот до такого состояния. Я поклялся, что никаких глазных лекарств принимать не буду.

Кизилбош очень рассердился и, наговорив непристойных слов обо мне и моих глазах, ушел. Я понял, что он спешил разыскать меня.

После его ухода исчезли боль и рези в моем глазу. Успокоившись, я встал с места, уселся рядом с учениками и рассказал происшедшее со мной.

Ученики весело и долго смеялись.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВОСИФИ В НИШАПУРЕ

Восифи рассказывает: в один из вечеров я сидел в одиночестве в доме Мира Кавомуддина и читал газели, подходящие моему настоящему состоянию. Вдруг появился Мир Кавомуддин в барашковой шапке, воровской одежде и с обнаженным острым мечом в руке.

Как только блеснуло перед моими глазами лезвие меча — дух из меня вон и ни единой мысли в голове. Я подумал: «Неужели клеветники натравили его убить меня?» И я увидел свою смерть в блеске его остро наточенного меча. Испугавшись, что прольется моя ни в чем неповинная кровь, я задрожал, как отблеск меча.

Увидев, в каком я состоянии, он засмеялся и сказал:

— Не бойтесь! Сегодня ночью я хочу пойти по своим делам. Человек, который сопровождал меня обычно в таких ночных походах, сегодня не пришел, а другим я не доверяю. Я прошу вас сегодня ночью быть моим спутником.

Будучи в безвыходном положении, я встал и облачился в одежды ночного грабителя. Только вместо меча он дал мне свой нож. Я прицепил его к поясу, а разбойничью шапку натянул на самые брови. Он шел впереди, я — следом.

Весенние плотные тучи заволокли небо. Не было видно ни дороги, ни места, куда ступает нога. Дул легкий душистый ветерок, моросил мелкий дождь, но слякоти не было.

Мир Кавомуддин тихо напевал бейт, подходящий как нельзя лучше к этому моменту:

Заря, улыбайся лугам благодатной порой!
Ни пыли, ни грязи в дороге от прохлады ночной.

Шли мы, шли и дошли до садовой ограды. Мир Кавомуддин влез мне на плечи и забрался на забор, затем схватил меня за руки и тоже втянул наверх. Мы оба спрыгнули в сад и стали пробираться меж деревьев, сплетенные вершины которых обрзовали причудливый шатер.

Когда мы подошли к зданию, на нас кинулись люди с мечами в руках. Мы побежали к тому месту, откуда пробрались в сад.

Мир Кавомуддин, так же, как первый раз, влез мне на плечи и оказался на верху забора. Но от страха быть схваченным, он, не подумав обо мне, спрыгнул с забора и пустился наутек.

Прибежала стража, схватила меня и, награждая тумаками, поволокла к дому. Они хотели тут же отвести меня к миру Хусейну — хозяину сада.

Но один стражник сказал:

— Ни к чему в такую позднюю пору будить амира. Покараулим его, а утром отведем к правителю.

Придя к такому решению, стражники поместили меня в болохоне — мансарде дома, расположенной на третьем этаже. Они закрыли дверь, навесили на нее замок, приставили нескольких караульных и ушли.

Тут я понял, в чем секрет происшедшего.

Амир Хусейн был правителем Нишапура. Я догадался, что Мир Кавомуддин состоял в тайной связи с его женой. Видимо, сегодняшней ночью та женщина пообещала ему встретиться. Но, к моему несчастью, как говорят — стрела его попала в камень, и вместо свидания с возлюбленной, он встретился с мечами стражников ее мужа.

Я сидел и думал: «Вот настанет день, и отведут меня к правителю. Он будет пытаться меня, как ночного грабителя, и на площади наказаний соберутся все жители Нишапура. А они все меня знают и скажут мне: «Вы — проповедник, ученик мавлоно Хусейна Воиза. Что же вы не исполняете своих слов, почему

занимаетесь воровством и ночным грабежом?» Что на это я отвечу? Чем выслушивать подобные речи, легче умереть».

А также завтра у меня спросят: «Кто тот человек, который, взобравшись тебе на плечи, перемахнул через забор и бежал? Кто он?» Что я отвечу на этот вопрос? Если скажу правду и открою, что это был Мир Кавомуддин, начнется скандал, и дело может кончиться кровопролитием. А если ничего не скажу, меня будут истязать и бить до тех пор, пока я не сознаюсь или не умру...»

Чтобы избавиться от этих мучительных сомнений, я, как безумный, вскочил с места и прошупал все стены болохоны. Она, кроме входной двери, имела еще четыре, три из которых выходили в сад, а четвертая — на улицу. Я распахнул дверь, ведущую на улицу. Она была зарешечена. Я разрубил решетку тем ножом, который мне дал Кавомуддин, и выглянул наружу. Здесь невозможно было спуститься вниз.

Я еще раз оглядел комнату. Под ногами был разостлан палас. Тем ножом я разрезал его на восемь полосок, связал их и получилась довольно длинная веревка. Но у двери, ведущей на улицу, ее не за что было закрепить.

Я искал, куда бы привязать конец веревки, и сообразил, что как раз напротив уличной двери находится другая — ведущая в сад. Я завязал на конце веревки узел, открыл дверь, ведущую в сад, продел узел между дверью и косяком и прикрыл дверь. Узел был плотно зажат. Выкинув веревку в дверь, ведущую на улицу, я спустился по ней вниз.

По переулкам и закоулкам я выбрался за город и, не зная куда, торопливо пошел по большой дороге.

Под утро я взобрался на холм, у подножия которого расположились кочевники. Я решил спуститься к ним. Когда я приблизился, на меня набросились собаки. Они разорвали на мне одежду, покусали и поранили ноги.

Кочевники по лаю собак поняли, что появился посторонний. Они подбежали ко мне, схватили, стали бить и закрутили назад руки. С ругательствами и издевками поволокли и бросили меня в шатре. Цепями приковали ноги к двум шатерным столбам.

Из разговоров кочевников стало ясно, что воры несколько раз нападали на их шатры и уносили имевшееся у них добро. Они подумали, что я один из тех воров, поэтому били и мучали меня.

Настало утро. Издевательства и мучения увеличились. Они

по одному подходили и били меня. «Куда ты дел наши вещи, которые украл у нас? Найди их и верни, иначе мы убьем тебя!» — грозили они.

Вдруг со стороны Сабзора показались четыре всадника. Увидев их, я так перепугался, что со страху у меня разлилась желчь. А вдруг они ищут меня?

Кочевники встретили их и спросили, кто они такие.

Они ответили:

— Мы из Герата ездили в Сабзор за сбором земельного налога. Закончив дела, мы возвращаемся в Герат. Хотим часок дать лошадям отдохнуть у ваших шатров, заодно передохнем и сами.

Кочевники помогли им спешиться и ввели в шатер рядом с моим местом заключения. Через час один из них, проходя мимо моего шатра, увидел меня — узника. Он вошел и, внимательно взглянув на меня, сказал:

— Вы из Хорасана?

Я ответил:

— Да, я из Хорасана.

— Вы знаете Мира Шохвали кукалташа?

— Да, — ответил я. — Я был наставником его сына.

Он вскрикнул, подбежал ко мне, обнял и сказал:

— О, вы мавлоно Восифи? Как попали вы в такое положение? Вы не узнали меня? Я — Султанмурод, золотых дел мастер Мира Шохмансура. — Он обхватил мою шею руками и заплакал.

Трое остальных, услышав наш разговор, тоже подошли к нам и стали спрашивать меня о положении дел. Я рассказал им, как попал кочевникам в плен.

Султанмурод сказал кочевникам:

— Эй, вы, злодеи! У вас и настолько нет сообразительности и понятия, что не распознали этого почтеннейшего человека и, приняв за вора, заковали в цепи и мучали его!

Кочевники тут же сняли с меня цепи, извинились передо мной, зарезали барана и устроили угощение для нас всех.

В это время подошел кочевник, вернувшийся из Нишапура. Он сказал:

— В городе произошло удивительное событие, — и он со всеми подробностями рассказал, как поймали одного известного вора и как он бежал из болохоны правителя.

Ни рассказчик, ни слушатели, кроме меня, и не догадывались, что тем знаменитым вором был я.

Когда закончилась трапеза, Султанмурод сказал мне:
— Махдумо! Я никуда вас не отпущу. Мы доставим вас в Хорасан (Герат) и сдадим вашим родственникам.

Я ответил:

— Сейчас у меня нет средств на дорогу. Как только я их займею, я вернусь к себе на родину.

Султанмурод сказал:

— Мы отвезем вас в Герат на свои деньги и, что нам положено, взыщем с Амиршохвали.

Я согласился. Султанмурод дал мне свою вьючную лошадь, и в час послеобеденного намаза мы тронулись в путь, а к вечернему намазу достигли местечка Сикоя в двух фарсах от Нишапура. Там мы провели ночь, а утром опять пустились в путь. Таким образом через шесть дней мы благополучно добрались до Хорасана — до Герата.

РАССКАЗ О ВЕЧЕРЕ У УБАЙДУЛЛОХАНА

осифи рассказывает, что как-то вечером Убайдуллохан давал урок из «Кофия» при мавлоно Махмуде Азизоне Балхи. Все были в сборе, и началось чтение. И мавлоно Махмуд-писец задал вопрос по правописанию устоду — хану. Устод ответил, но ответ был неверным. Я вмешался в разговор и изложил свою точку зрения. Все собравшиеся согласились со мной.

После этого отношение к мавлоно Махмуду Азизон изменилось. Хан понял свое несовершенство и смутился. Поэтому он положил книжку на полку и сказал:

— Сегодня урок ни к чему. У нас в гостях мавлоно Восифи. Мы слушаем его рассказы и забавные истории. — Потом он обратился ко мне: — Нам стало известно, что в Герате живет известный чудак по имени Мавлонодурвеш-свечник. О нем рассказывают много забавных историй. Если бы вы рассказали несколько из них, было бы очень кстати.

И Восифи рассказал о Дурвеше-чудаке три истории, которые понравились собравшимся.

Затем Восифи продолжил:

— Хафиза Мироси, бывшего имамом¹ при хане, одолела зависть, и он заявил:

— Мы тоже знаем немало интересных и занимательных рассказов. Если вы позволите, я расскажу один из них.

Хан был возмущен такой нескромностью и бахвальством и с недовольной миной произнес:

— Ну, говори, что хотел сказать!

Хафиз стал рассказывать. И бессмысленный рассказ его заканчивался тем, что умалишенный забрасывал окружающих нечистотами.

А хафиз сидел как раз напротив хана и, когда договаривал конец рассказа, обеими руками махнул в сторону хана, как обычно обрызгивают ушедшего.

Хан изменился в лице и так рассердился, словно на него опрокинули таз с горящими угольями. Немного успокоившись, он сказал:

— Сегодня, кроме Восифи, никто не должен ничего рассказывать. И, указав на меня, велел:

— Расскажите нам что-нибудь, чтобы неприятное впечатление от истории хафиза прошло.

И я начал рассказ.

В древние времена жил бедняк. Бедность и нищета его дошли до крайности. В конце концов он написал падишаху того времени письмо такого содержания: «Я очень хорошо знаю, как кушать хлеб с домашним квашеным молоком. Если будет светлейшее указание, я вошел бы в его величавые чертоги и показал, как это делается».

Падишах был поражен этой просьбой и разрешил писавшему без опаски войти в его владения и, после его прихода, приказал выставить перед ним косу простокваши и хлеба.

Этот человек накрошил хлеб в косу и накрыл ее своим платком. Затем он рассказал шаху интересную историю. Закончив рассказ, он откинул платок с косы и с удовольствием съел размягченный в кислом молоке хлеб, так что даже крошки не уронил на пол.

Падишаху очень понравился этот бедняк и его поведение. Он подарил ему тысячу танга. Тот избавился от нищеты и стал проводить жизнь в благополучии.

А по соседству с ним жил еще один бедняк. Он расспросил своего соседа, откуда тому досталось такое благо.

¹ *Имам* — духовный глава мусульман.

Тот ответил:

— Я пошел к падишаху и поел у него кислого молока с хлебом. Падишах за это одарил меня большой суммой. На эти деньги я приобрел себе все необходимое.

Сосед тоже решил отправиться к падишаху кушать хлеб с кислым молоком. И он подал подобное прошение.

Падишах подумал, что этот человек такой же интересный рассказчик, как и предыдущий, и позволил ему явиться перед своими очами. Когда тот пришел, падишах велел поставить перед ним косу с кислым молоком и хлеб.

Пришелец принялся за еду. Разломив лепешку, мокнул в молоко и стал есть, разбрызгивая и капая на палас и свою одежду. Усы и бороду тоже выпачкал кислым молоком.

Падишах спросил:

— Ты всегда так кушаешь лепешки с кислым молоком?

— Да, так,— ответил тот.

Падишах велел дать ему десять подзатыльников и выставить из дворца.

Повеление шаха было тут же исполнено.

РАССКАЗЫ ВОСИФИ ОБ УЛУГБЕКЕ МИРЗО

осифи рассказывает, что однажды Мухаммадин Мирак, который был везирем Султан-мухаммада, пришел к нему в дом и сказал:

— Его светлость султан отдает предпочтительные беседы с вами и говорит, что ваш добрый нрав дает ему возможность надеяться на то, что вы не откажете султану в удовольствии слушать в вашем исполнении каждое утро после трапезы несколько аятов из корана, а затем вы поведадите истории и притчи нравоучительного характера, которые бы доставляли всем удовольствие. А еще они соизволили сказать: «Так как все наше усердие направлено на то, чтобы выслушивать ищущих справедливости и обиженных, то мы всегда должны быть готовы, выслушивая истца, к вынесению решения, согласно установлениям шарията»¹.

¹ Шарият — свод мусульманских религиозных, бытовых и гражданских законов, основанных на коране, в отличие от адата, основанного на обычном праве.

Так как моей обязанностью было выполнять приказания, я послушно принял ту просьбу.

На следующий день я пошел к повелителю. Столпы государства разместились на своих местах, согласно занимаемым должностям.

Хан сказал мне:

— Как известно, до Улугбека Мирзо на троне не восседал падишах подобный ему в справедливости, проницательности и столь же сведущий в науках и знаниях. И если бы вы рассказали о его нраве и учености, то порадовали бы всех собравшихся здесь.

Исполняя высочайшее повеление, я начал рассказывать.

Однажды к Улугбеку Мирзо на беседу пришел человек. Выказав все знаки уважения, он сказал:

— О шах! У меня появилось затруднение и решить его не способен не только мой ум,— растерялись и опешили даже ученые мужи. А дело вот в чем. Я шел из Ирака и присоединился к каравану, направлявшемуся в Самарканд. Когда караван достиг берега Джейхуна¹, я отошел в сторону и снял с себя одежду. У меня был кусок лала, который я обшил кожей и привязал к руке. Я снял с руки эту кожу и, положив поверх своей одежды, вошел в реку, чтобы искупаться. Когда я вышел из воды, я не нашел того лала на положенном месте. Но я точно знаю, что, кроме меня, никого там не было. Поэтому я постеснялся попросить моих попутчиков вернуть мне мою пропажу. Вот что со мной случилось.

Мирзо сказал тому человеку:

— Тебе придется с этим делом один год подождать. Если за это время ты найдешь свою вещь — хорошо, если нет, то я сам заплачу тебе стоимость того камня.

Человек поблагодарил его и ушел.

Падишах собрал свой девон² и приказал поименно написать ему, сколько земельного налога и подати внес в том году каждый житель страны.

Девон, получив приказ, приступил к его исполнению.

Мирзо просмотрел тот список и оставил при себе. Наступил новый год. Он опять приказал девону подсчитать, как и в прошлом году, все государственные доходы и бумаги представить ему.

Когда Улугбек сравнил списки обоих лет, обнаружил, что

¹ Джейхун — Амударья.

² Девон — правительственное собрание, управление.

житель из Карокула в прошлом году сдал налог в пятьдесят танга, а в этом году внес казне падишаха пятьсот танга.

Улугбек велел разыскать того человека и привести к нему, когда будет один и свободен.

Как велел Улугбек, того человека нашли и привели к нему. Падишах сказал ему:

— В налогах, внесенных за последние два года, у тебя очень большая разница. Из этого видно, что ты в этом году получил большую сумму то ли по наследству, то ли другим путем. Скажи правду, где ты взял такое большое состояние?

И тот ответил:

— Я ткач и живу в Карокуле. В один из дней я был занят своим делом. Вдруг на ветку дерева напротив меня села ворона, и в клюве она держала что-то похожее на кусок мяса. Она выпустила эту вещь из клюва. Вещь упала на землю. Я поднял ее и увидел, что это кусок кожи, сшитый в виде талисмана. Распоров его, я увидел кусок лала, сверкающего подобно солнцу. Это я воспринял как божий дар, тут же поехал в Самарканд и показал лал ювелиру. Ювелир взглянул на камень, и лицо его засияло от радости, словно тот лал.

— Где ты нашел его? — спросил он.

Я понял по его состоянию, что мне досталась дорогая вещь, и я сказал:

— Зачем расспрашивать меня, где я нашел его. Если хочешь купить — скажи цену и бери. А нет — верни мою вещь обратно.

— За сколько продашь? — спросил он.

— За две тысячи танга чистого золота, — ответил я.

Мы долго торговались и в конце концов я продал его за тысячу пятьсот танга чистого золота. Получив деньги, я отправился на базар, купил одного слугу, одну служанку, а также еще кое-какие дорогие вещи. Все это погрузил на лошадь, которую тут же купил вместе со сбруей, и отвез в Карокул. Так я обставил свое жилье всем необходимым, как и полагается зажиточному человеку. Соседи, видя, что я избавился от нищеты, обзавелся необходимой утварью, спросили меня:

— Откуда пришло к тебе все это богатство?

Я ответил:

— В Самарканде жил мой богатый родственник. Он скончался, а это все добро досталось мне как наследство от него.

Восифи рассказывает, что Улугбек велел разыскать и привести того ювелира. Ювелир все подтвердил. Он достал из

потайного места спрятанный лал и показал его падишаху. Падишах вручил его настоящему владельцу, а ювелира пожурил за нечестность, так как он, зная настоящую цену лалу, оценил его слишком дешево.

* * *

Восифи говорит, что, закончив повествование о куске лала, я рассказал Султанмухаммаду еще одну историю об Улугбеке Мирзо.

Однажды к Улугбеку Мирзо пришел человек и сказал:

— О шах! У меня было состояние в тысячу золотых монет. Я положил их в кошелек, запечатал и отдал одному человеку на хранение. Через несколько дней я пришел к нему, попросил кошелек, а, открыв его, увидел, что сто золотых исчезли, остались всего девятьсот. Я потребовал от этого человека недостающие монеты.

Он ответил мне:

— Видишь, печать на кошельке на месте, и на коже нет никаких разрывов. Как же мог я вынуть из кошелька сто монет? Ты позабыл: положил в кошелек девятьсот золотых, а подумал — тысячу.

— О, опора мира! — продолжал владелец кошелька, — я точно знаю и не сомневаюсь, что в кошельке было тысяча золотых. Но вид кошелька не изменился, и у меня нет свидетелей, чтобы доказать свою правоту и заставить того человека вернуть мне сто золотых. Я заклинаю вас — разрешите мое затруднение.

Улугбек сказал ему:

— Приди сюда через три дня. Твоя просьба разрешится.

Человек прочитал благодарственную молитву и удалился.

А у Улугбека была круглая подушка из семицветного китайского атласа. Он любил вечерами, облокотившись на нее, читать. Минула ночь, как приходил с жалобой владелец кошелька. Наутро, поднявшись ото сна, Улугбек чуть-чуть надорвал подушку и вышел из комнаты.

После его ухода в комнату вошла служанка, чтобы убрать постель, и увидела, что угол любимой подушки повелителя надорван. Она очень испугалась, думая, что за это она будет наказана. Служанка рассказала о случившемся мужу и попросила совета, как быть.

Муж сказал ей:

— Не волнуйся. Я сейчас это поправлю.

А у этого мужчины был друг, мастер штопать и зашивать попорченные вещи так, что и следа не оставалось от разрыва. Это ремесло требует большого искусства. Этот мастер мог зашить и заштуковать любой разрыв так, что заметить порчу было невозможно. Он не мог слатать лишь разорванную завесу жизни.

Муж служанки отнес подушку своему другу-мастеру, и тот так зашил порванный угол, что совсем не было заметно.

Смышленная служанка положила подушку, как всегда, так, как было удобно опираться Улугбеку.

Мирзо, увидев мастерски зашитую подушку, спросил служанку:

— Утром я нечаянно задел подушку ногтем и немного порвал ее. Как ты сделала, что она приобрела свой прежний вид?

Служанка рассказала, как все было.

По приказу Улугбека привели к нему того мастера.

Мирзо сказал мастеру:

— «Если ты правдив — ты спасен», — гласит пословица. Если скажешь всю правду, будешь избавлен от наказания и возмездия. Скажи правду: приносил ли к тебе в эти дни кто-нибудь кошелек, полный золота, и не заштопал ли ты его?

Мастер ответил:

— Несколько дней тому назад какой-то человек принес полный золота кошелек, надрезал одну сторону, вынул из него сто золотых монет, мне дал как вознаграждение десять монет, и попросил заштопать этот разрез. Я так зашил, что он стал как прежний. Он взял кошелек и ушел. Вот все, что я знаю.

Улугбек вызвал к себе обманщика и тот при показаниях мастера вынужден был во всем сознаться. Улугбек взял у него все отданные на сохранение деньги и вернул хозяину.

Так восторжествовала правда.

* * *

Восифи рассказывает, что как-то к Улугбеку Мирзо пришел человек и сказал:

— Я готовился к отъезду в Рум. У меня были в запасе пять тысяч золотом. Я хотел отдать их честному человеку на хранение, а по возвращении забрать их. Сколько ни думал, не мог припомнить ни одного добропорядочного человека, кроме нашего кази. Поэтому те деньги я высыпал в кувшин, отнес и

отдал на хранение кази. Вернувшись из путешествия, я попросил кази вернуть мне мои деньги, отданные ему на сохранение.

Он сказал:

— Ты что, с ума сошел? Почему возводишь клевету на меня? Я тебя никогда не видел, никогда не знал и не знаю. Если посмеешь еще прийти ко мне и предъявить подобные претензии, велю выбить тебе зубы, и твой лживый язык вынут из твоего затылка.

Рассказав об случившемся, человек попросил Улугбека:

— Теперь я и не знаю, что мне делать? Помогите мне, подкажите.

Мирзо ему ответил:

— Я завтра пойду к кази. Когда я буду выходить от него и садиться на лошадь, ты подойди и расскажи эту историю.

Человек ушел.

Улугбек призвал к себе кази и сказал ему:

— У меня скопилось много денег и драгоценностей и не уместятся в сокровищнице. Я решил эти сокровища поместить в такое место, чтобы никто о них не знал. Хочу, чтобы после моей кончины это добро досталось моим детям и они тратили бы его на свои нужды. Если оставлю в сокровищнице, то в день моей смерти все разграбят и унесут. Но в этом деле я никому не могу довериться, ибо после моей смерти любой откажется вернуть добро наследникам. И я вспомнил, что кроме вас в городе нет ни одного правдивого человека. Вы же наместник пророка, в добропорядочности и в сохранении доверенных вам вещей никто не может с вами сравниться. Поэтому я и решил это состояние сдать на сохранение вам с тем, чтобы после моей кончины они пошли на нужды моей семьи. Этот разговор слышали вы и я. И никто о нем не должен знать.

Кази, услышав эти слова, от радости чуть не потерял сознание и не ушел в мир иной. Он с трудом справился с собой и, приложив руку к глазам в знак покорности и почтения, принял просьбу.

Улугбек сказал:

— Завтра я посету ваш дом. Вместе посоветуемся и определим место для сокровищ, а затем тайком привезем их и спрячем.

На следующий день Улугбек отправился к кази, внимательно осмотрел его двор, определил место для укрытия богатств.

Когда Улугбек вышел из его дома и сел на лошадь, к нему

подошел тот человек, опустился в пыль на колени и сказал Улугбеку:

— О, опора мира! Я отдал кази на хранение...

Кази, увидев этого человека и услышав его слова, растерялся и подумал: «Если я начну отказываться, Улугбек засомневается во мне, и, возможно, его сердце отвернется от меня, и он не отдаст на сохранение те сокровища».

Подумав так, кази сказал тому человеку:

— Ты что, спятил совсем? Зачем об этом рассказывать падишаху? Когда это ты пришел ко мне и потребовал свое добро, и я отказал тебе, не вернул его?

Затем кази сказал своему слуге:

— Там-то спрятан закупоренный кувшин, пойди принеси его.

Слуга принес полный золота кувшин, и кази в присутствии падишаха вручил его владельцу, чем и доказал свою «добропорядочность».

* * *

Восифи говорит, что, когда был закончен этот рассказ, султан и его окружение вознесли хвалу справедливости и проничательности Улугбека Мирзо. А Султанмухаммад попросил рассказать еще что-нибудь об этом великом человеке.

И вот что было рассказано.

Однажды к Улугбеку Мирзо пришел некто и сказал:

— Падишах, я направлялся из Самарканда в Бухару и у меня был кошелек с тысячью танга. Когда я отошел от города на два фарсаха, присел на берегу ручья под деревом, чтобы отдохнуть и немного перекусить. Когда я сел кушать, ко мне из степи подошел мой друг, направлявшийся в город. Я пригласил его сесть и разделить со мной мою трапезу. Он согласился и сел. Мы покушали. Я подумал, что мне незачем таскать с собой кошелек. Поэтому я отдал его другу с тем, чтобы он вручил его моим домашним. Когда я вернулся из путешествия, я узнал, что эти деньги друг не отдал моим родным. Я пошел к нему и потребовал вернуть мне мои деньги.

На это он сказал мне:

— Я ни тебя, ни того дерева не видел. Ты что, с ума сошел?

Улугбек потребовал к себе того человека, и они оба предстали перед падишахом. Человек опять сказал, что он ни дерева, ни этого истца не видел,

Тогда Улугбек велел потерпевшему пойти к тому дереву и принести с него два-три листочка, чтобы с их помощью разобраться в случившемся.

Когда истец ушел, Улугбек стал рассказывать его другу интересную историю и на самом забавном месте, прервав рассказ, спросил:

— Как ты думаешь, дошел истец до того дерева или нет? Человек, не задумываясь, ответил:

— То дерево довольно-таки далеко от города, так что, видимо, еще не дошел.

Улугбек засмеялся и сказал:

— Разве ты не говорил, что ни того дерева не видел, ни этого человека. Если это правда, то как же ты узнал, что истец не дошел еще до дерева? Не лги, говори правду и верни хозяину его деньги.

Человек вынужден был признаться во всем, а деньги вернуть их владельцу.

РАССКАЗ О СМЕШНОМ ПОРТРЕТЕ КАЗИ ДЖОДАКА И ДЛИННОБОРОДОМ ПРОДАВЦЕ ИМБИРЯ

осифи рассказывает, что в 929 году хиджры рисовальщик мавлоно Юсуфи прислал хану очень смешной портрет. Это был портрет кази Джодака. У него была такая длинная борода, что в этом никто не мог с ним сравниться.

Тот искусный рисовальщик нарисовал кази во весь рост. Его старческая длинная, тощая фигура напоминала сухую жердь, а голова и борода его возвышались над этой жердью так, словно срубили верхушку густого, цветущего дерева и взгромоздили ее на этот шест. Лицо же напоминало клеща, вцепившегося в гущу волос.

В связи с этим я вспомнил случай, который я рассказал хану.

В Герате во времена султана Хусейна Мирзо жил длиннородый человек. Он всегда сидел на площади у медресе Гавхаршодбегим и продавал имбирь. При порыве ветра от его бороды, которая была не короче бороды кази Джодака, отделялись несколько волос.

Гератские поэты складывали о его бороде разнообразные стихи, а рисовальщики изображали ее на листах бумаги раз-

ноцветными красками, наподобие павлиньего хвоста, и показывали любителям развлечений.

А торговец имбирем, желая завлечь покупателей, больше показывал и кичился своей бородой, чем расхваливал имбирь, опутывал людей ее кольцами и те прочно попадали в силки. Около него вечно толпился народ, и число любопытных не уменьшалось, и, конечно же, каждый старался купить у него что-нибудь, чтобы не отходить от бороды с пустыми руками.

У него был сын, обладавший прекрасным голосом — певец-музыкант. Он выучивал наизусть стихи, написанные поэтами в восхваление бороды его отца, садился напротив него и пел их приятным голосом, чем привлекал к «продавцу бородой» покупателей, и торговля шла бойчее.

Вот один из бейтов, оставшийся в моей памяти от тех стихов.

Выдрать по волоску — будет слава смельчаку,
Ибо каждый волосок — птичкам-лакомкам силоч.

РАССКАЗ О ГЛУПОМ ДЛИННОБОРОДОМ

осифи от имени Ходжаисмоила Гиссарского рассказывает, что он страдал от своего высокого роста и длинной бороды. Его длинная борода на долговязом туловище была подобна ячмю хвосту или стягу, прикрепленному к жерди.

Однажды вечером он читал книжку и вдруг на одной странице ему встретилось выражение: «Длинная борода и долговязая фигура — признак глупости». Он застыдился своих признаков глупости и подумал: «Значит, моя длинная борода и высокий рост свидетельствуют перед людьми о моей глупости. Поскольку я не могу укоротить мое тело, то могу укоротить на какую-то часть бороду. И таким образом один свидетель моей глупости будет уничтожен. Следовательно, при одном свидетеле — высоком росте — при справедливом разбирательстве, согласно шариату, глупость моя доказана не будет».

Рассуждая так, Ходжаисмоил решил бороду укоротить наполовину. Но сколько ни искал, не мог найти в доме ни бритвы, ни ножниц. А ему не терпелось как можно скорее освободиться от этого свидетельства своей глупости. Оказавшись в безвыход-

*Борода, возвращенная на масле и ароматических втираниях,
коснувшись огня, тут же вспыхнула ярким пламенем.*

ном положении, он крепко зажал в руке часть бороды, которую хотел оставить как украшение, а длинный конец, который непременно хотел уничтожить, поднес к пламени свечи, чтобы сжечь и избавиться от него.

Борода, взращенная на масле и ароматических втираниях, коснувшись огня, тут же вспыхнула ярким пламенем. Огонь достиг руки Ходжи. Не стерпев боли, он отдернул руку и выпустил бороду. Огонь словно достиг сухих камышовых зарослей. В один миг он добрался до умашенного подбородка, и не успел Ходжа моргнуть глазом, как вся борода, усы, ресницы и брови сгорели, и владелец их стал похож на опаленного муравья.

Когда Ходжа увидел свое лицо в зеркало, он рассмеялся и сказал:

— То, что я сделал, подтвердило мою глупость даже мне самому.

Он тут же взял перо и чернила и на полях той книги напротив строки: «Длинная борода и высокий рост — признак глупости» написал: «Мы проверили и на деле доказали, что это действительно так, и ни одно существо не должно в этом сомневаться. Если же нет, оно, как случилось со мной, сожжет себе бороду, усы, брови и ресницы». И подписался — «Ходжаисмоил Гиссарский».

РАССКАЗ О ПАЛОМНИЧЕСТВЕ МАВЛОНО СУБХИ, МАВЛОНО РАЙХОНИ И ХАЙЁТИ

осифи рассказывает, что в 933 году хиджры Султанмухаммад направился из кочевья Шахри турк в столичный град Ташкент и остановился в местечке Шаробхона. Среди сопровождавших султана были ученые и поэты.

Как обычно, в пути султану читали разные стихи и забавные рассказы. И тут один из ученых произнес бейт:

Зря спорил с бровью, выгнутой дугой,
остроконечный месяц молодой,
Лица увидев солнечную круглость,
и сам он круглой сделался луной.

Всадники, ехавшие кучкой по дороге, собрались вокруг этого ученого и попросили повторить бейт.

Султан сказал:

— Чей же этот бейт, что собрал нас всех в круг?

Я ответил ему:

— Этот бейт мавлоно Убахи, и эта матлаъ¹ тоже принадлежит ему:

Я сравнил твои очи с нарциссами, это позор!
Со стыда, как нарцисс, головою поник я с тех пор.

И мавлоно Убахи положил эту газель на мелодию чоргох² и хорасанские музыканты были покорены ею.

Султан сказал:

— Шейх Джастар же, восхваляя мавлоно Субхи, сказал: «Никто в Хорасане не может так украсить общество и вести дружеские беседы, как он». Я думаю, вы тоже такого же мнения о мавлоно Субхи, тем более, что вы в близких дружеских отношениях с ним. Очень было бы кстати, если бы рассказали что-нибудь о нем.

И я начал.

— Мавлоно Субхи рассказывал: мне в голову пришла мысль совершить паломничество в священную Мекку. Случайно в те дни я повстречался с мавлоно Хайёти и мавлоно Райхони. Когда я им рассказал о своем намерении, они тоже изъявили желание совершить такое путешествие. Словом, со всем благочестием мы снарядились и пустились в дорогу. Пройдя довольно большое расстояние, мы добрались до города Шервон и услышали, что шах Шервона любитель поэзии и латифа и беседует лишь с выдающимися учеными и поэтами.

Мы все трое направились к его дворцу.

Стражник спросил у нас:

— Кто вы такие и откуда идете?

Я ответил:

— Мы из вилоята Хорасан, хотим посетить Каабу³ в Мекке, — и коротко охарактеризовал каждого из моих товарищей.

Стражник вошел во дворец, через некоторое время вернулся, осмотрел каждого из нас и, выбрав мавлоно Хайёти, самого высокого и плотного телосложением, повел его во дворец. Долго мы ждали его, но он не возвращался. Я написал кытъа и отослал его с одним из слуг шаху:

¹ *Матлаъ* — начальное двустипное лирического стихотворения.

² *Чоргох* — название одной из таджикских классических мелодий.

³ *Кааба* — мусульманская святыня.

К дверям сиянья мы пришли втроем.
Равны все трое в знаниях, признаем.
Но что стряслось, неведомо двоим:
Один прошел, а мы еще стоим...

Шах, прочитав кытъя, очень смеялся, а потом послал человека и затребовал нас к себе. Когда мы вошли к нему, он оказал нам должное уважение. Мы остались у него на беседе. В конце беседы каждому из нас он подарил по сто танга и сказал:

— Я покорен полной веселья и остроумия беседой. И мне трудно расставаться с вами. Но вы — благочестивые богомольцы и направляетесь в божий храм, а наши беседы не исключают и винопитие. Но не могу ли я вас задержать на несколько дней в своем доме?

В ответ я прочитал шаху это рубаи:

В Каабу путь желанен все века,
Но тоже путь — в кабак из кабака.
И хоть цветет он теми же цветами,
Но вложит чашу в руку бедняка.

Услышав это рубаи, шах пришел в восторг и велел приготовить все необходимое для веселья. Ту ночь мы провели в беседах с шахом. А утром, одарив каждого тысячью танга, он отпустил нас с миром.

Когда мы покинули шахский дворец, случайно наш путь привел нас к питейному дому. Крики подвыпивших гуляк достигали небес.

Мы сказали себе, что у нас есть необходимые дорожные припасы и не годится проходить мимо этого людского обиталища, не удовлетворив своего желанья. Словом, мы вошли в питейный дом и предались вину и веселью.

Через несколько дней мы опомнились, и оказалось, что все наше достояние унесло вино, даже наши халаты и чалмы были заложены за вино старику-торговцу. Мы не могли дольше там оставаться и, даже если б мы этого захотели, служители кабака вытолкали бы нас вон. Но и не могли, раздетые, разутые, выйти на улицу.

В момент, когда мы, расстроенные и растерянные, стояли, решая, как нам быть, мимо дверей погребка проходил наш друг. Увидев нас в таком состоянии, он вошел в питейный дом и спросил, что с нами приключилось. Мы все рассказали ему. Это был щедрый и великодушный человек: он выкупил заложенные нами халаты и чалмы, вернул их нам и сказал:

Поспешите, друзья, от питейного дома уйти,
Ибо даже Хафиз разорился на этом пути.

Выйдя из кабака, мы не знали, что делать. У нас не было никаких припасов, давал знать о себе голод.

Я сказал своим товарищам:

— Я нашел выход из положения. Если вы, друзья, согласитесь, мы его используем.

— Говори, если он приемлемый, то, конечно, используем, — ответили они.

Я сказал:

— Мавлоно Райхони своей худобой и бледностью напоминает покойника. Если он будет лежать неподвижно, то каждый примет его за усопшего. Я предлагаю уложить его как покойника, а до шаха довести весть об его кончине. Безусловно, для его погребения — для могилы и савана — он пришлет кое-что, а мы на те деньги купим что-нибудь из съестного и благополучно выберемся из этого полного смятения и бедствий края.

Мой замысел понравился друзьям. Мы разыскали странно-приимный дом и уложили Райхони как покойника. Этот наглец так сумел изобразить усопшего, что не то чтобы шевельнуться, даже и не дышал. Когда мое предложение было принято, я запрятал в рукав луковицу, выжал ее и поднес к носу. Глаза, подобно кубкам, покраснели. Я с полными слез очами, плача и причитая, направился к падишахскому дворцу. Рассказал ему, что, покинув его высочайшую обитель, наш возлюбленный друг — мавлоно Райхони — заболел. Мы разыскали местечко, устроились там, но несчастный, поручив свою душу шахиншаху, отправился в последний путь. Так как мы ели хлеб-соль за дастарханом высокочтимого повелителя, посчитали, что будет выражением признательности, если мы известим вас об этом скорбном случае.

Шах ответил:

— Жаль, сто раз жаль мавлоно Райхони. Это же был незаменимый собеседник и душа общества.

Сказав это, он позвал своего советника, велел ему оказать гостеприимство несчастным и принять участие в погребении мавлоно, а мне дал тысячу танга на саван и похороны.

Когда мы пришли к месту несчастья, я сказал советнику:

— Покидая родные места, чтобы совершить это священное путешествие, мы договорились между собой, что, если кого-нибудь из нас в пути настигнет смерть, мы, оставшиеся в жи-

вых, обмоем его и завернем в саван. Вы постоите здесь, у дверей странноприимного дома, мы же обмоем и приготовим покойника.

Войдя к покойнику, я тихонько сказал Райхони:

— О, несчастный, запомни, ты не умер, а был в обмороке. Когда у тебя носом немного пойдет кровь, ты придешь в себя и встанешь,— сказав это, я размахнулся и ударил его по носу.

Райхони завопил:

— Ой, помираю! Потихе ты, негодник! — он вскочил с места, а из разбитого носа брызнула кровь.

Мы подняли радостный крик:

— О, мавлоно Райхони не умер, просто он был, оказывается, в обмороке. Пошла носом кровь, и он очнулся и так избежал преждевременной смерти.

Советник вскочил на лошадь и поскакал к шаху с этой радостной вестью.

Шах, узнав, что мавлоно ожил, послал за ним свою повозку, чтобы доставить его к себе, так как хотел расспросить о загробной жизни.

Мы уложили мавлоно в повозку и направились во дворец.

Шах, как только увидел мавлоно Райхони, тут же спросил его:

— О, Райхони, ты вернулся с того света. Узнал ли ты что-нибудь о моем отце?

Райхони ответил:

— О, оплот мира, простите меня. Я не дошел до ада, вернулся, поэтому я ничего не знаю об усопшем вашем родителе.

Шах рассмеялся, осыпал нас милостями, проявил свою благосклонность и попросил нас, пока чуть живой мавлоно Райхони наберется сил, остаться у него и быть его сотрапезниками в увеселительных пиршествах.

Мы, конечно, согласились и через несколько дней раздобрели, как поставленные на откорм бараны. Наконец мы попросили шаха разрешить нам покинуть дворец. И пока достигли города Шамохи, спустили и дары шаха, и его пожертвование на погребение и саван мавлоно Райхони, и были свободны от мирских забот и связей, как покинувший сей мир покойник. У нас больше не было желания совершать паломничество, да и ни к чему оно и было. У нас опять кончились дорожные припасы, да и паломничество считается обязательным тогда, когда у человека есть средства на дорогу. Но высказать свое мнение друзьям я не мог, поэтому начал искать повод, чтобы устроить себе отдых.

*Мы подняли радостный крик, мавлоно Райхони не умер,
просто он был, оказывается, в обмороке.*

«Кто ищет — тот найдет», — говорят. И я нашел серьезную причину для прекращения путешествия. Не знаю, то ли от голода, то ли от палящего солнца у меня начался жар. Мне было так нехорошо, не то что ходить, стоять не было сил.

И Райхольд так ослаб, что был не лучше меня. Хайёти вынужден был взвалить нас на спину и тащить по этой безводной, иссохшей ужасной степи. Наконец он добрался до жилья. Когда меня, почти безнадежного, положили на постель, дали немного воды и покоя, я нашел в себе силы говорить.

— Дорогие мои, — сказал я товарищам, — я стал для вас тяжким бременем из-за моей болезни. Оставьте меня и идите, да поторопитесь, чтобы не пропустить время хаджа — паломничества. Я же останусь здесь. Как только выздоровлю, нагоню вас и побываю в священной Каабе; если нет — то вручу свою жизнь всевышнему и таким образом совершу благодеяние, которое приносят сто хаджей. Ибо сказано: «Если человек совершит паломничество в Каабу. — сделает одно доброе дело, если же он умрет по дороге в Мекку, сделает доброе дело, равное ста хаджам».

Я не знаю, понравилась моим друзьям моя просьба или нет. Я знаю одно: мою причину они сочли веской и соответствующей шариату, так как она освобождала их от забот и хлопот по уходу за больным. Попрощавшись со мной и пожелав в душе, чтобы я достиг добрых деяний, равных ста хаджам, они отпростились в путь.

Я прожил там три дня, пробавляясь подаванием прохожих, и немного поправился. Я решил идти в Мешхед. Братья-шииты говорят: «Если человек доберется до Мекки — сделает доброе дело одного хаджа, а если посетит священный Мешхед, то делает доброе дело, равное ста хаджам».

Я же не был настолько глуп, чтобы променять сто добрых дел на одно.

* * *

Мавлоно Субхи рассказывает: приложив все силы, что еще сохранились в теле, вечером я наконец достиг селения, где имелась хорошая мечеть. Я вошел в мечеть и забылся беспокойным сном горемыки. Настало время вечернего намаза, и в мечеть собрались люди для молитвы. Но у меня не было сил совершить омовение, как полагается мусульманину, и встать вместе с правверными на молитву. Будучи в безвыходном положении, я натянул на голову халат, чтобы какой-нибудь благочестивый

житель, обнаружив, что находясь в мечети, я не молюсь, оскорбившись, не плюнул мне в лицо.

Люди, закончив намаз, один за другим стали выходить из мечети. Выходящий самым последним внимательно посмотрел на меня, но ничего не сказал и покинул мечеть.

Через некоторое время пришел слуга, подошел ко мне и сказал:

— Вас просит к себе мой хозяин. Он говорит: «Пусть гость-чужестранец придет в мой дом».

Я подумал про себя:

«Нельзя же всю жизнь проводить в унижении. Надо что-то предпринять, чтобы завоевать уважение. Ибо, как говорится: «Сохранение авторитета — это талант самого человека». И раздумывая так, я сказал слуге:

— Послушай, дорогой, я гость в доме всевышнего и не настолько глуп, чтобы, оставив божий дом, пойти в жилище его раба.

Слуга, получив такой вполне разумный ответ, вышел из мечети. Через час он со светильником в руках вошел в мечеть, поставил его возле меня. Следом за ним появился хозяин в пышном одеянии и почтительно обратился ко мне.

— Добро пожаловать,— сказал он и оказал мне такое уважение, какое я в жизни ни от кого не видел.

Через некоторое время слуга раскинул перед нами дастархан, расставил разнообразные кушанья и ушел.

Хозяин приблизил дастархан ко мне, подвинул блюдо с кушаньями и сказал:

— Во имя аллаха, кушайте на здоровье. Я — ваш покорный слуга — приготовил эти яства из самых дозволенных шариатом продуктов, чтобы сомнительной пищей вы, почтеннейший, не осквернили свои благочестивые уста.

Я сказал про себя:

«Эй, Субхи, твой план оказался удачным. Теперь оставь свои фокусы, не привередничай и воспользуйся благом, дарованным тебе аллахом через своего простодушного раба». И я, подобно ястребу, вонзил все свои пять пальцев в недра блюда с рыбой. И моя пятерня каждый раз захватывала по несколько рыбешек и отправляла их в глубины желудка по горловому каналу.

Во время трапезы к хозяину подошел юноша и что-то прошептал ему на ухо. При словах юноши на лице хозяина отразилась радость, и со словами «слава аллаху» он поцеловал мою руку и, приложив ее к своим глазам, произнес:

— Это мой младший сын. У меня есть второй сын, младше этого. Он давно болен, не встает с постели. Сегодня вечером ему стало так плохо, что мы, не надеясь на его выздоровление, с болью в сердце, примирились с его кончиной. А сейчас сын принес радостную весть: больной сильно вспотел и открыл глаза. Такую радость я приписываю только вашему благословенному приходу. А теперь я смиренно прошу вас посетить дом вашего нижайшего раба, чтобы я мог оказать вам толику услуг во славу аллаха.

Я ответил:

— Ваши искренние побуждения и честная натура нашли отклик в моем отзывчивом сердце, поэтому ни под каким предлогом я не смогу отказать переступить порог вашего уважаемого дома.

Короче, в сопровождении отца и сына я направился в дом того добропорядочного хозяина. Войдя в дом, я увидел убранный мехмонхону — комнату для гостей, где царило горе. Увидел постель из бархата и парчи в чисто прибранной комнате и сказал себе: «Эй, Субхи, это благо ниспослано тебе безвозмездно нашим творцом без твоих мольб и поклонений. Теперь создатель одарит тебя еще одним благом, из которого ты извлечешь пользу для себя и возблаговаришь вездесущего. Ибо благочестивые мусульмане при удаче всегда возносят благодарность за доставленное добро».

Хозяин показал мне свою баню, чтобы я мог в ней помыться. Когда я смыл с себя всю дорожную пыль, хозяин подарил мне чистую одежду и одел меня как настоящего господина. Напив сладким шербетом, он предложил мне отдохнуть на той пышной постели.

На следующий день после утренней молитвы, которую я совершал исключительно для соблюдения чистоты своей веры, хозяин попотчевал меня разнообразными вкусными кушаньями. Затем он привел своего сына и сказал мне:

— У меня в одном месте неотложное дело. Но по причине болезни сына я не мог им заняться. Теперь же, благодаря вашему благословенному приходу, аллах избавил меня от этих дум, и поэтому я хочу на несколько дней отлучиться по тому делу. К вам у меня просьба: до моего возвращения считайте дом вашего раба своим и отдыхайте в свое удовольствие. А этот сын вашего покорнейшего слуги, — указал он на сына, — будет послушным исполнителем ваших желаний.

Затем обратился к сыну:

— О, милое дитя, ты должен считать услуги дервишам для себя счастьем и ни в коем случае не упускать момента, когда можно удовлетворить их желания.

Ибо сказано:

Как райские куши — беседа и дружба с дервишем,
Основа величия — верная служба дервишам.

Когда этот послушный сын проводил отца, он вошел ко мне и сказал:

— Эй, махдум, будьте благосклонны и скажите: из какого вы сословия дервиш и к какому их направлению принадлежите?

Когда юноша спрашивал меня об этом, я прочитал в его глазах тайные желания и понял, что в нем, по требованию молодости, кипит стремление к развлечениям и удовольствиям. И он давно мечтал о том дне, когда отец по какому-нибудь делу отлучится из дома, и он хоть ненадолго освободится от родительского надзора и хотя бы чуть-чуть прикоснется к своим мечтаньям. И вот, благодаря провидению, этот день настал. Но откуда свалился, словно нежданное несчастье, на его голову этот иссохший отшельник и хитроумный отец приставил его к нему сторожем?

Я понимал, что хотя юноша и был занят этими мыслями, все же, из уважения к своему отцу, он заставлял себя говорить со мной на темы, которые должны были ласкать слух дервишам. А в душе он проклинал меня, и на лице отражалась вся терзавшая его тоска.

Я подумал, что вселить в сердце мусульманина радость, тем паче юноши, — это прекрасное побуждение человека. Что плохого в том, если я осчастливорю этого юношу, и таким образом и для себя открою двери веселья и удовольствий и покажу ему, кто я есть на самом деле. Тем более, уже несколько дней, как меня мучило воспоминание и желание хорошего, ароматного вина. Таким образом, я откажусь от лицемерного благочестия, и это, конечно, будет угодно и всевышнему. Я сказал себе: «Разврат лучше лицемерного подвижничества».

Подумав так, я обратился к юноше:

— Послушай, дорогой, какие дервиши, какие там направления и всякие шейхи, о которых ты спрашиваешь у меня? На самом деле я поэт, и я не совершаю намазов и давно отринул благочестие. Если, как советовал тебе твой отец, ты хочешь ублажить и угодить мне, принеси все, что найдешь, для веселья и наслаждений!

Услышав эти слова, юноша расцвел, словно роза в весеннюю пору.

— Я сделаю все, что вы пожелаете, чтобы исполнить просьбу отца, — сказал юноша и тут же принес отменное вино, закуски и кабоб и открыл предо мной двери веселья и удовольствий.

Когда хмельной кубок прошел два-три круга, завязалась беседа. Юноша возрадовался и стал петь довольно приятным голосом восхитительные газели. Веселье разгорелось. Я же, старый стрелянный воробей, все свои умения и талант украсителя собраний направил на то, чтобы сладкозвучными стихами и интересными латифа веселить и радовать любезного, гостеприимного юношу. И в этом, как признательный и соблюдающий все обычаи гость, я преуспел.

Наши беседы длились не с утра до вечера, а всю неделю. И наш высокочтимый хозяин вернулся к себе домой.

Как бы ни хотел я лишиться этого дарового удовольствия, после возвращения хозяина считал неудобным оставаться в том доме. Не дай бог, откроется все обо мне, и я сделаюсь позорищем для всего света. Поэтому счел необходимым испросить разрешения у досточтимого и гостеприимного хозяина покинуть его дом.

Хозяин никак не хотел расставаться с шейхом-обманщиком, с трудом разрешил уехать и подготовил все необходимые принадлежности для путешествия, подарил на дорожные расходы, коня со сбруей и проводил меня до первой стоянки...

РАССКАЗ О ТОМ, КАК МАВЛОНО СУБХИ СТАЛ СОВЕТНИКОМ АМИРЗУННУНА АРГУНА

убхи рассказывал: когда, совершив хадж, я вернулся в Герат; в то же время Амирзуннун Аргун из своих владений — Систана — прибыл ко дворцу падишаха султана Хусейна Мирзо. Надо сказать, что Амирзуннун Аргуа был одним из уважаемых эмиров Хусейна Бойкаро и считал себя чудотворцем. Племена, жившие в его владениях, а также население Заминдовара и Кандахора (Систан), где он был правителем, были искренне преданы ему и верили в его чудотворство.

А чудотворство его заключалось в том, что каждый раз, когда на суд к нему являлись повздорившие жители, он докрасна накаливал в огне топор, клал его на землю и говорил провинившемуся или истцу:

— Подними топор. Если ты говоришь правду, не повредишь руку, а если солгал — обожжешь.

Конечно, человек не дотрагивался до раскаленного топора и таким образом доказывал перед судьей-ясновидцем свою вину, подвергался наказанию и платил штраф. Некоторые осмеливались поднимать топор и тогда бывали наказаны дважды: и топором, и досточтимым эмиром. На печати у него было начертано: «Зуннун совершенный».¹

Я подумал про себя, что этот человек довольно глуп. Поэтому я должен сблизиться с ним, подтвердить его чудотворство и воспользоваться его несметным богатством. Хотя это и будет лицемерием, но я не совершу никакого греха. Ибо быть постоянно в неуверенности нехорошо и грешнее.

С этой целью я сочинил в честь Амирзуннуна касыду, в которой воспел его чудотворство и его высокое положение, вознес его до небес и поставил выше всех пророков.

Когда я прочитал ему касыду, он подарил мне две тысячи танга и сказал:

— Ты не избегай моих приемов. Благополучие в обоих мирах ты пожнешь, служа мне.

Я принял его приглашение и стал одним из видных его последователей.

В эти дни он готовился в дорогу — хотел поехать в Заминдовар и Кандахор — в свои владения. Чтобы я сопровождал его, он снарядил и подарил мне нескольких верблюдов, девять оседланных лошадей, шатры и палатки и пятерых слуг. По дороге мы беседовали о разном, а в промежутках между разговорами я утверждал среди людей его святость и способность к чудодействию. Я иногда позволял себе в беседах шутки и остроумные высказывания, которые не совсем соответствовали его высокому званию чудотворца. И каждый раз за мои удачные шутки он дарил мне что-нибудь.

Наконец мы вступили на землю Заминдовара. Эмир Зуннун, по привычке, разбил свой шатер в отдалении от воинов с тем,

¹ Зуннун — прозвище пророка Юнуса, а также святого, которого называли Зуннуном Египетским. Но Зуннун Аргун считал себя выше их обоих, поэтому к своему имени прибавил «совершенный».

чтобы в одиночестве и тиши предаваться молитвам. Мой шатер тоже был разбит на некотором расстоянии, но не в лагере воинов.

Как-то я увидел, что к шатру эмира направляется женщина в чадре. В сердце мое вкралось подозрение: неужели этот мерзкий негодник, прикрывшись набожностью, занимается какими-то бесчестными делами?

Я подумал: «Если я застану его за неподобающим занятием, то, как я стал соучастником его чудодействия, так стану им и в его прегрешениях».

С этой мыслью я пробрался за шатер и, как соглядатай, притворившись, посмотрел в щель в шатре.

Женщина вошла в шатер. В руках она держала какую-то синюю тряпку, в которой было что-то завернуто. Женщина с приличествующим такой высокой особе уважением положила это нечто перед эмиром и сказала:

— У одной женщины начались роды. Она очень страдает. Эти сто танга она послала вам, почтеннейший, чтобы вы помолились за нее, может, благодаря вашему благословенному дыханию создатель дарует ей, наконец, избавление, наградит ее благополучным разрешением.

Эмир воздел руки к небесам и прочитал молитву о той женщине, а тряпку с завернутыми в нее танга положил себе в карман.

Я же дал себе слово, что вытяну деньги из рук этого глупца.

Решив так, я отошел от шатра примерно на двести шагов, взобрался на холм, сел лицом к кибле¹ и опустил голову на грудь.

Вскоре из шатра вышел Зуннун, увидел меня и спросил слугу, который шел по делам к эмирскому жилищу:

— Это что за наблюдатель на холме?

Слуга ответил:

— Мавлоно Субхи.

— Позови его ко мне, — велел эмир.

Когда я предстал перед эмиром, он сказал мне:

— Эй ты, сын шайтана, что ты там делал? Каким еще хитростям и уловкам научился у своего родителя, чтобы дурачить и обманывать людей?

Я ответил:

¹ Кибла — сторона, в которую обращается мусульманин лицом во время молитвы.

— О просвещеннейший эмир! Нельзя все время следовать неверным путем и пребывать в грехах, иногда нужно обращаться и к создателю. Возможно, от его божественного сияния и осветится душа грешника.

Эмир сказал:

— Ну и что открыл ты для себя в неведомом мире, пребывая на холме в таком глубоком размышлении?

— Сегодня мне волшебное зеркало показало, что вы получили тайком подарок.

Услышав это, эмир так удивился, что замер с открытым ртом. По лицу было видно, что он всему этому поверил.

— Ну, и что это за тайный подарок? Если отгадаешь что это, я подарю ту вещь тебе.

Я низко опустил голову, прочитал молитву и сказал:

— Эта вещь — деньги.

Эмир удивился больше прежнего и сказал:

— Если отгадаешь, сколько тех денег, я к ним прибавлю еще столько же и подарю тебе.

Я поразмыслил и ответил:

— Кажется, сто танга.

Эмир сказал:

— Если отгадаешь в чем они, я сумму подарка увеличу вдвое.

После раздумий я сказал:

— Как в лазурном небе прячутся звездочки-монетки, так и те деньги завернуты в синюю тряпочку.

Мир опустил руку в карман, извлек завернутые в тряпку деньги, прибавил к ним столько, сколько обещал, и положил передо мной.

Я невольно расхохотался над своей ловкостью.

По моему смеху эмир догадался, в чем дело, и сказал:

— Ладно, сын шайтана! Ясно, что ты заранее знал об этом. Ничего, я не в убытке. Сейчас кое-что я спрошу у тебя. Если ответишь, положу еще столько же, сколько ты вытянул у меня, если нет — отберу обратно.

— Пожалуйста,— сказал я.

Он спросил:

— О чем я сейчас думаю?

Я ответил:

— Вы сейчас думаете: «Ох, какой же этот незаконнорожденный Субхи обманщик. Сколько золота выманил у меня хитростью».

Эмир рассмеялся и сказал:

— Клянусь всевышним — ты сказал правду. Действительно, я думал именно об этом.

Он велел мне вручить тысячу танга, подарить лошадь и одежду.

* * *

Мавлоно Субхи вот еще что рассказал Восифи.

Мы добрались до Кандахора — центра вилоята Заминдовар. Там мой авторитет перед эмиром возрос еще больше. Я же, хотя и позволял себе даже непристойные шутки с эмиром, когда мы бывали одни, но при подданных всегда утверждал и доказывал его святость и способность к чудотворству.

У эмира Зуннуна был молочный брат, которого звали Мирфозил и которого он очень любил. Эмир подарил ему местечко Газбу, бывшее одним из лучших и благоустроенных районов Заминдовара. Но Мирфозил сумел в короткий срок опустошить и разорить эту местность.

Жители Газбу, доведенные до отчаяния насилием и бесчинствами Мирфозила, явились с жалобами в Кандахор. Но никто из придворных, опасаясь гнева правителя и Мирфозила, их жалобу не доводил до эмира. Жалобщики же, страшась испытания топором, тоже не хотели предстать перед правителем.

Наконец они пришли ко мне и стали просить, чтобы я каким-нибудь образом избавил Газбу от беспутного Мирфозила. Я внял их просьбам и сказал себе: «Эй, Субхи, для своего благополучия ты добился покровительства и расположения этого глупца и невежды и сделал его еще глупее. Ведь ничего с тобой не случится, если ты сделаешь доброе дело и для этих несчастных».

С этой целью я пошел к правителю и начал ему рассказывать разные истории и случаи. Во время беседы я нарочно сказал такое, что яснее солнца было видно, какая это ложь.

Правитель сказал:

— Это неправда.

Я поклялся:

— Клянусь создателем семнадцати тысяч девятист девяносто девяти миров, что это правда.

— О, безбожный лгун, — сказал правитель, — до сих пор говорили: «создатель восемнадцати тысяч миров». Что, уже один мир у создателя успел украсть?

Я ответил:

— Действительно, их было восемнадцать тысяч миров. Но

один мир — Газбу — попав в руки Мирфозила, опустошен и выпал из их числа.

Правитель засмеялся и в дар за эту острогу отдал Газбу мне. И пока был жив правитель Зуннун, я в благоденствии проводил свою жизнь на доходы с этой местности.

РАССКАЗ О МАВЛОНО КОТИБИ И БОБОСАВДОИ

осифи рассказывает: когда настало время вечернего намаза и слуги в лазурном небе ночного царства на побежденном западе раскинули для солнечного скакуна шатер и разостлали сирийские узорчатые ковры у портала сводчатой арки вселенной, султан Мухаммад велел в девоне — правительственной канцелярии Кей-Кавуса¹ в Ташкенте провести празднество и устроить беседу.

Один из присутствующих на том собрании прочитал бейт:

Тебя войскам послал, наверно, бог,
Хотя всех войск военачальник — рок.

Султан спросил у меня:

— Чей этот прекрасный бейт, который доставил нам такое великое удовольствие?

Я ответил, что это бейт мавлоно Котиби.

Султан опять спросил:

— В какое время жил Котиби и при каком падишахе получил образование?

Я ответил:

— О шах, его наставником и воспитателем был Бойсунгурмирзо и вот что рассказывают о первом его знакомстве с шахзаде.

Когда Котиби приехал из Нишапура в Герат, дворец шахзаде Бойсунгурмирзо располагался в саду Сафед, и он там жил.

В один из дней Котиби вошел в тот сад и увидел комнату, в которой находились люди. Он свернул в ту сторону и направился прямо в комнату. А там сидел Бойсунгурмирзо со своими

¹ Кей-Кавус — один из царей из династии Кейанидов.

приближенными и собеседниками. Когда шахзаде увидел идущего к ним человека, могучего телосложения, высокого ростом, в рваной чалме на голове и старом халате, спросил у него:

— Кто ты, откуда и какое дело привело тебя сюда?

Котиби ответил:

— Я — поэт и пришел из дальних мест, из вилоята Нишапур.

Падишах сказал:

— Если ты и в самом деле поэт, то скажи бейт о своей чалме и своем росте.

Котиби экспромтом произнес этот бейт:

Имею я высокий рост и рвань чалмы при этом,
Она, как аиста гнездо, торчит над минаретом.

Бойсунгур засмеялся, приблизил его к себе и ввел в число дворцовых поэтов.

Бобосавдои, бывший избранным собеседником шахзаде, одаренным стихотворцем и главой придворных поэтов того времени, услышав этот бейт Котиби, изменился в лице и так встревожился, что Бойсунгурмирзо заметил его состояние.

В это время один из присутствующих открыл собрание стихов Шейха Сузани и прочитал матлаъ:

Доколе веленьем коварной лазури над нами
Хрусталь благочестья забрасывать будем камнями.

Мирзо предложил:

— Друзья, напишите ответ на эту касыду, — и велел по содействию с девоном выделить Котиби комнату, чтобы он мог в уединении спокойно написать ответ на касыду.

Бобосавдои впал в безумную печаль, его охватило уныние и взяла досада. Он подумал: «Котиби один из видных людей, и я не в силах тягаться с ним. Чем и где закончу теперь я?»

Когда Бобосавдои сидел в таких размышлениях, к нему пришла компания молодых людей, преданных и поклонявшихся Бобо, и, увидев его, расстроенного и опечаленного, они спросили о причине такого состояния.

Бобосавдои ответил им:

— Друзья мои, до сих пор я жил в почете и уважении, не тужил и не перед кем не склонял головы. До сегодняшнего дня никто не мог меня осилить, и была могуча моя рука. Но появился сильный соперник, и падишах противопоставил его мне. Теперь я опасаясь за исход дела.

Молодые люди ответили:

— Бобо, не расстраивайтесь. Сегодня вечером мы увлечем Котиби беседой, и он не сможет заняться стихосложением. Вы же спокойно пишете касыду, а завтра, когда он придет на собрание шахзаде с пустыми руками, безоружный, вы побьете и посрамите его. Воин, как бы он ни был силен, выйдя без оружия на борьбу, уступает в первой же схватке, оказывается побежденным. А побежденного всегда одолевает отчаяние, он падает духом и в конце концов покоряется одержавшему над ним верх противнику.

Юноши, исполняя данное ими обещание, вошли в комнату Котиби.

А он до их прихода написал всего эти четыре бейта:

Твой лук, справедливый, не стрелами — судьбами страшен,
Колчан твой хвостами поверженных барсов украшен,
Знамен твоих месяц вонзен, как в чехол, в небосвод,
Для рыжих коней на земле безграничен полет.
Алмазные звезды небесный атлас расстилают,
Купцы, как обычно, товаром цветным одаряют.
И птица речная, с твоих заплывая клинков,
В день праздника каждая ловит по сотне китов.

Когда юноши вошли к Котиби, он очень удивился их приходу. Юноши занимали его до самого утра и не давали возможности приняться за стихи.

Утром падишах всех поэтов призвал к себе. Пригласили и Котиби с Бобосавдои. Было решено, что первым свою касыду прочитает Котиби.

Котиби вынул из своей папки бумагу, на которой были написаны те четыре бейта, уставился внимательным оком в нее и стал читать касыду.

Сидевшие рядом с ним видели, что на бумажке были написаны всего четыре бейта. Удивленные, они стали переговариваться между собой.

Падишах, заметив это, спросил:

— О чем вы разговариваете?

Они ответили:

— На этой бумажке не более четырех бейтов, а этот человек прочитал уже свыше тридцати!

Падишах спросил:

— Что это за фокусы?

Котиби ответил:

— Вечером я сочинил четыре бейта, как вдруг пришли в гости друзья. Завязалась беседа и не было никакой возможности продолжить касыду. Когда падишах потребовал меня к себе, опять-таки я не смог извиниться и, оказавшись в безвыходном положении, я вынужден был перед вашим величеством экспромтом прочитать эту касыду.

Услышав это, Бобосавдои распростер руки к справедливости и сказал:

— Как говорится: «Справедливость — верх служения алла-ху».

Когда справедливость в твоём заплескалась сосуде,
То это превыше, чем низкий поклон при суджуде¹.

Сколько ни восхваляли Котиби, на самом деле он оказался лучше в тысячу раз.

Затем, указав на Котиби, Бобосавдои произнес:

Я слышал, достоин ты многих из нас,
Увидел: достойнее в тысячу раз.

РАССКАЗЫ ВОСИФИ О ЗАБАВНЫХ СЛУЧАЯХ С ПОЭТАМИ

осифи рассказывает, что однажды Мир Алишер, собрав поэтов, велел им сочинить ответ на касыду Котиби «Шутур-худжра» («Верблюд и худжра²»).

Мавлоно Ахмад закончил свою касыду восхвалением Мир Алишера. Когда он стал ее читать Алишеру и дошел до бейта:

Пред худжрой твоей, как верблюд, опущусь на колени,
Когда, как верблюд, ты покажешься хоть на мгновенье.

Алишер приказал в «вознаграждение» за этот бейт связать и бросить его в хауз. А в это время у хауза была кошка. Она, желая поймать птицу, прыгнула и свалилась в воду.

Мавлоно Ахмад, увидев кошку, сказал Миру:

— Разве и эта кошка написала ответ на касыду «Верблюд и худжра»?

¹ То есть низкий поклон при молитве.

² Худжра — келья.

Мир Алишер рассмеялся и велел вытащить мавлоно и воды. А было прохладно, и Мир подарил ему шубу.

Мавлоно Ахмад, благодаря Мира за щедрый подарок, прочел другую касыду, которая начиналась таким двустишием:

Великий Мир мне шубу подарил,
От запаха которой город взвыл.

Услышав этот бейт, Мир Алишер ответил ему таким двустишием:

Шел тяжкий дух от шубы оттого,
Что сам ты в шубу выпустил его.

* * *

Восифи рассказывает, что мавлоно Хасаншохи был выдающимся главой поэтов своего времени и отличался тонкостью ума. Никто не мог причислить его к графоманам, ибо он действительно был царем поэтов. У него очень много юмористических касыд и кытъя. Он, например, сочинил о своей женитьбе касыду, в шестьдесят бейтов, в которой он в юмористической форме изобразил свою жену, ее мать и ее брата.

Восифи рассказывает об одном забавном случае, происшедшем с мавлоно Хасаншохи — царем поэтов.

В один год в Герате была очень суровая зима. А у мавлоно ничего не было, и он страшно бедствовал. Жизнь оказалась для него настолько тяжелой, что как-то он сказал сыну:

— Надень что-нибудь синее, как это делается в дни траура, иди к Мир Алишеру и сообщи ему о моей кончине. Он обязательно даст кое-что для моего погребения. Пойди затем на базар, продай то, что он даст, и купи необходимые продукты.

Сын мавлоно оделся, как велел отец, и отправился к Мир Алишеру.

Мир, увидев его, потребовал к себе и спросил:

— Все ли в добром здравье? Не случилось ли что?

Сын ответил:

— Отец поручил свою жизнь вам. Он скончался.

При этих словах на глаза Мира набежали слезы. Он сказал:

— Жаль мавлоно Хасаншохи, редчайший для нашего времени был человек, — с этими словами он дал триста монет чистого золота на саван и погребение мавлоно.

Сын мавлоно тут же отправился на базар, купил все, что велел отец, и пришел домой.

На другой день мавлоно пошел к Мир Алишеру. Увидев его, Мир рассмеялся. Он так хохотал, что обессилев, прислонился к стене и сказал:

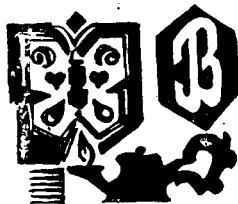
— О, мавлоно, в чем дело? Разве ты не помер вчера?

И мавлоно ответил:

— Я действительно умер, но ваш дар вернул мне жизнь.

Мир опять засмеялся, подарил ему теплую одежду и тысячу динаров наличными.

РАССКАЗ О МАВЛОНО ОГОХИ И ХОДЖЕ ШАХОБУДДИНЕ ИСХОКЕ

осифи рассказывает: в 935 году хиджры Келдимухаммадсултан посетил кочевье Шаробхона. Однажды он сказал мне:

— Что-то стало очень скучно. Если бы вы рассказали что-нибудь, скука покинула бы нас.

И я начал рассказ.

Мирзошохгариб был одним из сыновей султана Хусейна Мирзо Бойкаро. В детстве он упал с крыши дворца, повредил себе позвоночник и грудную клетку и остался горбатым.

При нем служил везирь по имени Шахобуддин Исхок, а также молодой человек из рода шейха Зайнуддина Хафови по имени Огохи, равного которому по учености и одаренности среди его ровесников в то время не было. Незранный в науках, беспримерный в стихосложении и других знаниях, он прекрасно писал семью почерками. Шохгариб очень его любил и всегда держал при себе.

Огохи очень хотел быть при дворе Шохгарива везирем. Но Шахобуддин Исхок мешал ему в достижении цели. Ибо Исхок был очень искусен в правлении делами и, конечно, Мирзо ни в коем случае не отдал бы этот пост Огохи.

У султана Хусейна Мирзо был обычай: собираясь выехать куда-нибудь, он оставлял своим заместителем Шохгарива и говорил:

— Шохгариву в дни моего правления дано достичь лишь этого. После моей смерти неизвестно, что он получит от падишахского трона.

Когда султан Хусейн Мирзо отправился в Гиссар с твердым

намерением изгнать оттуда Хисравшаха, он, как всегда, оставил своим заместителем Шохгармба и поручил шейху Абусайду Пурони присматривать за шахзаде и сказал ему:

— Пока меня не будет, следите за ним и, если вы заметите с его стороны что-то бунтарское, непременно известите меня. (А надо сказать, что его сыновья один за другим восставали и отказывались повиноваться ему.)

Как только султан отправился в путь, мавлоно Огохи, желая свалить Шахобуддина с высот его величия, стал упражняться в подражании его почерку, и вскоре он так преуспел в этом деле, что ни один искуснейший знаток письма не мог отличить эти два почерка.

После этого Огохи от имени Шахобуддина Исхока написал шейху письмо такого содержания:

«Махдум! Почитаемый всеми правитель поручил своего сына вашему попечению и повелел вам известить его, если со стороны сына будет проявлено что-либо предосудительное. Известно, что шахзаде преступил все рамки в неприличии. Или сделайте ему соответствующее внушение, или отправьте с посылным августейшему повелителю послание».

Затем Огохи кистью так искусно изобразил печать Шахобуддина Исхока, что последний и сам бы не смог распознать подделку.

Когда письмо было подкреплено печатью, Огохи отнес и положил его в канцелярии правителя так, что оно попало одному из приближенных Шохгармба. И тот поспешил вручить его шахзаде.

Шохгариб, прочитав странное письмо, был очень удивлен и призвал к себе Шахобуддина Исхока. Оставшись с ним наедине, шахзаде дал ему письмо и сказал:

— Что я тебе сделал плохого, что ты возвел на меня такую злобную клевету?

Шахобуддин обнажил голову и сказал:

— Я не могу сказать, что это не мой почерк и не моя печать, но и не могу утверждать, что мой. Могу лишь сказать, что кто-то так подделал мой почерк и мою печать, что различить я и сам не в состоянии.

И дальше Шахобуддин сказал так:

— О шах! Я не прошу тебя не казнить меня, ибо, если это дело исходит от меня, то необходимо покарать. Но я надеюсь, что вы повремените с этим немного. Может, раскроется за веса над делами настоящего злоумышленника.

Шахзаде призвал к себе приближенных и прислужников и спросил их:

— Знаете ли вы кого-нибудь, кто бы в этом доме завидовал и ненавидел Шахобуддина Искоха?

Один из приближенных ответил:

— О шах! Однажды я сидел за спиной мавлоно Огохи. В это время проходил мимо Шахобуддин Искох. Когда он немного отошел, Огохи, глядя на него, тихо проговорил:

— Ну, негодник! Если я не сровню тебя с землей — я не мужчина!

Тогда шахзаде сказал этому приближенному:

— Ну, а теперь молчи. Я узнал все, что мне нужно было. Иди и приведи ко мне мавлоно Огохи.

Когда Огохи пришел, шахзаде сказал ему:

— Эй, мавлоно Огохи! Благодарю тебя. Ты сделал такое доброе дело и избавил меня от притеснений этого человека. Отец помимо моей воли поставил его моим везирем и взвалил на меня эту непомерную ношу.

Огохи ответил:

— Да, я знал об этом и не мог перенести печаль вашего сердца, поэтому и открыл путь избавления от нее. Теперь помилуйте его или казните — в вашей высочайшей воле.

Тут Шохгарибмирзо задумался: а вдруг это сделал не он, но, видя, что я питаю неприязнь к Шахобуддину, решил воспользоваться моментом, сделать мне приятное и эту клевету приписать себе. Размышляя так, он сказал:

— О мавлоно Огохи, если при мне не перепишешь это письмо и не изобразишь печать, я не поверю, что это сделал ты, ибо такое подражание ведь в возможностях и другого человека.

Огохи потребовал перо и чернила и тут же, в присутствии Мирзо, написал письмо, кистью нарисовал печать, сложил обе бумаги и положил перед повелителем.

Мирзо, несмотря на то, что письмо писалось при нем, смог различить их с большим трудом.

Он сказал:

— Эй, Огохи, ты, не страшась творца и не стыдясь людей, возвел клевету на меня и совершил злой умысел против Шахобуддина. Но почему? О аллах, сохрани и помилуй, а вдруг я не проявил бы осторожности и, поторопившись, казнил его? Когда и каким путем искупил бы я свою вину за невинно пролитую кровь. Ты — мусульманин и потомок шейха Зайнуddина, разве приличествуют тебе подобные дела?

Затем Шохгариб велел своим приближенным и слугам отвести Огохи к Чорсуи Герат, четвертовать его, сжечь, а прах развеять по ветру.

Когда эта весть дошла до Шахобуддина Исхока, он сказал: — Отведите меня к Мирзо, я хочу просить за Огохи.

Когда его привели, он сказал Мирзо:

— О шах! Моя невинность подтвердилась, и вы, конечно, будете ко мне благосклонны и осыпете милостями. И ни одно ваше благодеяние не окажется настолько высоким и щедрым, как если поручите разрешение вины мавлоно Огохи мне и повелите помиловать его.

Шохгарибмирзо исполнил просьбу Шахобуддина и простил Огохи.

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ХУСЕЙНШАХРИЁР ВЗОБРАЛСЯ НА МИНАРЕТ ГАВХАРШОДБЕГИМ

осифи рассказывает, что в 935 году хиджры Келдимухаммадсултан восседал в своем дворце в виллояте Исфиджоб в окружении ученых и высокопоставленных лиц. Шейх Олимшейх с восторгом рассказывал о постройке айванов и их инкрустации разноцветными стеклами, что получило широкое распространение в Герате во времена правления султана Хусейна

Мирзо; изумлялся искусным самаркандским врачевателем Миркалоном...

Султан Мухаммад сказал Восифи:

— Одним из удивительных событий, происшедших в Герате, является то, что некто взобрался на минарет Гавхаршодбегим. Если расскажете об этом поподробнее, будет очень кстати.

Восифи начал рассказ.

В 1496 году из Шираза в Герат пришел человек по имени Хусейншахриёр. По городу разнесся слух, что этот человек взбирается без лестницы и каких-либо ступенек на минарет Гавхаршодбегим. Услышав о таком чуде, у минарета собралась толпа жителей. В течение месяца люди ходили к минарету ежедневно, чтобы увидеть это зрелище.

По истечении месяца султан Хусей Мирзо со всеми своими сыновьями и представителями знати пришел к минарету. Именно в этот день Хусейншахриёр хотел показать свое искусство.

И вот Хусейншахриёр пришел к подножию минарета. У него

были четыре железных гвоздя и железное кольцо, напоминавшее собой конскую подкову. Два гвоздя он вбил в минарет на уровне своей груди и взобрался на них. Два оставшихся гвоздя он прибил на уровне своего роста, накинул на один из них железное кольцо, взобрался на второй гвоздь, привязал ногу к кольцу, свесился вниз головой, вытащил два первых гвоздя, выпрямился, встал в полный рост на вторых гвоздях. Вытащенные гвозди он вбил в минарет чуть выше своего роста, опять на одну из них накинул кольцо, взобрался на второй и так далее...

Хусейншахриёр взбирался таким образом все выше и выше по минарету и на другой день достиг купола, в который вбить гвозди было невозможно, так как купол состоял из решетчатых окон.

Хусейншахриёр вставил в решетки вдоль и поперек палки длиной в три газа¹, закрепил их и по ним взобрался на купол.

Остроконечный верх минарета был медный. Хусейншахриёр снял острие, вместо него укрепил шест длиной в десять газов, взобрался по нему и встал на его конец головой, вытянув прямые ноги вверх. Затем он взял в руки лук и стал во все стороны метать стрелы. Восторженные крики зрителей достигли небес.

Внезапно подул сильный ветер, такой сильный, что с корнем вырывал огромные деревья. Султан Хусейн Мирзо забеспокоился и велел:

— Пусть скажут этому чудаку, чтобы немедленно спускался вниз. Я не могу больше смотреть на его проделки.

Когда Хусейншахриёр спустился вниз, падишах подарил ему доброго коня со всем снаряжением, великолепную одежду и десять тысяч танга. Придворные и собравшиеся поглазеть жители тоже поднесли ему подарки.

РАССКАЗЫ О НУШИРВАНЕ И ХАДЖДЖАДЖЕ

осифи говорит, что султан Мухаммад попросил его рассказать что-нибудь о Нуширване².

И вот что им было рассказано.

Однажды Нуширван шел по дороге и увидел пожилого дехканина, который высаживал ореховый саженец.

Падишах сказал старику:

— Неужели ты настолько не разбираешься

¹ Газ — мера длины, равная примерно 1 метру.

² Нуширван (Ануширван) — один из царей династии Сасанидов (царствовал в 531—579 гг.).

в земледелии и даже малости дехканских познаний не приобрел, что в твои годы высаживаешь ореховый саженец? Разве ты не слышал, что орешник дает плоды лишь через тридцать лет? Ты уже стар, неужели надеешься собрать с этого дерева плоды?

И старый дехканин ответил:

— О шах, до нас ведь тоже кто-то сажал деревья, а плоды с них собирали и кушали мы. Теперь мы сажаем деревья, чтобы плоды их достались другим.

Понравились эти слова Нуширвану.

— Прекрасно! — сказал он. — Вот молодец!

А у Нуширвана вошло в обычай: если он похвалит кого-нибудь словами «хорошо», «прекрасно», тому дарили тысячу золотых монет.

Мудрый старец, получив этот дар, засмеялся и сказал Нуширвану:

— Вы сказали, что это дерево принесет плоды через тридцать лет. На самом же деле оно дало плоды уже сейчас.

Нуширван и эти слова одобрил, сказав «хорошо».

Казначей опять выдал старику тысячу золотых монет и сказал шаху:

— Скорее гоните коня, иначе этот старик опустошит казну.

* * *

Восифи говорит, что выслушав этот рассказ, султан Мухаммад сказал:

— Как говорится: «Все познается в сравнении». А теперь неплохо было бы послушать рассказы о жестоком Хаджджадже.

И Восифи рассказал.

— Настоящее имя жестокого Хаджджаджа — Мухаммад-юсуф Сакафи. Он обычно, придравшись к чему-нибудь, требовал от каждого документ или доказательства, и если доказательства не могли привести, как он требовал, того убивали. За это его прозвали «Хаджджаджем» — то есть «требующим доказательства». Люди избегали наказания, рассказав остроумные притчи и анекдоты или своим остроумием и находчивостью.

Однажды Хаджджадж выехал на охоту и на обратном пути отстал от своих воинов. Ночью, в темноте, он упал в яму с водой. Какой-то прохожий помог ему выбраться, и Хаджджадж, изъявляя ему признательность за избавление, спросил его имя и место жительства. Прохожий ответил, что зовут его так-то, а живет он в таком-то махалля.

На следующий день, Хаджджадж, воссев на трон, велел

привести к нему такого-то, проживающего в таком-то махалля.

Когда привели того человека, Хаджджадж сказал ему:

— Я задам тебе вопрос и ты должен дать мне остроумный ответ, так чтобы он мне понравился. Тогда я тебя отпущу. Если нет — я изрублю тебя мечом на мелкие кусочки.

— Воля ваша, — ответил тот человек.

Хаджджадж сказал:

— Если жестокий человек, который тиранит и измывается над людьми, и народ молит создателя убрать, уничтожить его, если этот деспот попадет в смертельную опасность, а некто, зная об этом или не зная, спасает его и вновь возвращает на пагубу несчастному народу, что нужно сделать с тем человеком, который спас его от гибели?

Человек тут же сообразил, что спасенный им вчерашней ночью и есть этот Хаджджадж, и ответил:

— О шах, я понял, о чем вы говорите. Тот тиран, что притесняет и измывается над народом — это вы. Вы попали в беду, и я вас спас. Так вот — я спас вас потому, что ваш отец был нашим правителем. Он тиранил и истязал жителей своих владений, и народ проклинал его за это и надеялся, что его сын, то есть вы, будете милостивее его. Когда ваш отец скончался, и власть и трон перешли к вам, мы поняли, что в беззаконии, жестокости, бессердечии и кровожадности вы во сто крат превзошли своего отца. Мы боимся, что, если вы умрете, сын ваш окажется намного деспотичнее и бесчеловечнее вас. Вот почему народ желает вам здравия, и вот почему я вчерашней ночью, когда вы по грудь завязли в смертоносной яме и жить вам оставалось считанные минуты, вырвав из лап смерти, снова поставил вас править этим многострадальным народом.

Ответ Хаджджаджу понравился, и человек избежал неминуемой смерти.

ПРИТЧИ

олодная джуги — цыганка — добралась до деревни, староста который был болен.

Джуги сказала:

— Я исцелю больного. Принесите-ка мне хлеб и масло, чтобы приготовить снадобье.

Родные больного принесли все, что велела джуги.

Она же накрошила хлеб в масло, покрутила чашкой вокруг больного и принялась с жадностью есть. Скушав все, прочита-

ла молитву и ушла от больного. Не успела она отойти от дома подалее, как там поднялся плач и причитания.

Джуги спросила, в чем дело?

— Староста скончался, — ответили ей.

Джуги проговорила:

— Если б я не полечила себя так, как это сделала, я б тоже померла.

* * *

Садовник поймал в своем саду медведя и суфия и начал избивать последнего. А медведя не трогал.

Суфий спросил садовника:

— Эй, человек, почему ты меня бьешь, а не медведя?

Садовник ответил:

— Медведь покушает и уйдет, ты же и покушаешь и с собой унесешь.

РАССКАЗ О ФИРДОУСИ ТУСИ

Рассказывают, что во времена правления султана Махмуда Газнави жил в Тусе дехканин по имени Алидайлам. У него были два сына — Абулкасим и Абулмансур. Абулкасим был поэтом и просвещенным человеком, равного которому в то время никого не было. Когда их отец скончался, чиновники Туса стали притеснять сыновей. У них был друг, кото-

рого звали Мухаммад Аласкари. Они посоветовались с ним — продать ли им дом и сад и, покинув родину, заняться торговлей.

Мухаммад Аласкари воспротивился этому и сказал:

— Султан Махмуд благоволит к поэтам. Поэтому Абулкасим должен отправиться в Газнин ко дворцу падишаха и таким образом избавиться от насилия чиновников.

Совет его был принят, и Абулкасим направился в Газнин. Когда он добрался до Газнина, увидел сад, ухоженный, словно райский, красивый и убранный, словно райская гурия. Там он увидел Унсури, Фаррухи и Асджади, занятых стихосложением. Он направился к ним. Когда поэты увидели, что к ним подходит посторонний человек, сказали друг другу:

— Он понапрасно отнимет у нас время. Нужно придумать что-нибудь, чтобы избавиться от его навязчивости.

Поэты решили, что каждый скажет строку четверостишия, но такого, чтобы невозможно было придумать к нему четвертую рифмованную строку. Они сказали пришедшему:

— Мы — поэты и никого, кроме поэтов, в свое общество не принимаем. Любой, кто скажет четвертую строку нашего рубаи — наш собеседник, иначе пусть избавит нас от своего присутствия.

Абулкасим принял их условие.

Унсури сказал:

О, как лицо твое, не столь луна ясна.

Фаррухи продолжил:

Цвет розы в цветнике не так хранит весна!

Асджади добавил:

Вот острия ресниц,— кольчуга пронзена,

Фирдоуси закончил:

Пашана с Гивом бой напомним нам она¹.

Поэты, услышав эту строку, удивились. Она очень им понравилась. Они высказали ему свое уважение и спросили, каковы его обстоятельства. Он коротко рассказал им о своей жизни. Поэты подумали, что, если этот человек найдет пути сближения с султаном, он умалит их авторитет.

Поэтому они оставили его в саду, а сами ушли.

Фирдоуси семьдесят дней прожил в Газнине, но никак не мог представиться султану. Дело его усложнялось. Однажды он сидел в мечети, опустив голову задумчивости на колени мечтаний, как увидел входящего в мечеть красивого, приятной наружности, юношу, облаченного в роскошные одежды.

Фирдоуси спросил, кто это?

Ему ответили:

— Это Мохак Мушаъбад, избранный служитель собраний султана.

Фирдоуси подумал: может, с его помощью разрешатся затруд-

¹ Пашан — в легенде иранских народов отец самого грозного противника иранцев Афрасьяба, царя туранцев. Гив — один из главных богатырей Ирана. «Боем Пашана с Гивом» называется упорная, кровопролитная битва иранцев и туранцев.

нения в моих делах. Он подошел к юноше и рассказал вкратце о своем положении.

Речи Фирдоуси понравились Мохаку. Он привел его к себе домой и выказал ему свое уважение. Каждый раз, возвратившись с султанских собраний, он начинал беседовать с Фирдоуси и таким образом приятно проводил свое время.

В один из дней Фирдоуси сказал Мохаку:

— Если найдешь подходящий момент, скажи его светлости султану обо мне.

Мохак ответил:

— Сегодня как раз был такой момент, но поэты стали перекладывать на стихи повесть «Сайф-ул-мулук». У каждого был переложенный на стих отрывок, и они читали их.

Абулкасим спросил:

— И чьи же стихи больше понравились?

— Унсури, — ответил Мохак.

Абулкасим сказал:

— Повесть «Сайф-ул-мулук» уже переложена на стихи.

— Не может быть, — ответил Мохак, — если бы это было так, давно все знали об этом.

Абулкасим сказал:

— У меня есть отрывок из нее, — и отдал его Мохаку.

Мохак довел тот дастан до султана. Дастан понравился ему.

Султан спросил:

— Откуда ты принес его?

Мохак ответил:

— У меня живет бежавший от насилия чиновников Туса некий просвещенный человек, совершенный поэт. Когда зашла речь о повести «Сайф-ул-мулук», он сказал: «У меня есть из нее один дастан». Возможно, у него она есть полностью.

Султан велел привести его, чтобы выяснить: если повесть уже переложена — незачем трудиться над ней.

Когда Фирдоуси предстал перед султаном, он рассказал о своем положении и добавил:

— Эту книгу, которую вы потребовали, я уже переложил на стихи.

Затем султан предложил поэтам сказать рубаи о пробивающейся бороде Аёза.

В свою очередь Фирдоуси экспромтом прочитал:

Хмельной ты, и твои глаза как стрелы огненной смолы,
И настанет конец тому, в чью грудь вонзились две стрелы.

Не зря округлость нежных щек сокрыл кольчугою пушок:
Мы и своих боимся стрел, как свет боится пьяной мглы.

Выслушав рубаи, султан сказал:

— Радости тебе, Фирдоуси, за то, что собрание наше сделал подобным фирдоусу — раю.

Затем он преподнес ему богатый подарок и вынес решение — с этого дня называть его Фирдоуси и поручил ему в стихах написать «Шахнаме» — «Царь-книгу».

Рассказывают, что в предисловии «Шахнаме» восхвалялись некоторые представители дворцовой знати, в число которых не вошел везирь султана Мухаммада ходжа Хасан Майманди. Друзья советовали Фирдоуси воспеть и ходжу Хасана, но он не согласился и сказал:

— Моя цель — этим трудом увековечить свое имя, а не заработать вознаграждение султана за услужение его приближенным.

Дворцовые злословители довели слова Фирдоуси до ходжи Хасана и таким образом посеяли в его душе ненавись к поэту. С того времени ходжа Хасан искал случая, чтобы отомстить ему.

Когда Фирдоуси, сочинив шестьдесят тысяч бейтов, закончил «Шахнаме» и преподнес высокочтимому султану, книга шаху очень понравилась.

Шах велел ходже Хасану Майманди:

— Отошли Фирдоуси сто тысяч дирхемов червонного золота, ибо со времен Адама и до наших дней никто не сочинял подобных стихов и не сочинит.

Ходжа Хасан, затаивший злобу к Фирдоуси, посчитал момент подходящим и сказал:

— Щедрость султана и поэзия Фирдоуси стоят одна другой, но награду нужно вручить ему по частям.

Султан рассердился и сказал:

— А что, в моей казне нет даже столько золота?

Ходжа Хасан ответил:

— Если султан пожелает, найдется несколько раз по сто тысяч, но как неожиданно умирает человек от большого горя, так может погибнуть и от безмерной радости. Будет жаль, если шиит-Фирдоуси вдруг помрет от радости.

На фанатичного султана Махмуда эти слова очень подействовали, и он сказал ходже Хасану:

— Сам реши, как по справедливости наградить его.

Ходжа Хасан приказал отнести Фирдоуси шестьдесят тысяч серебряных монет.

Фирдоуси в это время был в бане. Когда он вышел из бани, ему вручили эти деньги. Он подумал, что его вознаградили червонным золотом. Когда же раскрыл, оказалось, что это серебро. Фирдоуси очень оскорбился и догадался, что это дело рук Хасана. Двадцать тысяч дирхемов он отдал банщику, двадцать тысяч — человеку, доставившему деньги, остальные двадцать тысяч роздал нищим и сказал посланцу:

— Передай султану мой поклон и скажи, что этот труд мной проделан, чтобы оставить потомкам свое имя, а не ради тленного вознаграждения.

Когда султану передали эти слова, он грозно сказал Хасану:

— Это твои козни. Из-за тебя теперь я попаду на язык поэтам, и уж они сумеют ославить меня.

Ходжа Хасан ответил:

— Эй, падишах, все, что снисходит от султана, должно быть принято как величайший дар. Если б даже вы послали ему горсть праха, он не должен был умалять его достоинства, не выказывать свое недовольство и неуважение. Этот человек глуп, поэтому и вознаграждение такого падишаха, как вы, считал ничтожным.

Султан разозлился и сказал:

— Прикажу, чтобы этого неблагодарного бросили под ноги слону.

Когда эта весть дошла до Фирдоуси, он удивился. От его дома ко дворцу был проход. Он добрался до шахских покоев. Когда султан вышел, Фирдоуси упал к шахским ногам и сказал:

— Султан в свое время выказал свою благосклонность ко мне, не следует теперь поступать по-другому. В стране живут люди разных национальностей, облагодетельствованные шахской щедростью. Если меня посчитают одним из этих людей и даруют жизнь, наверное, ничего не случится?

Султана смутили эти слова, и он сказал:

— Я избавляю тебя от смерти, но чтобы я не видел тебя возле моего дворца.

Фирдоуси поцеловал перед султаном землю и отстранился от службы. Семью поэт отослал в Тус. Фирдоуси был в дружбе с Аёзом. Он написал на бумажке несколько бейтов и, когда покидал Газнин, передал ее Аёзу и сказал:

— Через двадцать дней отдай султану.

Аёз через некоторое время вручил бумажку султану. Султан в то время предавался развлечениям и передал бумажку Унсурри, чтобы тот прочитал ее. Это была написанная Фирдоуси сатира на султана Махмуда.

Выслушав сатиру, султан Махмуд очень оскорбился и сказал: — Каждому, кто приведет Фирдоуси, подарю десять тысяч динаров.

Фирдоуси разыскивали, но не могли найти. Это послужило причиной того, что султан Махмуд казнил ходжу Хасана Майманди.

Покинув Газни, Фирдоуси шесть месяцев тайно проживал в Герате в доме Исмоила Варрока — сына Азраки. Когда посланные на поиски, не найдя поэта, вернулись восвояси, Фирдоуси успокоился и перебрался из Герата в Тус. Захватив «Шахнаме», Фирдоуси направился в Табаристан, принес ее Шерзоду, бывшему там падишахом, и сказал:

— Это я переделаю на твоё имя, ибо книга эта — сочинение о дедах и прадедах твоих.

Шерзод был ласков с ним, но сказал:

— Устод, султану не рассказали правду о вашем труде. Султан Махмуд — мой властелин. Оставь «Шахнаме» на его имени, а сатиру на него продай мне.

Фирдоуси согласился с ним и вернулся к себе домой.

На следующий день Шерзод прислал ему сто тысяч дирхемов, выкупил на них те сто бейтов сатиры на султана Махмуда и сжег. После этого он отослал Фирдоуси в Мазандаран, где падишахом был шиит. Поэт стал служить при султানে.

Однажды он сказал приближенному султана:

— Если подвернется случай, расскажи падишаху обо мне и намекни ему, что я переправлю «Шахнаме» на его имя.

Когда это передали падишаху, он сказал:

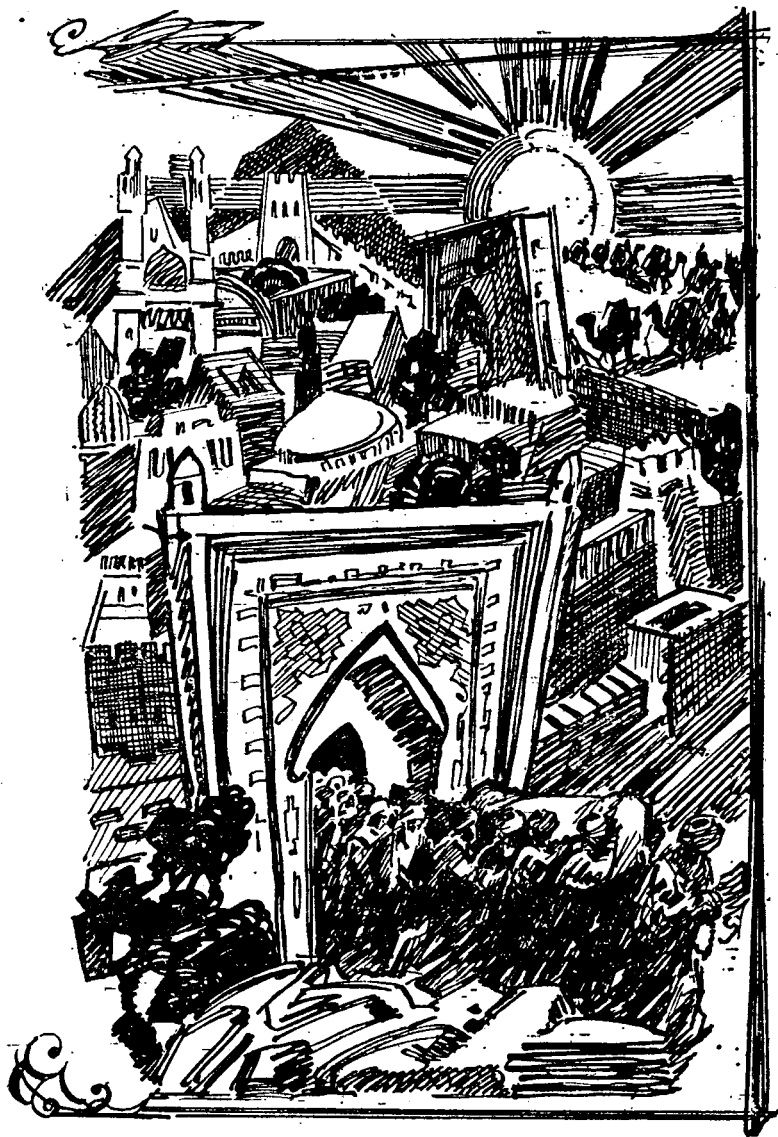
— Я — верный слуга султана Махмуда. Неужели Фирдоуси будет настаивать и этим осложнит наши отношения.

Падишах сделал богатый подарок Фирдоуси и сказал ему:

— Обстоятельства складываются так, что тебе придется покинуть эти места.

Фирдоуси отправился в Багдад. Прибыв туда, он поселился в доме купца. Купец этот был в дружбе с везирем халифа, которому и рассказал о Фирдоуси. А везирь рассказал халифу. Халиф подарил ему шесть тысяч мискалей золота, дорогой халат и взял к себе на службу.

Как только до султана Махмуда дошла эта весть, он тут же

*В ворота Рудбор вошли груженные султанским даром верблюды,
а в ворота Разон вынесли тело Фирдоуси.*

написал в столицу письмо: «Если этого неблагодарного не пришлешь ко мне, то кину Багдад под ноги слонов».

Получив ответ на свое письмо, султан спросил своего визиря:

— Что же теперь написать ему в ответ?

Везирь ответил:

Когда плохой ответ судьба мне принесла б —

Вот я, вот булава и вот Афроснаб.

Султан спросил:

— Чей это бейт? От него веет мужеством.

Везирь ответил:

— Непризнанного Фирдоуси, который тридцать лет трудился и завершил-таки небывалую книгу и ничего за это не получил.

Султан сказал:

— Как только доберемся до Газнина, напости мне с нем.

Когда прибыли в Газнин, ходжа Ахмад бинни Хасан напости о нем султану. Султан велел сто тысяч мискалей золота, погрузив на особых верблюдов, отправить в Тус, вручить Фирдоуси и попросить у него прощения. Давно уже ходжа Ахмад мечтал об этом. Он со всем рвением тут же принялся за дело и снарядил караван.

... Фирдоуси, покинув Багдад, прибыл в Тус. Как-то он бродил по базару и вдруг услышал печальный детский голос:

Не будет подобных Рустаму и сыну Рустаму
Других венценосных в обители нашего храма.
Когда воссияло величие солнца с луной,
Не следует звездам кичиться своей вышиной.

Услышав эти стихи, Фирдоуси застонал и упал без чувств. Его отнесли домой. Через три дня он скончался.

В ворота Рудбор вошли груженные султанским даром верблюды, а в ворота Разон вынесли тело Фирдоуси.

В Тусе жил ярый религиозный фанатик. Он сказал:

— Я не позволю хоронить его тело на мусульманском кладбище, ибо он был шиитом.

Похоронили Фирдоуси в его же саду.

У Фирдоуси осталась дочь по имени Салтсултан. Ей предложили дар султана, но она не приняла его. Султану доложили об этом. Пришло султанское указание: того фанатика изгнать из города, а шахское вознаграждение передать имаму Исхаку,

чтобы он тратил его на нужды для благоустройства мазаров — святых мест, мечетей и монастырей.

Не осталось величья Махмуда, осталась для света
Жестокая боль о бесценном величьи поэта.

РАССКАЗ ОБ АБДУЛВОСЕЪ ДЖАБАЛИ

жду султаном Махмудом Газнави и Хасаном Майманди давно шёл спор: султан Махмуд говорил, что одаренность и талант в человеке врожденные и привить их с помощью и стараниями наставников невозможно. Хасан Майманди утверждал, что, как бы бездарен и невежествен ни был человек, при большом старании и усиллии наставников и учителей можно превратить его в совершенного и неповторимого мастера.

Однажды оба спорщика выехали на охоту. Случайно они отстали от слуг, а путь их лежал мимо холма. Султан Махмуд увидел человека на ветке дерева, росшего на холме. Он рубил сук, на котором сидел.

Султан сказал Хасану Майманди:

— Изволь посмотреть на то дерево, проследи за тем человеком и скажи по совести, что даст воспитание и обучение ему?

Хасан ответил:

— И всё же, если его воспитать и обучить, он превзойдет известных ученых.

Тогда султан Махмуд сказал Хасану:

— Вот ты и займись его воспитанием, а я посмотрю, чего ты добьешься.

Сказав это, он пошел вперед.

Хасан окликнул того человека и сказал ему:

— Не надо рубить ветку, спускайся вниз!

Человек спустился.

Хасан спросил его:

— Как тебя зовут?

— Называют меня Абдулвосеъ Джабали, — ответил он. — Живу в горах. Я ношу вязанки дров в город и продаю их. Этим и добываю себе пропитание.

Тут к ним подошли слуги Хасана. По его приказу человека посадили на лошадь и повезли к Хасану домой. Хасан поручил его приближенным ученым и поэтам и сказал:

— Я и султан поспорили. Если с вашей помощью я смогу утвердить свое мнение, то причислю вас к знаменитым воспитателям и обеспечу всеми благами и вы будете жить в полном достатке. С этим человеком вы не должны говорить прозой и, общаясь между собой, пользуйтесь исключительно благозвучным поэтическим языком.

Некоторое время воспитание шло этим путем.

Однажды царедворцы выехали на прогулку за город и достигли хлопкового поля, на краю которого стоял верблюд.

Абдулвосеъ сказал:

Эй, кривошей, эй, верблюд, я знаю, что ты хочешь тут,
Не зря ты кособочишь, сорвать мой хлопок хочешь.

Поэты, бывшие там, услышав эти строки, обрадовались, пошли к Хасану и с прикрасами рассказали о случившемся.

Хасан щедро одарил собравшихся и велел этот бейт написать четкими буквами в бане на стене парильни, напротив того места, где обычно садился султан.

Когда султан вошел в баню и уселся на обычном своем месте, он велел брадобрю побрить голову. Когда брадобрей брил султану усы и бороду, повелитель увидел на стене этот бейт.

Султан прочитал:

— «Эй, верблюд, эй, кривошей, я знаю, что ты хочешь делать».

Брадобрей услышал, как султан сказал: «Знаю, что ты хочешь делать». Рука его задрожала, и бритва выпала из пальцев.

Султан велел схватить его и спросил:

— Говори правду, почему задрожала твоя рука и из неё выпала бритва?

Брадобрей ответил:

— О прибежище жизни, дело в том, что военные предводители сговорились с вашим братом и, соврашая меня с пути, сказали: «Если ты отрежешь голову султану, то мы возвысим тебя над всеми».

Когда я намеревался это сделать, вы, султан, сказали: «Знаю, что ты хочешь сделать». Я подумал, что султану всё известно, поэтому и произнесли эти слова.

Султан возблагодарил создателя за спасение и спросил:

— Кто написал этот бейт, который отвел от меня опасность и сохранил мне жизнь?

Хасан Майманди, присутствовавший тут, встал перед ним на колени и сказал:

— О шах, этот бейт того человека, который рубил сук, на котором сидел.

Султан Махмуд занялся обучением Абдулвосея.

И дело дошло до того, что тот сочинил касыду — хвалебную оду султану «Чор дар чор»¹, о которой почтеннейший мавлави² Джами сказал в «Бахористане» («Весеннем саде»):

— С того времени, как Абдулвосей Джабали сочинил эту касыду, никто не смог написать ответ на нее.

РАССКАЗ О СУЛТАНЕ МАХМУДЕ

днажды мы сидели в падишахском шатре на лугу, — рассказывает Восифи, — как вдруг вполз на колени какой-то проситель.

— О шах, — сказал он, — я отнес ваше величайшее повеление такому-то человеку, но он не повиновался указу.

Султан разгневался и сказал:

— Эй, человек, что ж мне самому пойти и привести его сюда?

Когда я услышал эти слова, у меня возникло такое ощущение, словно чья-то рука проникла в меня и вырвала печень и сердце. Слезы выступили у меня на глазах. Я не стерпел, ушел в свой шатер и заплакал навзрыд. Один из приближенных султана, проходя мимо моего шатра, услышал мой плач и сказал об этом повелителю.

Султан заволновался:

— Может, он услышал какую-то горестную весть? Беги и быстро приведи его ко мне.

Приближенный пришел ко мне и сказал:

— Вас требует к себе султан.

Я предстал пред его очами.

Августейший спросил меня:

¹ «Чор дар чор» — «Четыре в четырех», чор значит «четыре». В каждом двух строках в стихах называются четыре элемента — земля, воздух, вода и огонь.

² Мавлави — ученый муж.

— Что с вами случилось, почему вы плачете?

Я ответил:

— Я оплакиваю себя и вас. Себя за то, что я, от всей души, как верный раб, служил вам, принимал участие в решении важнейших мирских дел, и хотел умереть, прислуживая вам. Теперь же у меня нет ни веры, ни мира, и я считаю себя врагом вселенной и причиной ее конца. А вас оплакиваю потому, что считал вас подобным былым падишахам — подобным славному султану Санджари, султану Махмуду Газнави и Исмоилу. Если ваш слуга не подчиняется вашему приказу, какая польза от вас народу? Про султана Махмуда Газнави я слышал такие удивительные рассказы и надеялся, что вы подобны ему. Увы, моим несбыточным мечтаниям! Кто теперь поможет моему безысходному отчаянию?

И августейший сказал:

— Ну что ж, послушаем хотя бы одну удивительную историю. Рассказывайте.

И я рассказал, что во время правления султана Махмуда Газнави к нему пришел человек и сказал:

— О шах, прошу правосудия. Никому, кроме вас, не могу я доверить эту тайну. Если позволите, я бы рассказал обо всем с глазу на глаз.

Султан Махмуд удалил приближенных и зажег факел правосудия.

Пришедший сказал:

— О шах, несколько дней тому назад, а время уже было перед сном, я сидел со своей семьей, как вдруг вошел к нам человек с обнаженным мечом в руках, замахнулся на меня и сказал:

— Выходи!

Я понял, что если замешкаюсь хоть на мгновение, он отделит мою голову от тела и кинет ее в пустыню небытия. Поэтому, кроме как повиноваться, другого выхода я не видел. Человек закрыл за мной дверь изнутри.

Я начал думать: «Если я позову людей, то, пока я открою дверь, он убежит и кроме позора мне ничего не достанется». Решил терпеть. Я сидел у двери и, стиснув зубы, дрожал до рассвета, пока он не вышел. Я спрятался за угол, дожидаясь, когда он удалится. А сам думал: «Если я доведу это до падишаха, то ни мне, ни падишаху он не известен. Поэтому делать это бесполезно». Решил подождать. На следующую ночь он за-

явился снова и всё повторилось. Вот и всё. А теперь — как вы знаете.

Султан Махмуд сказал:

— Он непременно придет опять. На этот раз, когда бы это ни случилось, тут же приходи во дворец.

Проситель ответил:

— О шах, ты наш владыка и повелитель! В то время, когда хозяйничает он, кто доведет до тебя весть о моем положении?

Султан Махмуд сказал:

— Я к своей ноге привяжу веревку, а конец ее выведу за дворец. Ты придешь и дернешь ее, я тут же выйду к тебе.

Человек ушел. Его не было две ночи. Настала третья ночь, проситель пришел во дворец и подергал веревку. Султан Махмуд облачился в черные одежды, возложил на голову черный венец и с обнаженным мечом в руке вышел из дворца и сказал:

— Показывай дорогу.

Проситель пошел вперед, султан — за ним. Так они дошли до того дома.

— Как войти в дом без шума, чтобы он не мог убежать? — спросил султан.

Через забор проникли во двор и подошли к дому. Султан увидел мужчину, крепко спящего на постели в обнимку с женой просителя. Тускло светила свеча. Султан велел войти в дом и потушить свечу. Хозяин потушил. Султан вошел в комнату, отделил тому человеку голову от тела и велел засветить огонь. Султан потребовал поднести голову, внимательно разглядел ее, затем земно поклонился и сказал:

— Принеси что-нибудь поесть.

Нашелся кусок черствого хлеба. Падишах с большим аппетитом съел его. Затем султан собрался уходить и сказал:

— Ну вот, я и разрешил твое затруднение.

Хозяин ответил:

— Одно мое затруднение ты разрешил, но несколько положил мне на душу: почему ты сказал: «Потуши свечу»? Почему так внимательно рассматривал ту голову, а потом земно поклонился? Почему трехдневный хлеб показался тебе таким вкусным?

Султан Махмуд ответил:

— Свечу я велел потушить потому, что вдруг вспомнил: в моем государстве такую дерзость могут позволить себе лишь мой сын или брат, или кто-нибудь из моих близких родствен-

ников. Я подумал: а вдруг, когда я занесу меч, рука моя дрогнет и это помешает божьей каре. Когда я увидел, что это не голова моего сына, брата и моих родственников, я возблагодарил создателя за то, что этот позор не пал на мою семью. А кусок черствого хлеба я скушал с такой охотой потому, что, услышав от тебя о происходящем, я три дня и три ночи ничего не ел.

РАССКАЗ О ПРОПАВШЕМ РУБИНЕ

асказывают, что однажды на собрании Харун-ар-Рашида — одного из халифов династии Аббасидов — пропал рубин. Так как все присутствующие были очень уважаемые и почтенные люди, расспрашивать и осматривать их было неудобно.

Лица собравшихся пылали от стыда и были краснее рубина, а в груди халифа бушевало пламя гнева и возмущения.

Беги от бесед падишахского дня,
Как хлопок сухой избегает огня.
От жара огня, что так ярко пылает,
Лишь тот, кто подальше, себя сохраняет.
А мошка, свечю пленившись в ночи,
Сгорит сотрапезником этой свечи.

Абурайхон, один из советников халифа, отличавшийся среди прочих пронизательностью и тонкостью ума, отдав приличествующее падишаху уважение, обратился к халифу:

— Если будет ваше высокое повеление, я этот рубин на блюде обнаружения представлю пред очи халифа и тем ослепительным брильянтом разгоню мрак тоски и печали над тайной, возникшей в сиятельном падишахском дворце.

И Абурайхон получил такое повеление.

Говорят, что у Харун-ар-рашида была собака, такая злая и страшная, что все газели в степи Хутан от страха перед ее мощными челюстями не тюльпаны срывали губами, а испивали чаши крови.

Абурайхон велел привести собаку и посадить ее на цепь. Затем он сказал, чтобы гости по одному проходили мимо нее. Со-

бака бросалась на каждого проходившего мимо нее и не кинулась лишь на одного из гостей.

Абурайхон велел обыскать гостя. У него и нашли тот рубин. Да избавит нас всевышний от подобной гнусной черты.

РАССКАЗ О БИБИРУШНОЙ

то произошло в 904 году хиджры. К Хадича-бегим привели какую-то женщину. Из-под правой подмышки у нее доносился какой-то голос, словно человек говорил, из-под левой — какой-то протяжный звук.

Женщина объясняла:

— Я подчинила себе двух пери, которые всегда находятся при мне и ни на миг не покидают меня. Ту, что с правой стороны, зовут Бобопир; ту, что с левой — зовут Бибирушной.

А секрет этих удивительных явлений заключался в том, что упорными упражнениями женщина достигла того, что эти голоса исходили из ее ноздрей, но никто не догадывался об этом.

У женщины были помощницы-пронеры. Они пробирались в дома знатных людей Хорасана, разузнавали все подробности жизни в этих домах и обо всём сообщали той женщине.

Люди удивлялись ее осведомленности и щедро одаривали ее. Почти десять лет занималась она этим делом и накопила столько добра, сколько не имел ни один житель Хорасана.

Во время владычества хана Шайбони привели ту женщину к хану и рассказали о ее способностях. Великий хан надолго задумался, а потом велел женщине:

— А ну-ка, набери полный рот воды и вели своим пери, чтобы они подали голос.

Женщина волей-неволей повиновалась. Ни звука не смогла она издать.

Хан поразился, что эта плутовка могла столько времени держать под колпаком своей хитрости жителей Хорасана — и шаха, и нищих — и нажить несметные богатства. Он велел повесить ее на перекрестке дорог, а собравшимся — и знати, и низким, учёным и богословам и остальным — сказал:

— Жаль, что даже тогда, когда на троне сидел, как говорят, такой умный, проницательный и одаренный, внимательный, тонкий и благоразумный падишх, как султан Хусейн Бойкаро, эта

распутная обманщица смогла держать жителей Хорасана под колпаком своей хитрости. А до этого некий шарлатан и вор, алхимик, просидевший в зиндане Исфагана семь лет, сумел каким-то чудом внушить к себе такое уважение, что падишах с горечью говорил: «Жаль, что нет у меня силы в ногах, чтобы пойти, как проситель к этому почтеннейшему человеку».

А тот незаконнорожденный шарлатан говорил: «Я исцелю твои ноги и руки красной серой лишь в том случае, если паралич твой двадцатилетний давности».

Если ума и проницательности у человека хватает лишь на то, чтобы сносить такое глумление и издевательство, как такой человек мог править страной?

И еще: до этого Шохкасим Нурбахш, известный своей глупостью, невежеством и дерзостью, заявил, что он настолько сведущ в науках, что может старух вернуть в пору девичества.

Султан Хусейн Мирзо поверил и этому. Можно ли придумать более глупые деяния, чем перечисленные. Если падишах прославился такими делами, способен ли он царствовать, править страной и следить за соблюдением веры? К сожалению, я раньше не узнал о подобных плутах, иначе бы несколько лет тому назад изгнал этого безголового деспота с райских земель Хорасана.

РАССКАЗ О БОБОДЖАМОЛЕ

числе удивительных событий, происшедших во времена султана Хусейна Мирзо, внесенных такими летописцами и историками, как Амир-хованд (Мирхонд), Ходжаги Абдулло Садри и Абдулвосеъ в их сочинения и труды, есть и вот это.

В 900 году хиджры человек по имени Бободжамол прибыл из Ирака в Хорасан. У него был верблюд, обученный исполнению баёта — классической музыкальной мелодии. Исполнение состояло в том, что, услышав музыку, верблюд начинал кивать головой, крутить шейю и испускал такие жалобные звуки, словно напевал что-то грустное.

А еще у Бободжамола был серый козел, очень большой и с такой длинной бородой, что она касалась земли. На представление сходилась почти тысячная толпа любопытных. Бободжамол выводил козла и просил кого-нибудь из собравшихся передать кольцо другому так, чтобы никто из присутствующих

не знал, у кого оно находится. Затем Бободжамол отпускал козла в толпу. Козел обходил людей, обнюхивал каждого, оставивался, бил копытом, и у того человека, напротив которого остановился козел, находили кольцо. Хотя сто раз повторялось это, козел не ошибался.

Бободжамол также говорил:

— Эй, козел, во имя любви к Мухаммаду, найди среди собравшихся человека по имени Мухаммад.

Козел шёл по кругу и бил копытом против человека, носящего имя Мухаммад. Так же отыскивал и Али.

У Бободжамола был также осел, которого он назвал Чамандар. С ним Бободжамол исполнял отдельные отрывки савта¹ на разных музыкальных инструментах, да так, что ученые и мастера красноречия и изящного искусства возносили ему хвалу и одобрения. Бободжамол на гиджак² играл отрывок «Чоргох», а Чамандар подпевал ему, так что просвещённые умы не могли прийти в себя от изумления.

А еще Бободжамол обращался к ослу с такими словами:

— Эй, Чамандар, одна безобразная старуха без памяти от любви к тебе. Она вместо воды будет поить тебя розовым настоем, вместо ячменя даст ядра фисташки и сладкого миндаля, будет держать тебя в тени дерева, подобного райскому, сошьет для тебя дорогую попону, никогда не обременит тебя ношей. Лишь одну мечту лелеет она — верхом на тебе отправиться в баню.

Услышав эти слова, осел начинал дрожать, затем валился на землю, вытягивал ноги и переставал дышать.

Тогда Бободжамол садился у него в головах и начинал оплакивать его так, что народ тоже поднимал плач.

Потом Бободжамол говорил:

— Эй, Чамандар, стройная, чернобровая, обаятельная и миловидная красавица, уста которой словно сахар, рот, словно фисташка, с талией тонкой, как у муровья, хочет нарушить твой покой. Она нагрузит на тебя камни с горы Мухтар, будет вонзать в твои бока большие иглы, которыми шьют мешки, будет терзать тебя такими муками, которые намного хуже названных. Ну, как? Согласен?

Как только Бободжамол заканчивал эти слова, осел вскакивал с земли, начинал трубить, бегать вокруг собравшихся и вытворял такое, что люди смеялись до изнеможения.

¹ *Савт* — название одной из мелодий таджикской классической музыки.

² *Гиджак* — музыкальный смычковый инструмент.

Диковинным было еще и то, что у Бободжамола была птичка, которая, как бы высоко ни подкидывали монету, хватала её в воздухе и клала перед Бободжамолом. В ее клетке всегда лежали десять-пятнадцать танга.

Занимательно было и то, что из разноцветной бумаги Бободжамол вырезал монеты и раскладывал их по краям подноса. Затем встряхивал его наподобие бубна и говорил:

— Ну-ка, птичка, достань мне бумагу такого-то цвета!

Птица садилась посреди подноса, внимательно осматривала его, вытаскивала клювом бумагу названного цвета. Нужно сказать, что она никогда не ошибалась.

РАССКАЗ О НУЪМОНШАХЕ И НЕКРОЕ

ассказывают, что в самый разгар охоты в гоне оказалась газель с чарующими очами прекрасной обольстительницы, с радующим взор обликом кокетливой красавицы, изящной возмутительницы сердец. Как только Нуъмоншах увидел ее, сокол его сердца полетел вслед за добычей. Он тут же отдал приказание в газель не стрелять и за ней не гнаться.

Сам же пошёл на ее поиски.

Как только газель поняла, что её преследует Нуъмоншах, она, подобрав ноги, сжалась в комок и, словно мяч, перескочила через падишаха.

Падишах во весь опор скакал за ней следом, но газель сумела скрыться. Падишах очутился посреди пустыни. В той бескрайней пустыне не было ни одного источника, кроме бездонных родников глаз, изнывающих от жажды, и взору не на чем было остановиться, разве лишь на черепных чашах, белыми пузырями маячивших поверх раскаленных песчаных волн, — останках забредших сюда несчастных.

Казалось, что ветер специально выдул всё вокруг, чтобы выставить напоказ на песчаных барханах ряды погибших воннов и, словно предостережение, торчащие из праха ребра заблудших в безбрежной пустыне бедолаг. Иногда можно было увидеть человека, с трудом ползущего, изнуренного палящим зноем. Этот песчаный кровопийца, словно отвергал кровь некоторых страждущих, оказавшихся в его власти.

Нуъмоншах то прятался и отдыхал от губительных лучей

солнца в убогой тени аравийского терновника, то в крайней тревоге хоронился в какой-нибудь выемке.

Беспечная газель, бродя на солнцепеке,
Кабобом испеклась в своем жиру и соке.

И вот в этой безбрежной пустыне Нуъмоншах повстречал дервиша, облаченного в газелью шкуру и устроившегося на отдых в скудной тени терновника. Нуъмоншах подошел к нему и поздоровался. Дервиш ответил на приветствие и опять обратился лицом к пустыне.

Падишах сказал:

— Дорогой мой, ради всевышнего, сотворившего тебя в твоём облиии и одарившего тебя этим прибежищем, не отворачивайся от меня и не устремляйся безмолвно в пустыню странствий.

Ответил дервиш:

— Дорогой мой, что ты хочешь сказать мне и что хочешь от меня получить? Я не видел верности и преданности на этом свете, поэтому отвернулся от бесед с людьми.

Любя только солнце, привык я один оставаться,
И если бы смог, даже с тенью хотел бы расстаться.

Я удалился в эту пустыню от жестокостей детей человеческих и, словно газель, привык жить в степи.

Раз люди неверны, то значит прекрасна сова,
Нашедшая место в руннах, приметных едва.

— Эй, дервиш,— сказал падишах,— знай же, что я — друг и приверженец дервишей и искренне верю и предан им и постоянно ишу исцеляющих душу бесед с ними, и зерна любви их я возвращаю на пашне груди своей и сею их в тайниках моего сердца, и их любовь я считаю основной опорой в правлении государством.

В раю цветником служит уединенье дервишам,
Богатство и пышность в одном — в услуженьи дервишам.

— Эй, дервиш, ради творца, не избегай меня и поговори со мной немного, осчастливь меня хотя бы на миг своей благословенной беседой и дай хоть на миг насладиться твоей благосклонностью и вниманием.

Дервиш не отклонил его просьбы и сел на своё место.

Нуъмоншах сошел с коня и с опущенным к земле смиренным лицом, воздавая соответствующие почести, встал на колени и сказал:

— О, достойнейший, позволь мне узнать, как тебя зовут, где твоя родина, почему ты оказался изгнанныком в этой пустыне и как ты проводишь свои дни?

Дервиш ответил:

— О, любезный, зовут меня Некрой, а родина моя Шом. У подножья вон той горы, что виднеется вдаль, моя обитель, сумрачная и тесная, как сердце покинутого возлюбленного, но очень близкая к неведомому миру. Там мое место жительства и там провожу я свое время. В песках этой пустыни растет трава, корни которой очень сладки и которыми можно утолить голод. Время от времени я прихожу сюда, набираю кореньев, служащих мне пищей. Силу, которую они придают мне, я отдаю служению аллаху, милостивому и могущему.

Ты считай — не нашел — если сердце не радуютклады,
И себя не обрел, кто не знал одинокой отрады.

А причина моего уединения в том, что я был приближенным Сулаймоншаха Шоми, и близость моя к нему достигла таких степеней, что завершение большинства важнейших государственных дел зависело от моего мнения и решения. С каждым часом росло доверие и уважение падишаха ко мне. Я ни на миг не отдалялся от его взора и следовал за ним, словно тень величавого небесного светила.

Я верил душой, что без друга не буду и дня,
Напрасная вера, судьба обманула меня.

Среди приближенных падишаха был низкий завистник, которого сжигало скрытое пламя зависти, и сердце его стало жестоким и черным, какое обычно бывает сердце лицемера.

Я сердце людское беру в бережливые руки,
Что делать с завистником, ждуть его горькие муки?
Умрешь ты, завистник, в мучениях злобы своей,
К иному чему не ведет злопыханье людей.

И так случилось, что этот злосчастный, презренный нечестивец, достойный смерти, враждуя со мной, стал строить всячес-

кие козни и искать ссоры со мной. Долгое время он сгорал от зависти ко мне и, мучаясь в этом огне, искал способ поджечь крылья птице моего успеха. Внешне он проявлял ко мне чувство дружбы и любви и перед падишахом показывал себя моим искренним другом.

Но велика милость аллаха: сколько бы ни старался мой недруг повредить мне, ничего у него не получалось. И прочное здание моего успеха не было разрушено камнями его хитроумных замыслов.

Бессилен твой враг, если другом ты сильно любишь.

В конце концов терпение его лопнуло. Он отозвал своего надежного раба в укромное место и сказал ему:

— Эй, раб, давно ты пользуешься моим расположением и проводишь время в развлечениях и удовольствиях и при моей поддержке ты достиг всего, чего ты желал.

Никто из рабов не достигнул такой высоты,
Какую достигнул с моим покровительством ты.
Любые твои пожеланья — в благом или дурном —
Всегда исполнялись тотчас наилучшим путем.

Теперь ты должен расплатиться за это, поэтому я дам тебе поручение. Я возлагаю его на тебя и ты не должен отказываться и исполнить так, чтобы я был доволен тобой.

Раб сказал:

— О, мой всемогущий господин и щедрый благодетель, нет необходимости так настоятельно просить вашего верного слугу. Я — ваш раб и исполнитель вашей воли.

Что скажешь, исполню, хоть душу при этом отдам.

Тогда он сказал:

— Эй, раб, твоя услуга состоит в том, что ты должен крепко связать меня по рукам и ногам, отделить голову от тела, затем снести на крышу дома Некроя Шоми и сбросить оттуда в колодец в его дворе.

— О, горе мне, мой повелитель, — ответил раб. — Вы с ума сошли? Что это за неразумные речи?

Не только что умный, не скажет их даже Меджнун¹.

¹ *Меджнун* — имя героя поэмы Джамии «Лейли и Меджнун». Буквальное значение — одержимый.

Разве можно превращать свою голову в предмет шуток? Раскройте мне, в чем секрет?

Он ответил:

— Эй, раб, сколько можно сгорать от зависти и злобы к Некрою Шоми? До каких пор я буду лелеять мысль о месте в своей груди? Как бы ни старался я отстранить Некроя, стрелы моих усилий не попадают в цель, и сколько б я ни стучался в дверь раздумий и размышлений для исполнения своего дела, не открывается она предо мной. Другого пути для достижения своей цели я не нашёл, кроме как заставить убить себя и бросить в колодец в его дворе. По этому поводу его призовут к ответу и умрет он низкой и мучительной смертью.

Раб ответил:

— О, мой неразумный господин, но почему в этой уловке вы жертвуете своей головой, почему просто не убьете его?

— Эй, раб, ты удивлен и, конечно, прав,— ответил хозяин,— но у меня руки коротки, не дотянуться мне до него.

В конце концов решено было пойти на убийство.

Когда настало время вечерней молитвы, и черный индус — темная ночь — отсек голову правителя дня и бросил ее в яму заката, этот завистник со своими друзьями и собеседниками пришёл в мой дом. Я принял их, соблюдая все правила и обычаи гостеприимства и услужения, и благословил их приход такими словами:

Гость одарил приходом нас, цветением одарил,
Ступня — и брызнул свет из глаз, и своды озарил.

Беседа наша продолжалась до полуночи. Когда дорогие гости собрались уходить, мой недруг заявил, что на эту ночь он останется у меня, ибо хочет ещё побеседовать со мной.

Я сказал:

— О мой именитый и уважаемый друг, это будет большой любезностью с твоей стороны и проявлением твоей благосклонности.

Кто я такой, что занял хоть немного местечка
в друге с чистою душой,
За это пыль от твоего порога мне венцом
над головой.

Если ты снизойдешь и склонишься до бесед со мной, то я так буду горд, что достигну головой небес.

Пожалуй, от чести высокой такой
взаправду я неба коснусь головой.

Короче, мы сидели вдвоём и вели беседу на разные темы. Было уже далеко полночь. Вдруг он поднялся и сказал:

— Я вспомнил об очень важном деле. Надо идти, иначе всё погибнет.

Сказав это, он выбежал из комнаты, но как уходил со двора — никто этого не видел.

Он же, выйдя из комнаты, велел своему рабу убить его, голову занести на крышу и оттуда сбросить в мой колодец. Я же об этом ничего не знал.

И вот настало беспорочное утро, и возжигатель дня, словно скрывающую влюбленных завесу, разорвал ворот темной ночи.

Завистник тот не появлялся. Люди с большим рвением кинулись искать его. Прошло два дня. В народе пошли разные разговоры. Люди говорили друг другу, что в тот вечер он вошел к Некрою, но как вышел из его дома — никто не видел.

Через несколько дней эти слухи дошли до падишаха. Все придворные пришли ко мне и после тщательных поисков извлекли из моего колодца тело того завистника. Они скрутили мне руки за спину и в таком позорном и униженном виде привели во дворец заступника мира — падишиха — и рассказали ему о положении дел.

Сулаймоншах повернулся ко мне и спросил:

— Эй, Некрой, как ты посмел совершить такое? Не утрастился ты творца, не постыдился людей, что решился на такой низкий и подлый поступок?

Созданье божье, что за страсть
Тебя толкнула в бездну пасть?

Я никак не ожидал от тебя такой жестокости и не думал, что ты настолько злой и бессердечный человек.

Увы, я ошибся, и совесть твоя нечиста.

Я был в таком состоянии, что не мог даже говорить.

Мужчину казнят, унижает его клевета.

Все поняли мою растерянность и молчание как доказательство содеянного мной, и мои заклятые враги ринулись на поле

мести. Все они собрались вокруг меня, чтобы мучить и оскорблять меня, и все желали моей смерти.

Бывает: облыжный навет опровергнуть нельзя...

Увы, таковы современные наши друзья.

Все так жаждали моей смерти, что шли на всяческие хитрости и уловки.

И падишах вынес решение о моей казни. Палачи и обвинители набросились на меня. Поняв, в какое положение попал, я наконец обрел дар речи и сказал:

Душой возликуй, эту жертву увидев у ног,

Жаль, чистая кровь запятнает неправый клинок.

— О шах, владыка всех шахов, воздержание при вынесении приговора и промедление при его исполнении — руководство султанам в правлении народом, а размышление и рассудительность в таком, как это, важном и серьезном деле — одно из предписаний нашей веры. Знай же, мой чистый подол не запачкан этим грехом и никогда, даже в мыслях, я не допускал подобные поступки. Не спеши в этом деле и не выпускай нить власти из своих рук. Иначе потом ты раскаешься, как это случилось с Одилшахом Кашмири, который погубил своего ни в чем не повинного сокола и бросил птицу своего сердца в безжалостные когти орла мучений, раскаяния и сожаления.

Сулаймоншах спросил:

— Как это случилось?

Я тут же встал и сказал:

— О шах, держи в своих руках сокола почета и величия своего государства, а также достоинство своего трона для того, чтобы голуби сердец твоих врагов всегда трепетали в страхе перед острием когтей твоего гнева и ярости, подобно перепуганной перепелке в клюве орла.

Рассказывают, что в вилояте Кашмир правил падишах по имени Одилшах. Это был добрый и справедливый правитель. Однажды падишах с большой пышностью отправился на охоту. И так случилось, что он, погнавшись за добычей, очутился в незнакомом месте и не мог найти дорогу назад. Шах подъехал к подножию высокой горы, вершиной достигавшей лазурного неба.

Если скроется солнце за этой громадой во мгле,

Где до Судного дня вновь увидим его на земле?

*Как только он хотел поднести кубок к губам,
чтобы утолить нестерпимую жажду, сокол ударил крылом
по кубку и вылил всю воду на землю.*

Было так жарко, что от палящих лучей солнца гора эта почернела, словно гора Цур. Воздух накалился так, что гора, подобно больному чахоткой, за тивалась кровью.

В лихорадке любви поднималась гора из тумана —
Стустки лалов внутри, сверху алые капли тюльпана,

В груди Одилшаха пылал огонь жажды, и он обмывал надежду на жизнь горькими слезами, и кровавые капли струей текли из глаз по его лицу. Вдруг он увидел, что со склона горы капает на камень вода, прозрачная, словно слеза влюбленных. Одилшах вынул из колчана золотой кубок, поставил под капли, чтобы наполнить его. Как только он хотел поднести кубок к губам, чтобы утолить нестерпимую жажду, сокол ударил крылом по кубку и вылил всю воду на землю. Разгневанный падишах схватил сокола и с размаху так стукнул оземь, что сокол тут же испустил дух.

И шах оцепенел, терзаемый стыдом.

Жажда его была так сильна, что не было терпения дождаться пока кубок наполнится водой снова. Он сошел с лошади и пошел в гору, желая добраться до источника. Когда он поднялся на гору и достиг родника, то увидел мертвую змею, яд которой разлился и стекал в ручей.

Одилшах, увидев это, вскрикнул и лишился чувств. Когда он пришел в себя, он позабыл о жажде мучимый раскаянием, что понапрасну убил своего сокола. Горько оплакивал он свою жертву, и кровавые слезы от горечи разлуки с тем соколом омывали лицо шаха.

Обращаясь от имени сокола, он говорил:

И это сделал друг... жалейте же о нем.

— Эй, падишах, когда выяснится моя невиновность после наказания; ты будешь сожалеть и раскаиваться ежечасно, и тогда:

Раскаивайся, плачь, твори своя моления,
И путь от этих мук не будет избавленья.

Сулаймоншах призадумался после этих слов, отложил мою казнь и велел отвести меня в зиндан,

На следующий день группа моих злобствующих недоброжелателей, жаждавших крови, вывела меня из зиндана и, связав, привела к Сулаймоншаху и опять потребовала от него решения о моей казни.

Не дав Сулаймоншаху вымолвить и слова, я встал и сказал:
— О шах,

Легко схватить во гневе острый меч,
А после руки грызть зубами сожаленья.

Будь прозорлив и не спеши в этом деле, поторопишься—непременно пожалеешь потом, как сожалел и раскаивался индийский Чайполшах, погубивший своего попугая. Затем всю жизнь он оплакивал его, тяжело сетовал и кусал руку сожаления зубами огорчения, раскаяния и досады и не находил успокоения.

Сулаймоншах спросил:

— Как это случилось?

— Рассказывают,— начал я,— что в городе Бангола правил падишах по имени Чайполшах. Молва о его справедливости гремела по всей земле, а слава о его величии и великолепии разнеслась по всему свету. У него был попугай, нежный и приятный, сладкоустый и красноречивый, словно прекрасная обольстительница. Он был подобен тонкому и стройному стебельку, как луноликая возлюбленная, вселяющая трепет и искушение в сердца и юнцов, и старцев.

Он был красив, словно Хызр,
и был Исой¹ — усладой встреч,
Но стала пагубой моей его прельстительная речь.

В один из дней Чайполшах индийский поставил клетку с попугаем перед собой и завел с ним беседу. Своими речами попугай доставлял ему радость и удовольствие. На шею попугая, как знак благодарности, любви и преданности, было надето ожерелье. Они как два друга-наперсника наслаждались общением, как вдруг появился в воздухе еще один попугай. Увидев птицу в клетке, он опустился на край айвана и начал с ним говорить на языке, который Чайполшах не знал и не понимал.

Через некоторое время попугай в клетке начал проявлять

¹ Хызр — святой, нашедший источник жизни, напившись из которого, приобрел бессмертие.

Иса — пророк, дыхание которого дарит жизнь, оживляет мертвого.

явное беспокойство: он задрожал всем телом, потом упал и затыл. Не шевелился и не дышал.

Чайполшах сказал:

— О, горе мне, что за необычная птица и что за удивительное событие? Это был, видимо, заблудившийся ястреб. Он напал и погубил моего задушевного друга!

Чайполшах открыл дверцу клетки, взял попугая в руки и, горько оплакивая его, прочитал такие стихи:

Эй, друг печальной памяти моей.
Эй, что души дороже и милей,
Твои уста, пьянящие меня,
Теперь немного савана немей.
В разлуке плачут очи-облака,
Жалей меня, жалей меня, жалей.
Я не ценил сияющего дня,
Теперь не выйду из горючих дней.

Чайполшах произносил эти сжигающие сердце стихи и по лицу его текли горькие слезы сожаления. Наконец он перестал плакать и положил попугая на землю. Как только падишах выпустил его из рук, попугай тут же взлетел и уселся на айване рядом с той птицей.

Чайполшах был поражен этим удивительным превращением, коварством и ловкостью плута-попугая. Но все же он заговорил как можно ласковее:

— Эй, ты, что дороже птицы души моей, о радость истерзанного сердца! О птица дерева жизни, о друг моей молодости, чем обидел я тебя, что избегаешь бесед со мной?

О дорогой, чем огорчил тебя твой верный друг?
Что, словно дикий попугай, шарахаешься вдруг?

Попугай раскрыл свои медовые уста и, обращаясь к шаху — образцу справедливости, сказал извиняющимся голосом:

Тобой очастливлен, о шах, я не видел невзгод,
И если сбегу, на меня моя кровь упадет.

— О шах, не думай, что я забыл твои высочайшие милости и что сброшу ожерелье верности и сниму кольцо служения и повиновения с шеи и ушей своих.

Зовет меня горе из дома на несколько дней,
Но сети любви вновь притянут к особе твоей.

Дело в том, что я был падишахом попугаев. Долгое время я властвовал в небесных просторах как падишах и султан. С тех пор, как судьба добычей закинула меня в сети твоих бесед и сделала меня пленником клетки твоей дружбы, подданные мои, от мала до велика, кружат по всем странам света зовут и ждут меня назад, в родные края. Этот попугай, которого ты видишь рядом со мной — мой брат. Он узнал меня и сказал;

— О, мой дорогой брат, о мой сердечный друг, что приключилось с тобой и что стряслось, что все птицы, все твоё воинство, все твои придворные до сих пор в трауре из-за разлуки с тобой и, подобно весенним соловьям, тысячами плачут и стенают по тебе.

Без тебя наше утро в печали и вечер в скорбях,
Мало кто из людей ждет в таких вот утрах-вечерах.

Когда бы утрату мою испытал Сулейман,
Над ним бы рыдали и пери, и сам Ахриман¹.

— Эй, братец, если чем-то обидели тебя твои друзья-собеседники и твоя нежная душа потянулась к разлуке с родными и близкими, все же, когда уходил, мог бы самых преданных своих наперсников известить об этом.

Ни с кем не простился, ушел и смолчал уходя,
Печаль в моем сердце пребудет до судного дня.

Я ответил:

— О братец:

Не расстоянье повод для терпенья,
Бывает и причина отдаленья.

Меня волею рока закинуло в сети этого добродетельного падишаха, и я связан теперь его клеткой.

¹ Сулейман (Соломон) — один из любимых героев мусульманской повествовательной литературы. На перстне Сулеймана, по преданию, было вырезано так называемое величайшее из девяноста девяти имен аллаха, знание которого будто бы давало ему власть над джиннами, птицами и зверями. Ахриман — бог тьмы, зла.

Довлела нужда над печальною долей моей,
Неволен я в том, что покинул беседу друзей.

На это попугай сказал:

— О братец, а что если ты с разрешения падишаха отлучишься на несколько дней и вернешься к своим друзьям и близким, избавишь их от мук разлуки с тобой, а затем опять возвратишься на службу к своему благодетелю?

Я ответил:

— О душа моя, падишах моим словам ни за что не поверит, не поверит, что я, вырвавшись из этой клетки, по доброй воле вернусь к нему. Он даже слушать не захочет меня.

Ну кто поверит, что из клетки птица,
Освободясь, захочет воротиться.

Мой брат-попугай сказал:

— Тогда я научу тебя, как вырваться из этих пут и избавиться от этой рабской службы. Упади без чувств и притворись мертвым, ибо ведь сказано:

Пока не умрешь, из оков и цепей не уйдешь.

Словом, я прибег к этой хитрости и освободился.
Сказав это, он вместе с другим попугаем улетел.

Султан, улетело твое наслаждение, прощай.
До часа, как вновь я вернусь в услуженье, прощай.
Продлюсь на земле — ожидай непременно меня,
Умру,— да минуй тебя тягота судного дня.

Так Чайполшах остался без попугая.

Прошло некоторое время. Шах сидел, занятый своими мыслями, потеряв всякую надежду на встречу с другом, как вдруг увидел в небе того самого попугая. С нежным ростком в клюве он, словно добрый ангел, опустился перед ним.

Чайполшаха охватила огромная радость и, ликуя, он запел:

Мой праздник настал или это лишь чудится мне,
И счастье такое случается только во сне?

— О попугай мой, как позволило тебе твое сердце ввергнуть меня в пучину печали и бросить птицу моей души в жестокие соколиные когти мучений?

Попугай ответил:

— О шах, да не будет сокрытым от твоего светлого сердца, что

Того, кто не помнит друзей по судьбе,
Забудь, потому что не друг он тебе.

Долгое время я был в разлуке с родными и близкими и никаких вестей не имел от них. Вот я и повидался с ними, порадовал их встречей и вернулся в твой дворец — прибежище людей.

О мой кипарис, отлучался я несколько дней,
И вновь во дворец твой вернулся с мольбою своей.

— О радующий сердца падишах, за те несколько дней, что я был далек от твоих благодеяний и повиновения тебе, довольно испытал яд разлуки из кубка отдаленности от друга моего и хорошо понял цену тому наслаждению, которое испытываешь, вкусив вино встречи, и хорошо понял вкус благополучия при твоём покровительстве,

Покуда я жив, не уйду из дворцовых дверей,
Прости, если смерть унесет из юдоли твоей.

Чайполшах приласкал попугая, высказал ему много нежных слов, оказал всевозможные милости и сказал:

— Эй, попугай, что за росток ты принес с собой?

Попугай ответил:

— О шах, пусть всегда процветает, славится и почитается шахское твоё могущество и преуспеяние! Когда пришло время возвращаться, я попросил друзей, чтобы они подобрали подарок, достойный и приличествующий, подношение, полезное и соответствующее тебе. И вот один из них сказал, что на таком-то острове он знает дерево, плоды которого обладают особым свойством: если его скушает старый человек, он тут же помолодеет, если больной съест, — болезнь покинет его, и он станет здоровым. Я сказал, что во всем мире нет подарка лучше и более подходящего тебе, чем этот. Мы вместе с ним полетели на тот остров, я достал этот росток и вернулся в твой благословенный дом.

Рассказывают, что у Чайполшаха был сад, от зависти к которому базилик и все другие цветы райского сада носили сто тысяч ожогов в сердцах разноцветных тюльпанов, а шиповник, прекрасные деревья и стройный кипарис испускали от огорчения рвущие душу стоны и вздохи.

Шах призвал к себе садовника и велел росток дерева, плоды которого обладают способностью превращать старых в молодых и таким образом являются средством вечной жизни, посадить и выращивать в том, подобном райскому, саду.

Старый садовник оберегал росток, как зеницу ока. Через некоторое время он окреп, разросся, распростер свои ветви-крылья к самым звездным высям, а корни, перевившись в глубинах земли, достигли самой спины кита, вседержателя мира.

Через несколько лет на саженце появилась завязь и вскоре созрели плоды. В один из дней созревший плод упал на землю. К нему подползла змея, укусила и отравила его своим ядом. Садовник этого не знал. Он подобрал плод, положил на блюдо и понес падишаху. Падишах, увидев плод, хотел тут же его съесть, омолодиться и начать жизнь заново, но один из везирей сказал ему:

— О шах, падишахам в подобных делах необходима осторожность и размышления. Не испытывай этот плод, не кушайте его.

Падишах отдал плод одному из приближенных. Тот съел и тут же умер. Падишах был изумлен.

Он сказал попугаю:

— О, ты, несчастный, вот каковы твои вероломство и враждебность. За что же ты хотел мне отомстить?

Сколько ни убеждал попугай, чтобы шах не спешил с выводами, что никакого недружелюбия и вероломства с его стороны не было, шах не слушал его и велел попугая убить, а дерево выкорчевать и сжечь.

Опять визирь сказал:

— О шах, плоды эти просто необходимы в падишахской казне. Для избавления от недругов нет лекарства лучше этого. Прикажите, чтобы как следует следили и ухаживали за этим деревом.

Позвали садовничка и сказали ему:

— Плоды того дерева смертельный яд, следи, чтобы никто, не зная этого, не скушал их.

Садовник, узнав свойство плодов, каждого, кто входил в сад, предупреждал не кушать их. Однажды его случайным собеседником оказался старик. Он был так стар, что стан его согнулся и напоминал собой лук. Старик вторично посетил тот сад, но садовника на месте не оказалось. Старик обошел сад и подошел к тому дереву, и увидел на нем спелые, сочные плоды. Как раз по его зубам. Он съел плод с того дерева и тут же помолодел. Удивившись этому, он направился к выходу.

Садовник увидел уверенно шагавшего по саду юношу. Он рассердился, подошел к нему и сказал:

— Кто пустил тебя в этот сад?

Юноша ответил:

— Братец, я тот-то человек.

Садовник вспылил:

— Что за наглость! Тот человек — старик, а ты молодой.

Юноша сказал:

— Братец, я поел в саду плодов с того дерева и вот стал таким.

Садовник тут же нарвал блюдо плодов и в сопровождении юноши понес их падишаху. Садовник рассказал ему о случившемся.

Падишах велел еще раз испытать плоды. И стало ясно, что попугай говорил правду и с тем плодом связано что-то другое.

Спросили садовника:

— Первый плод ты сорвал с дерева?

Он ответил:

— Нет. Я поднял его с земли.

Все поняли, что плод был отравлен ядом змей и попугай не был виноват.

Падишах очень раскаивался, что убил попугая, и всю жизнь оплакивал его. Но было бесполезно.

— А теперь, о шах, если поспешите казнить меня, несомненно потом пожалеете.

Падишах, выслушав мой рассказ, решил воздержаться с наказанием и отправил меня в зиндан.

Назавтра, когда пробудился напыщенный мир

И снова увидел, что солнце согрело эфир,

опять озлобленное сборище привело меня к падишаху. Они стали кричать:

— Эй, падишах, если не прислушаешься к нам и не воздашь должное справедливости, то в судный день мы вцепимся в твой подол. Почему ты медлишь с кровной мстью?

Падишах опять хотел отдать приказ о моей казни, но я встал на колени и сказал:

— О шах, поддавшись настояниям жаждущих мести, не выпускай из рук узду власти, а обо мне твердо держись мнения, что не виновен я в этом проступке и на меня возводят клевету. Иначе ты ошибешься и годами будешь скорбеть об этом и раска-

иваться, и сожалеть о своей поспешности, как это случилось с Марзбони Ираки, который по навету клеветника-раба убил жену и брата своего и до конца дней своих горевал и сожалел об этом.

Сулаймоншах сказал:

— Как это было?

И я рассказал:

— Говорят, что в вилояте Ирак жил богатый человек, достоянию и богатствам которого не было числа. Однажды он пришел на базар, чтобы купить себе раба. Он увидел раба, очень красивого собой. Когда стал торговаться с его хозяином, последний сказал:

— Этот раб имеет один недостаток: он ябедник и клеветник. Других пороков у него нет.

Господин ответил:

— Это не столь важно. Что значит ложь и клевета раба?

Он отдал за раба золото и привел его к себе домой. У хозяйки была служанка, стройная, как кипарис, блистательная, как солнце, душистоволосая, словно амбра. Перед ее стройным станом склонялся гордый кипарис, а цветок базилика от зависти к ее щекам покрывался капельками росы. Между этим рабом и служанкой началась любовная связь. Через некоторое время тайну эту раб открыл собеседникам хозяина и попросил ту служанку себе в жены. Хозяин поругал его за это. Раб решил, что его делу мешает хозяйка дома. Он затаил в душе злобу на свою госпожу и день и ночь думал, как бы ее отдалить от хозяина и лишить его дружеского расположения.

Однажды в доме, кроме хозяйки и раба, никого не было. Раб нет-нет да улыбался и покачивал головой.

Женщина, увидев это, спросила его, в чем дело.

Раб ей ответил:

— О моя благодетельница:

Надежней помолчать, чем говорить,

— Эту тайну, секрет этот, я сам видел своими глазами.

Язык приставлен голову хранить.

Но и сказать, и не сказать — нельзя.

Сказать нельзя потому, что я боюсь, что вы, разволновавшись, разгласите секрет, но и утаить не могу, потому, что мне жаль вас. Вдруг, если я не скажу, случится такое, что вы окажетесь в безвыходном положении.

Услышав это, хозяйка забеспокоилась и поклялась святыми Галозом и Шадодом, что никому не расскажет этой тайны.

Раб сказал:

— Госпожа, да будет вам известно, что мой хозяин в одном доме завел себе возлюбленную и дело зашло так далеко, что ежеминутно он заключает свою любимую в объятия и, восторженный ею, он вскоре совсем вас забудет.

У женщины при этих словах вспыхнул в груди огонь страдания, по щекам потекли слезы огорчения.

Она сказала:

— О раб, я благодарна тебе, что известил меня об этом и выразил таким образом свое уважение ко мне. Я теперь знаю, что мне делать.

Раб сказал:

— О госпожа, я не советую вам придавать этому значение и открывать тайну, ибо это послужит причиной ссоры и раздора между вами, хозяин разгневается и еще больше будет тянуться к этой связи.

Хозяйка ответила:

— О раб, что мне делать? Как вынести мне это?

Раб ответил:

— О госпожа, благодетельница моя, я подскажу вам выход из этого положения. Когда мой хозяин уснет, вы должны взять острый кинжал и отрезать из-под самого подбородка две волосинки и отдать их мне. Я прочитаю над ними заклинание и так свяжу сердечную нить моего господина к вашей любви, что он, словно волос в огне, будет корчиться и извиваться от любви к вам.

Хозяйка сказала:

— О раб, если ты сделаешь это, все, что потребуешь, я исполню.

Раб дал ей острый кинжал, а сам пошел, разыскал хозяина и встал перед ним с удрученным видом.

Хозяин, увидев его печаль, спросил:

— Эй, раб, в чем причина того, что я вижу твое озабоченное лицо? Ты чем-то удручен и опечален?

Раб заплакал и сказал:

— О мой господин,

Так сердце болит, что не знаю, что делать с глазами,
Рукав отниму — обольюсь до подола слезами.

Случилось небывалое, необыкновенное происшествие. Если рассказать о нем — значит посеять раздор и смуту, а умолчать — будет причиной множества забот и неприятностей. В общем, мне стало известно, что моя госпожа отвернулась от вас и привязалась сердцем к вашему брату. Они сговорились и оба жаждут вашей крови. Я это говорю потому, что однажды видел, как ваш брат дал вашей жене острый кинжал и о чем-то долго беседовали вдвоем. Через несколько дней я видел, что вы спали, а госпожа вынула кинжал из рукава и поднесла к вашему горлу. Тут вы зашевелились, и она спрятала кинжал в рукав.

После этих слов в душе хозяина зародилось подозрение.

— Эй, раб, спасибо, тебе, что предупредил меня об этом деле.

Хозяин решил проверить все сам. Он вернулся к себе домой, позвал жену и сказал:

— Я чувствую какую-то тяжесть в теле и меня клонит ко сну. Постели постель, я отдохну часок.

Сказав это, он лег на подушку и притворился спящим. Но бдительно следил си недреманным оком и чутким ухом за всем происходящим.

Подавленная услышанным женщина подумала, что он уснул. Она торопливо вынула из рукава кинжал и протянула руку к горлу мужа. Он вскочил с постели, схватил ее руку с зажатым кинжалом и сказал:

— О, несчастная, что ты хотела сделать?

Не дав сказать ей и слова, он полоснул кинжалом по ее шее от уха до уха. Затем пошел к своему брату, пригласил к себе в дом и там, ни в чем не повинного, убил.

Поднялось смятение, начались раздоры, и родственники той женщины подвергли того человека великим мукам, все золото и добро его было разграблено.

Через некоторое время, когда улеглось волнение, он вернулся к себе домой и увидел своих детей. Сиротство наложило на их лица свой отпечаток: они были бледны, худы. С разбитыми сердцами они кинулись к отцу, стали кричать и плакать, и их стенания и вопли достигли небесной выси. Господин, сраженный горем, готов был схватить нож и убить себя. Но это не помогло бы ему. Через некоторое время господин женил того раба на служанке.

Однажды ночью господин никак не мог уснуть. Его мучали страдания осиротевших детей. Он встал и вышел из дома. Ему

нужно было пройти мимо двери комнаты той служанки и раба. Он услышал их разговор. Прислушался. Служанка тяжело вздохнула и сказала:

— Как жаль мою благодетельницу, госпожу. Хозяин был несправедлив к ней и так жестоко погубил ее.

Раб рассмеялся и сказал:

— А ведь причиной ее смерти была ты.

Служанка возмущилась:

— Ой-ой, что ты говоришь? Что это за речи?

И она стала расспрашивать раба, что значат его слова.

Раб сказал:

— Женщинам опасно доверять. А вдруг разболтаешь эту тайну.

Служанка поклялась, что никому не раскроет секрета, и раб подробно рассказал служанке, как было дело.

Хозяин с начала до конца выслушал его рассказ и понял, что раб оклеветал его жену и брата и что они были невиновны. Он разорвал ворот рубахи в отчаянии, стал кричать и плакать, посыпать голову прахом. Всю жизнь он горевал и печалился, кусал руки раскаяния зубами сожаления, но — увы! — напрасно.

— А теперь, о шах, подумай, как бы после моей казни не пришлось тебе пожинать плоды раскаяния и сожаления.

Выслушав этот рассказ до конца, падишах опечалился и долго плакал. Затем он повернулся к обвиняющим и сказал:

— В данном случае я не могу преступить шариата, предписанного нам Мухаммадом.

И он приказал придерживаться установленных шариата и, если моя вина будет доказана, он вынесет должное решение.

Таким образом, покровительствуемый шариатом, я избежал несправедливой мести и семь лет был в заточении и зинданах.

А тот раб, который убил завистника, увидел во сне светлейшего посланника всевышнего — да будет мир над ним, — который сказал ему:

— Эй, раб, того завистника убил ты, а ни в чем не повинный Некрой вот уже семь лет в заточении. Если ты уповаешь на мое заступничество, иди и открой падишаху случившееся.

Раб пошел к падишаху и рассказал все, как было.

Когда моя невинность стала ясна всем — падишаху, народу, воинам — повелитель освободил меня из зиндана, удостоил особой одеждой, принес извинения и поставил меня на прежнюю должность.

Познав таким образом несправедливость и бессердечие людей, я не унизил себя и, не уронив своего достоинства, пренебрег всем и удалился в уединение. Падишах старался привлечь меня к себе и не оставлял в покое. Поэтому я покинул тот вилайет, подружился с обитателями этой пустыни и повторяю:

Хочу одиночества я, и когда небосвод
Низринется смерчем на землю бесчестья и страха
И всю эту свалку вселенной, кружа, разметет,—
Пускай не найдут от меня даже горсточку праха.

Нуъмоншах Йеменский, выслушав этот рассказ, сказал:

— Эй, Некрой, ради творца, в могущественной длани которого восемнадцать тысяч царств, до тех пор, пока я жив и буду в состоянии и встречаться с тобой, и беседовать, я ни на миг не разлучусь и не отдалюсь от тебя. Прошу тебя, больше не повторяй этих слов, напрасно не усердствуй и склонись сердцем к беседам со мной. Что бы ты ни пожелал, я сделаю все и ни на волосок не отступлюсь от твоего желания.

Сколько отказывался Некрой, столько же шах уговаривал его, пока тот, не сумев отклонить просьбу и не найдя другого выхода, вынужден был согласиться.

Тут подоспели приближенные и воины-телохранители, в волнении разыскивавшие Нуъмоншаха Йеменского. Падишах возвеличил Некроя, оказал ему достойное уважение и почести, так что приближенные его воины пришли в крайнее изумление.

Когда Нуъмоншах вернулся в свои владения, он привлек Некроя к своим беседам. После нескольких бесед шах обнаружил в нем рассудительность, проницательность и сделал его одним из своих приближенных.

Рассказывают, что у падишаха был избранный приближенный. Без него он не начинал ни одного дела. Видя, что дела Некроя изо дня в день улучшаются, в груди приближенного разгорелось пламя зависти, и он кинулся в долину размышлений.

Он сказал себе:

— Если будет так продолжаться, нам никакой цены не будет. Нужно изыскать пути и сделать так, чтобы отдалить Некроя от взора падишаха, лишить его благосклонности владыки.

Однажды падишах сидел с ним в уединении и вел беседу на разные темы. И они договорились до того, что тот избраннык сказал:

— Некоторые относятся к такому разряду людей, что не заслуживают покровительства и не достойны падишахских бесед и расположения.

Что тех просвещать, у кого в основании грех?
Учить недостойных — как ставить на кочку орех.

Падишах спросил:

— Каков смысл этих слов?

Он ответил:

— О шах, я открою этот секрет и отворю крышку сундука тайны лишь тогда, если высочайший падишах даст слово, что тщательно проверит мой рассказ, не замахнется мечом поспешности и не погубит меня, невинного.

Падишах согласился на это условие.

Тот сказал:

— О шах, во имя спасения души, этот нечестивый дервиш, которого вы называете Некроем, сажаете рядом с собой и считаете доверенным другом, злословит о вас, приписывает вам такие грехи, которые вообще далеки от вашего светлейшего естества. Он говорит, что из вашего носа исходит отвратительный запах. Я, говорит он, страдаю от этого и испытываю большую неприятность. Когда вы склоняетесь к нему поверять тайну, он всегда прикрывает рот рукавом.

Падишах, словно бутон, поник головой в вороге изумления. Его одолевали сомнения, и он говорил:

— Я верил ему, как верят чистосердечному, правдивому человеку и никогда не думал, что он так низок и мерзок по своей природе. Как он мог говорить обо мне такую ложь?

Злопыхатель-завистник сказал:

— О шах, натуру человека, его суть нелегко познать и быстро понять — просто невозможно.

Сойдись с человеком, узнаешь за сколько дней
Чего он достигнул, в науке каких степеней.
Но кто он по сути, уверены мы не всегда —
Душевная низость бывает сокрыта года,

Падишах сказал:

— Это поразительно, небывалый случай. Я никак не могу поверить этому.

Тогда злобный завистник сорвал с головы чалму, склонил голову к земле и сказал:

— Пусть светлейший падишах испытает его. Если мои слова не подтвердятся, я приму любое наказание.

Сказав это, бесстыжий завистник, проклятый лжец вышел от падишаха и встал у дверей своего дома. А дом его стоял на пути, по которому обычно ходил Некрой. Как только неудачник Некрой показался на улице, он подбежал к нему, лебезя и изображая гостеприимство, и сказал ему:

— О, если бы вы благословенными стопами удостоили очастливить мое убогое жилище.

Некрой, думая, что его приглашение чистосердечное и доброе, не мог отказаться и вошел в его дом.

Низкий завистник приготовил угощение, положил в него как можно больше сырого чеснока и поставил перед Некроем. Некрой попробовал еду и тут же вспомнил аят — стих из корана. Он никак не мог отклонить настоятельные просьбы хозяина и поел предложенное ему угощение. И тут же сам себе дал слово, что сегодня не пойдет к падишаху.

Только он вышел из дома, как подошел к нему гонец от падишаха и сказал, что его требует к себе повелитель.

Некрой не смог придумать причину, чтобы отказаться и вынужден был поспешить во дворец заступника мира.

Когда он уселся на своем обычном месте, падишах наклонился к нему, чтобы поделиться чем-то сокровенным. Он хотел узнать оправдаются ли слова, которые он услышал.

Некрой, как только падишах наклонился к нему, подумал:

«Ох, что же делать? Я поел такого пахучего кушанья, что из моего рта идет неприятный запах. Он достигнет обоняния падишаха, и владыка останется недоволен мной, и беседой со мной».

Чтобы как-то уменьшить запах чеснока, он прикрыл рот рукавом.

Падишах, увидев это, поверил словам нечестивца и обиделся до глубины души. Самолюбие его страдало, но он никому не показал виду.

Падишах, как всегда, мягко и уважительно заговорил с Некроем.

— Эй, Некрой, вот уже долгое время ты служишь в моем дворце и преуспел в обязанностях услужителей и выполнении долга рабов перед владыками, но наградить тебя или сделать достойное подношение не было случая. Сегодня мне захотелось так обласкать и отблагодарить тебя, чтобы это, пока вертится

мир, прославилось как образец падишахского могущества и благополучного владычества.

Говорят, что у падишаха в десяти фарсах от горсда Йемена был замок, который называли замок Саълук. Управителем там был один из доверенных людей падишаха. Повелитель потребовал перо и чернила и написал управителю замка письмо. Содержание его было таково, что доставившему это послание, как только он прибудет, немедля отделить голову от тела. Промедление недопустимо, и исполнение этого дела необходимо и ненаказуемо. Написав письмо, падишах приложил к нему свою печать, свернул его, обвязал ниткой, запечатал воском, отдал Некрою и сказал:

— Мне в наследство от отца достался сундучок с драгоценностями, подобных которым нет в сокровищницах ни одного падишаха. Сегодня щедрость моя изливается и проявляется в виде подарков, и волна моей благосклонности выбросила этот сундучок к подножию твоих желаний. Возьми это письмо и отправляйся к управителю такого-то замка.

Обрадованный Некрою встал и с достоинством вышел от падишаха, возблагодарив аллаха и не ведая того, что написано в том послании.

Случайно ему встретился проклятый творцом завистник и, увидев Некрою в радостном состоянии, спросил о причине ликования.

Некрою ответил:

— На падишаха снизошла милость и щедрость. Он написал управителю такого-то замка письмо и дарит мне сундучок с драгоценностями.

Грудь подлого завистника при этих словах, словно жаровня, вспыхнула пламенем зависти, и повалил дым из его злобного нутра. Он испустил полный страдания стон и в нем зашевелились темные и низкие страсти, такие же черные, как его сердце, и он сказал себе:

«Увы, моим стараниям не суждено было сбыться, и уловки мои не помогли мне. Опять его дела пошли в гору. Что же делать? Какие еще хитрости и ложь придумать мне?» И решил — самое лучшее — это каким-нибудь образом отнять у Некрою письмо, отнести тому управителю, забрать сокровища, исчезнуть и так лишить его тех богатств.

И он обратился к Некрою:

— Братец, у меня в том замке есть важные дела. Несколько дней назад я попросил у падишаха позволения и хотел сегодня

отправиться туда. Если исполнение падишахской щедрости возложите на меня, я буду лишь благодарен вам, от души помогу и непременно вручу ваше достояние в ваши руки.

Некрой сказал:

— О дорогой, очень любезно с твоей стороны, что берешься исполнить это дело за меня. Окажешь эту услугу, я отблагодарю по всем установлениям дружбы и товарищества.

Завистник, заполучив письмо, возрадовался, словно вернул себе утраченное счастье, и тут же отправился в тот замок.

Когда же управитель вскрыл письмо и прочитал его, велел позвать палача.

Пораженный и встревоженный завистник спросил:

— Что здесь делать палачу?

Ему ответили:

— Он отделит твою голову от тела и отнесет ее падишаху.

Тот вскричал:

— О, горе мне, что за речи? Я пришел сюда за сундучком!

Тогда управитель показал ему письмо. Прочитав его, завистник понял, что писарь судьбы дописал тетрадь его жизни, и сказал:

— О, эмир, это не мое письмо, оно было дано другому человеку. Не я его владелец. Если велите, я тут же доставлю вам хозяина этого письма.

Управитель сказал:

— Нечего чепуху нести,— и велел палачу отсечь ему голову и тут же отправить падишаху.

Когда посланец принес его голову падишаху, тот, взглянув на нее, увидел, что это голова его советника. Падишах укусил палец в удивлении и сказал:

— О великий аллах, что за чудеса? Я ведь письмо давал совсем другому человеку!

Он тут же потребовал к себе Некроя и спросил об обстоятельствах дела.

Некрой подробно рассказал, что с ним и его собеседником случилось: как он покушал у того угощения, как прикрывался потом, смущаясь, рукавом.

Падишаху стало ясно, что тот завистник оклеветал Некроя и затем хотел хитростью доказать свою ложь. Падишах возблагодарил всевышнего и очень просил Некроя простить его.

РАССКАЗ О ШАХМАТАХ И СМЕШНОЙ ОБЕЗЬЯНЕ

дин из уважаемых людей того времени рассказывал, что в Тебризе жил человек по имени Амирали. В мастерстве шахматной игры он достиг таких высот, что Лилоджу — известному индийскому шахматисту — без коня и ферзя объявлял мат, а Хаким — основатель этой игры — перед ним опускал руки, сдавался без борьбы.

Барака Индийский, претендовавший на звание лучшего игрока, из дальнего района Индии прибыл в Тебриз, чтобы встретиться за шахматной доской с Амирали.

Говорят, что состязались шахматисты перед падишахом и играли так, что один тур между ними длился три дня. Объяснялось это тем, что как только один из них протягивал руку к фигуре, другой говорил: «Ты замыслишь побить вот эту фигуру. Не делай этого, ибо я двину такую-то фигуру». На четвертый вечер Барака Индийский подумал про себя, что если он пожертвует своей ладьей, то на пятнадцатом ходу сможет объявить Амирали мат.

Как только настало утро, он пришел к дверям Амирали, окликнул его и сказал:

— Идем, продолжим игру.

Мирали ошеломил его ответом:

— Не спеши, ты, индеец, и не надейся понапрасну — не возьму я твоей ладьи.

Другой почтенный человек рассказывал, что во времена правления султана Хусейна Мирзо некий по прозвищу Бободжамол Бузбоз прибыл из Ирака в Хорасан. Он был воспитан, умел убедительно говорить, умел вести себя, а рассказы его были настолько разнообразны, что ими он вписывал любовь к себе на странице сердца каждого, с кем встречался.

У него был огромный верблюд:

Ноги — бревна под шатер, тело — башня без опор,
Как дракон летит в пустыне, животом касаясь гор.
Грива душная волос словно смоль тюрчанских кос,
То как шелковая летится, то встает наперекос.

Он научил верблюда взбираться на тренажник. Посмотреть на него собиралось множество людей и удивлению их не было предела.

У этого человека была еще обезьяна, очень забавная и умная. Она так хорошо играла в шахматы, что мастеров этого вида искусства, как Дусти, Барноча и Джафарали ввергала в изумление.

Однажды великий эмир — Мир Алишер — велел Сохибдору, равного которому в шахматах не было ни среди молодых, ни среди старых, ни здесь, ни в отдалении, сыграть в шахматы с той обезьяной.

Известному мавлоно обезьяна дважды поставила мат. Во время игры после каждого хода мавлоно Сохиба, обезьяна оглядывалась на Бободжамола и подмигивала ему: смотри, мол, как мой противник плохо сыграл.

В третьей партии мавлоно Сохиб, шутя, сходил конем, как обычно ходят слоном. Обезьяна отвесила ему такую пощечину, что след ее пятерни почти месяц держался на его щеке, да еще разорвала ему ворот рубахи.

И еще один из уважаемых людей рассказывал:

— Говорят, что был падишах. Он играл в шахматы с обезьяной. Каждый раз, как она объявляла ему мат, он хватал шахматы и бил доской по голове обезьяны. В одной партии, прежде чем объявить шах, обезьяна одной рукой схватила подушку, на которую опирался падишах, прикрыла ею голову, а другой рукой передвинула фигуру, объявила шах падишаху и поставила мат.

Другой рассказывал, что в Герате жил сын эмира, совершенный по красоте и изяществу. Звали его Юсуф. Тысяча Юсуфов Египетских в ожидании и надежде увидеть его лицо ослепли подобно Якубу, и сто тысяч красавиц, подобных Зулейхе, разрывали ворот свой от страсти к нему¹.

Не настолько Юсуф совершенной блистал красотой,
Рисовальщик прекрасней портрет нарисует второй.

И вот этот юноша заболел чахоткой. Прекрасное лицо его исхудало, словно месяц, а высокий, стройный стан стал подобен

¹ Юсуф Египетский славился своей красотой и совершенством ума. Братья завидовали ему и решили убить его. Обманом завели они Юсуфа в степь, а отцу доставили окровавленные одежды брата. Якуб — отец Юсуфа так горевал о гибели сына, что ослеп от слез. Зулейха — любимая жена правителя, славившаяся красотой, воспылала любовью к Юсуфу и пыталась свратить его.

зубочистке. Розовый цвет лица стал желтее шафрана. Начал юноша слабость и чахнуть. Красота и обаяние его постепенно исчезали.

Подкошен болезнью, он стал как увядший цветок,
И талия стала тонка как тонкий волосок.

Лекари, что считались Галенами и Гипократами того времени и не имели себе подобных в науке исцеления, сколько ни старались в его лечении, ничего не могли поделать. У меня больше не было сил видеть его страдания,— продолжал рассказчик.

Пошел я проведать, как тягостен друга недуг,
Такою же тяжесть на сердце почувствовал вдруг.

Я выдумал для себя срочную поездку и целый год бесцельно колесил по свету. Когда я вернулся на родину, на базаре увидел юношу, подобного лучезарному восходящему солнцу на лазоревом небосводе. Я не узнал его, но он был мне приятен. Я сказал себе:

Он мне симпатичен, и где-то я видел его.

Когда взгляд юноши упал на меня, он вдруг закричал:

— Ой, дорогой, где ты был и когда приехал?

По голосу я узнал Мирзоюсуфа.

Я возблагодарил создателя, вознес ему хвалу, пошел с ним к нему в дом и расспросил о жизни и делах.

Он сказал:

— Мавлоно Изиддин и мавлоно Алоулмулук — лекари — велели мне как можно чаще совершать прогулки, бывать у проточной воды, устроить себе жилье в тени плакучих ив, окружать себя радостью и весельем. Два раба передвигное мое ложе на плечах таскали по садам и лугам до тех пор, пока случайно не принесли меня в сад Ахи-ювелира. Это такой сад, что райский благословенный сад спрячется от стыда перед ним под покрывало неизвестности, а источник Кавсар от зависти к ручейкам его прольет струи огорчения словно источник Сельсебиль. Райские красоты от зависти к процветающим кипарисам этого чудесного сада омочат свои лица ста тысячами кровавых капель. Сосны райского сада обломили свои ногти, терзая сердца, изболевшие в разлуке с самшитом того сада. От чудодейственного воздуха я почувствовал себя лучше, и мне захотелось

кушать. Все необходимое для приготовления пищи было со мной. Раб-повар положил курицу в котел и начал кухарничать.

Во время болезни я увлекся чтением книги «Шабистони хаеёл», которую написал мавлоно Яхья Себак.

Из-под пера ни его соратников, ни представителей простого народа, ни ученых не вышло более совершенного по остроумию и изяществу произведения, чем вышеупомянутое сочинение. Случайно я забыл ту книжку дома, а из слуг никого, кроме повара, при мне не было. Я велел ему сходить домой и принести мне книгу. Повар прикрыл котел крышкой, подбросил в огонь дров и ушел. Вскоре пришел садовник и с ним была обезьяна. При виде ее прыжков и ужимок я воспрял духом, в сердце возникла радость. Садовник к тому же рассказал, что вечерами он дает ей в руки свечу, и обезьяна держит ее, может разжечь огонь, и все, что он попросит, тут же приносит ему.

Я сказал:

— А что, если до прихода слуги ты велишь ей поддерживать огонь в очаге?

Садовник сделал обезьяне знак, и она тут же, со знанием дела, принялась за очаг.

Садовник сказал:

— Я пойду пройдуся по саду, а обезьянка пусть занимается этим делом.

Сказав так, он ушел.

Я заметил, что обезьянка следит за мной, нет-нет да поглядывает в мою сторону. Я догадался, что она ждет, когда я усну. Я притворился спящим и так крепко закрыл глаза, что она повергла, что я уснул. Тогда она открыла крышку котла и настороженно посмотрела в мою сторону. Я лежал с закрытыми глазами, и она успокоилась. Обезьяна засунула руку в котел, вытащила курицу, положила на блюдо и стала ждать, когда она остынет и можно будет приняться за еду. Но тут появился орел и схватил с блюда курицу. Обезьяна так разволновалась, что я, видя ее состояние, чуть не потерял сознание. В какую бы сторону ни летел орел, она бежала следом за ним по земле, не отрывая глаз от него. Это продолжалось до тех пор, пока орел не скрылся из виду. Опечаленная обезьяна усе-лась в задумчивости и растерянно приложила руку тыльной стороной ко лбу. Она то вскакивала с места и всматривалась в небо, то принималась ходить вокруг котла и вместо куриных косточек кусала в отчаянии свои пальцы. Тут в воздухе появился тот орел, а может быть, другой. Увидев его, обезьяна обрадо-

валась и стала заинтересованно оглядываться по сторонам. Вдруг она увидела куст шиповника, усыпанный распустившимися цветками, словно небо звездами. Она проворно подбежала к нему, влезла головой по пояс в его ветки, а седалище выставила наружу. Орел с высоты осматривал землю и подумал, что валяется кусок мяса, и сосредоточил все внимание на нем. Орел низринулся вниз. Обезьяна одним движением схватила его, оторвала ему голову, скрутила крылья, бросила в котел, прикрыла крышку и начала раздувать огонь.

Дольше терпеть я не мог. От охватившего восторга и удивления я стал кричать. С трудом дождался я, пока придет повар-слуга. Он спросил меня, что случилось. И я рассказал ему все, что произошло. Он впал в такое же состояние, что и я.

Тут набежал из разных мест народ, собралась большая толпа. Все удивлялись выходкам обезьяны и смеялись от души.

Я же почувствовал, что болезнь покидает мое тело. А обезьяну у того садовника я купил, и она стала моим лучшим другом и наперсником. Я ни на миг не разлучался с ней. Незаметно пришла зима.

Одному из слуг я сказал, что ночи стали холодные, и нужно лучше следить за обезьяной, чтобы она не заболела...

Через несколько дней после нашей встречи ранним утром появился у меня тот человек. Он так смеялся, что был близок к обмороку.

Я спросил о причине смеха.

Он стал рассказывать. Вчера ночью было очень холодно. Я подумал, что это повредит обезьяне и устроил ее в своей постели у ног. Я вытянул ноги на ее груди и прикрыл одеялом. Настало утро, и я почувствовал, что мне пучит живот. Я выпустил воздух. Обезьяна зашевелилась, завозилась, выставила голову из-под одеяла, подождала, пока запах улетучился. Затем опять с головой забралась под одеяло. Проследив за этим, я рассмеялся и подумал: ну-ка, посмотрим кто кого. Я еще раз сделал то же самое, обезьяна повторила свои действия. Когда же я это сделал в третий раз, обезьяна не выдержала. Она схватила уголок одеяла и стала затыкать пальцем то место, откуда исходил этот смрад. Я чуть не потерял сознание от смеха, пока шел к вам.

Словом, эта посланная аллахом обезьяна стала причиной моего исцеления и моей жизни.

СОДЕРЖАНИЕ

С. Ховари. Зайниддин Восифи и его «Удивительные события»	3
Рассказ о том, как Восифи поспорил с Гулхани	7
Рассказ о том, как Восифи познакомился с Мир Алишером	9
Рассказ о том, как с помощью Навои освободились от притеснений ходжи Мухаммада Чанора	11
Рассказ о художнике Бехзоде и портрете Навои	13
Рассказ об угощении ходжи Мадждуддина, устроенном в честь Навои	16
Рассказ о том, как хафиз Гиёсиддин Дахдор познакомился с Навои	21
Рассказ о пахлавоне Мухаммаде Абусанде	24
Рассказ о том, как пахлавон Абусайд боролся с пахлавонем Молони	27
Рассказ о том, как пахлавон Мухаммад Молони поборол слона	29
Рассказ о племяннике пахлавона Абусанда — Дарвешмухаммаде	32
Рассказ о том, как муфрид — багдадский каландар померился силами с Хайдарпахлавонем Гератским	36
Рассказ о схватке Мирхалила с муфридом-каландаром	38
Рассказ о ятима Насире-красильщике	40
Рассказ о хитром алхимике и Хусейне Бойкаро	42
Рассказ о Тоджуннасаб и сыне старейшины Нишапура	45
Рассказы о приключениях Гиёсиддина и Восифи	49
Рассказ о том, как Восифи помог бежать Мохчучук	64
Рассказ о том, как Восифи провел кизилбоша	68
Приключения Восифи в Нишапуре	70
Рассказ о вечере у Убайдуллохана	74
Рассказы Восифи об Улугбеке Мирзо	76
Рассказ о смешном портрете кази Джодака и длиннобородом продавце имбиря	83
Рассказ о глупом длиннобородом	84
Рассказ о паломничестве мавлоно Субхи, мавлоно Райхони и Хайёти	86
Рассказ о том, как мавлоно Субхи стал советником Амирзуннуна Аргуна	96
Рассказ о мавлоно Котиби и Бобосавдои	101
Рассказы Восифи о забавных случаях с поэтами	104
Рассказ о мавлоно Огохи и ходже Шахобуддине Исхоке	106
Рассказ о том, как Хусейншахриёр взбирался на минарет Гавхаршод-бигим	109
Рассказы о Нуширване и Хаджджадже	110
Притчи	112
Рассказ о Фирдоуси Туси	113
Рассказ об Абдулвосеъ Джабали	121
Рассказ о султани Махмуде	123
Рассказ о пропавшем рубине	126
Рассказ о Бибирушной	127
Рассказ о Бободжамоле	128
Рассказ о Нуъмоншахе и Некрое	130
Рассказ о шахматах и смышленной обезьяне	155